

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 29 (1–4), 2021
№ 1

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2021. Т. 29(1–4). № 1

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [А. А. Крымов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 31.03.2021. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России», [интернет-каталог](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;
free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;
compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 10** *Геранин В. В., Мальцева С. Н.* Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний
- 27** *Кашуба Ю. А.* Нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, утратившие силу: поиск их новых регулятивных возможностей
- 32** *Миняева Т. Ф.* Уголовно-исполнительное право – особая отрасль права
- 40** *Серебренникова А. В.* Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы
- 46** *Южанин В. Е., Горбань Д. В.* Институт пребывания осужденных за пределами исправительных учреждений в уголовно-исполнительном праве России

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 56** *Игнатенко В. И.* Категория «антиобщественный образ жизни» в свете зарубежных концепций борьбы с преступностью
- 71** *Шурухнов Н. Г.* Тюремь России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор)

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 83** *Поникаров С. В., Поникаров В. А., Смолев С. М., Строилов С. В.* Теоретико-прикладные вопросы организации взаимодействия отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными особыми подразделениями

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 90** *Бархатова Е. Н.* Вопросы регламентации механизма реализации иных мер уголовно-правового характера
- 101** *Епифанов С. С.* Система предупреждения преступлений, совершаемых осужденными посредством незаконного применения мобильной связи (криминологический и уголовно-исполнительный аспекты)
- 107** *Овсянников И. В.* Об обстоятельствах, необходимых для заключения осужденного под стражу и направления в колонию-поселение под конвоем
- 112** *Илиджев А. А.* Преступления пособника и их отражение в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации
- 123** *Мишин А. А., Воробьев С. М.* Социально-демографическая характеристика осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 129** *Лисник Ю. С., Горностаев С. В.* Анализ и интерпретация личностных черт заместителя командира взвода образовательной организации Федеральной службы исполнения наказаний

ПЕРСОНАЛИИ

- 145** *Казанцев В. Н., Кузнецов М. И.* Юбилей Петра Петровича Бодько

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 148** *Geranin V. V., Mal'tseva S. N.* Problems of functioning of correctional institutions and colonies-settlements in the system of criminal penalties
- 150** *Kashuba Yu. A.* The norms of the penal legislation that have become invalid: search for their new regulatory opportunities
- 151** *Minyazeva T. F.* Penal law – a special branch of law
- 153** *Serebrennikova A. V.* Digitalization of sentences execution: state and prospects
- 155** *Yuzhanin V. E., Gorban' D. V.* The Institution of stay of convicts outside correctional institutions in the penal law of Russia

TIME LENS

- 157** *Ignatenko V. I.* The category of «anti-social lifestyle» in the light of foreign concepts of combating crime
- 159** *Shurukhnov N. G.* Prisons of Russia according to the handwritten project of the Empress Catherine II in 1787 (a brief retrospective review)

MANAGEMENT VECTOR

- 160** *Ponikarov S. V., Ponikarov V. A., Smolev S. M., Stroilov S. V.* Theoretical and applied issues of the interaction organization of special purpose departments of the penitentiary system with other special units

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 162** *Barkhatova E. N.* Regulatory issues of the mechanism for the implementation of other measures of a criminal law nature
- 163** *Epifanov S. S.* System for the prevention of crimes committed by convicts through the illegal use of mobile communications (criminological and penal aspects)
- 164** *Ovsyannikov I. V.* The circumstances necessary for the detention of a convicted person and transfer to a colony-settlement under the convoy
- 165** *Ilidzhev A. A.* The crimes of an accomplice and their reflection in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation
- 167** *Mishin A. A., Vorob'ev S. M.* Socio-demographic characteristics of convicts sentenced for extremist and terrorist crimes

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 169** *Lisnik Yu. S., Gornostaev S. V.* Analysis and interpretation of personal traits of the deputy platoon commander of the educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia

PERSONALIA

- 173** *Kazantsev V. N., Kuznetsov M. I. P. P.* Bod'ko's anniversary

УДК 343.819.1

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.10-26

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРАНИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0003-0251-2002,
e-mail: gvvrzn@mail.ru;

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА МАЛЬЦЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация, ORCID 0000-0001-9252-284X,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ И КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Геранин, В. В. Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 10–26. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.10-26.

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что действующая система уголовных наказаний начала функционировать не сразу после вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, а значительно позже – когда реально начали применяться наказания, названные впоследствии альтернативными. При этом один из ее основных элементов – наказание в виде принудительных работ, основное назначение которого – быть связующим звеном между лишением свободы и остальными наказаниями, не смог достичь требуемых стандартов до настоящего времени, и причиной тому явились не столько недостаточные материально-финансовые возможности уголовно-исполнительной системы, сколько неорганичность этой уголовно-правовой меры для системы уголовных наказаний. Принудительными работами предполагалось заменить выполнение функций, которые давно и успешно осуществляли колонии-поселения. Эти учреждения изначально необоснованно были отнесены к исполняющим лишение свободы вследствие ошибки, допущенной при толковании терминов «изоляция» и «изоляция от общества».

© Геранин В. В., Мальцева С. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Изоляция от общества, как сущностный атрибут лишения свободы, свойственна лишь трем видам наказаний: пожизненному лишению свободы, лишению свободы на определенный срок и аресту. Поскольку в колониях-поселениях изоляция от общества отсутствует, значит, они исполняют иное, альтернативное лишению свободы наказание и потому должны быть выведены из-под юрисдикции лишения свободы. Принятие такого решения приведет уже не к формальной, а к нормативно-правовой конкуренции двух идентичных элементов в рамках одной системы наказаний.

Несмотря на все предпринимаемые усилия, принудительные работы за четыре года применения в среднем назначались лишь в 0,2 % случаев от всех назначаемых судами наказаний, что позволяет отнести их к разряду мало-перспективных. Колонии-поселения, напротив, за почти шестидесятилетний период существования зарекомендовали себя как устойчивый и эффективный институт. В связи с этим законодателю разумнее свой выбор остановить именно на колониях-поселениях. Кроме того, это позволит сэкономить (перенаправить) значительные ресурсы, расходуемые сегодня на создание исправительных центров.

В статье сделан ряд предложений по внесению изменений в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, принудительные работы, колонии-поселения, изоляция, изоляция от общества, ограничение свободы, исправительный центр.

Система наказаний и ее свойства

Вопросы, касающиеся понятия и признаков системы уголовных наказаний, места их отдельных видов в ней, соотношения и конкуренции между собой, продолжают оставаться актуальными в области уголовного и уголовно-исполнительного права.

Проблемы системы наказаний обозначились сразу после вступления в силу нового (на то время) Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) 1996 г., так как были заложены в него изначально. Не вдаваясь в подробности, поскольку это отмечалось ранее многими исследователями, все же напомним, что из закрепленных ст. 44 УК РФ видов наказаний длительное время не применялись: обязательные работы (в течение 9 лет), ограничение свободы (в течение 14 лет), арест (по настоящее время). Если к этому добавить резкое искусственное сокращение назначения исправительных работ (с 2003 по 2010 год), вызванное непродуманным изменением, внесенным в ст. 50 УК РФ и едва не погубившим этот эффективный вид наказания, а также откладывавшееся в течение 5 лет наказание в виде принудительных работ, внесенное в УК РФ в 2011 г., становится понятным, почему российские суды в этот период назначали в подавляющем большинстве случаев только два наказания – штраф и лишение свободы, а также такую уголовно-правовую меру, как условное осуждение (табл.) (Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

Прослеживается закономерность: по мере ввода в действие все новых наказаний прижилась роль условного осуждения, до этого применявшегося несоизмеримо часто.

**Назначение наказаний федеральными судами общей юрисдикции
и мировыми судами (в процентах от их общего числа)**

Вид наказания	Год			
	2003	2007	2010	2019
Лишение свободы	32,8	33,5	32,1	29,7
Штраф	6,5	13	14,7	12,8
Условное осуждение	55,5	43,9	38	28,4
Иные виды наказаний	5,2	9,6	15,2	29,1

Система наказаний относится к одному из базовых положений уголовно-правовой доктрины, в связи с чем в научной и учебной литературе подробно описаны ее понятие, значение, структура и т. д. В то же время многие криминалисты хотя и отзывались критично о столь значительном разрыве между закрепленными в законе и применяющимися наказаниями, тем не менее продолжали привычно оперировать понятием «система наказаний», не замечая отсутствие в ней ряда институциональных признаков. Представляет интерес позиция В. В. Паляя. Осознавая слабость утверждений о существовании системы наказаний, в которой некоторые элементы значатся лишь виртуально (в действительности не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях), он выделяет две самостоятельные системы наказаний: идеальную, содержащуюся в уголовном законе, и реальную, применяемую на практике [1, с. 196]. На наш взгляд, данное объяснение лишь подтверждает серьезные сомнения автора в существовании реально действующей системы наказаний. В связи с этим важно отметить, что речь идет о системе наказаний, а не о перечне их отдельных видов, пусть и закрепленном в законе, она (система) должна соответствовать ряду качественных признаков, отличающих ее от простой совокупности, набора элементов.

Наиболее существенным признаком системы признается структура, характеризующая ее организованность, устойчивую во времени упорядоченность элементов и связей [2, с. 33]. Если нет связей между отдельными элементами, составляющими систему, нет и оснований говорить о существовании системы.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что на протяжении длительного времени, а именно до того, пока не начали применяться так называемые альтернативные наказания, говорить о действующей системе наказаний было преждевременно. В самом деле, о какой взаимосвязи, взаимообусловленности, иерархичности построения можно было говорить, если работа всей системы сводилась к использованию лишь двух элементов: самому строгому наказанию (лишение свободы) и самому мягкому (условное осуждение). Между ними лишь виртуально существующие наказания, и они вынужденно замещались судами мерой, воспринимавшейся многими участниками уголовного процесса как «всепрощенчество». Система не выполняла и не могла выполнить задач, которые перед ней были поставлены разработчиками УК РФ и законодателем.

В настоящее время ситуация существенно изменилась. Пусть и с разной интенсивностью, но начали применяться все виды наказаний, предусмотренные ст. 44 УК РФ. Исключение составляют лишь смертная казнь, дискуссии о возобновлении применения которой периодически возникают после очередного резонансного преступления, и арест. До сих пор ни одного арестного дома, который исполнял бы арест, не построено.

Тем не менее, несмотря на недостатки, можно утверждать, что система наказаний сегодня уже не только декларируется, но и действует.

Существенным изъяном, негативно влиявшим на эффективность системы наказаний, было наличие в ней нефункционирующего элемента, играющего важную роль для завершенности системы и ее внутреннего единства.

Традиционно и вполне обоснованно в правовой науке все виды наказаний подразделяются на две группы: связанные с изоляцией от общества (лишение свободы пожизненно, лишение свободы на определенный срок, арест и направление в дисциплинарную воинскую часть) и не связанные с изоляцией от общества (все остальные, или, как их принято называть в последнее время, альтернативные наказания). Обе группы, выступая как подсистемы единой системы наказаний, решают не только общую для всех задачу, но и частные для каждой из них. Границами между ними служит общая для уголовного и уголовно-исполнительного права категория – изоляция личности от общества.

Выстроенная по иерархическому принципу система наказаний предусматривает постепенное нарастание объема правоограничений для наказания, стоящего ступенью ниже, и, хотя из-за внесенных за время действия кодекса изменений последовательность в ряде случаев нарушилась, общая тенденция сохранилась.

Широкий спектр наказаний является одним из основных условий реализации принципа индивидуализации наказания. Несмотря на то что он не назван среди принципов, перечисленных в гл. 1 УК РФ, большинство известных юристов-криминалистов относят его к основополагающим принципам уголовного права, определяющим содержание общих начал назначения наказания [3]. И хотя данный принцип прямо не закреплен в уголовном законодательстве, тем не менее раскрыт в ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ, предписывающих учитывать ряд обстоятельств при назначении наказания.

Индивидуализация наказания, являющаяся межотраслевым принципом для отраслей уголовно-правового цикла, не только требует наличия достаточно широкого спектра мер, которыми должен располагать суд при вынесении обвинительного приговора, но и предполагает отсутствие значительных разрывов между отдельными видами наказаний, находящимися на соседних ступенях этой иерархической лестницы, то есть карательное содержание наказаний в этой условной лестнице должно нарастать последовательно и постепенно.

Объективно существующий разрыв между группой наказаний, связанных с изоляцией от общества, и группой альтернативных наказаний разработчики УК РФ задумывали нейтрализовать, дополнив систему новым наказанием – ограничением свободы. Оно должно было служить своеобразным мостом, соединяющим две группы наказаний, поскольку имело сходные черты их обеих. Необходимость в таком наказании вызывалась тем, что оно, с одной стороны, было достаточно суровым, и это сближало его с первой группой: осужденный обязан постоянно находиться на территории специально созданного учреждения уголовно-исполнительной системы с ограниченным доступом, с другой – не влекло за собой ряда негативных последствий, неизбежно возникающих при изоляции личности от общества, что присуще группе альтернативных наказаний.

Первоначально УК РФ 1996 г. предусматривал наказания с так называемым отложенным сроком ввода в действие – арест и ограничение свободы. Предполагалось, что необходимые условия для их применения будут созданы в ближайшей перспективе. Применительно к аресту, как отмечалось выше, ожидания так и не оправдались. Что касается ограничения свободы, то после долгих лет пребывания «в запасе» выход был найден в радикальном изменении содержания данного наказания. Перевод ограничения

свободы в статус домашнего ареста (как его окрестили некоторые средства массовой информации (СМИ) в связи с внешним сходством с мерой пресечения, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации) наконец-то позволил ему занять соответствующее место в системе наказаний, и по итогам 2019 г. частота его применения составила 3,4 % (Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>).

Однако преобразование ограничения свободы, по существу, в другое наказание одновременно лишило систему элемента, игравшего роль связующего звена между двумя группами наказаний, и разрыв между ступенями лестницы наказаний вновь стал чрезмерным. С целью его ликвидации в декабре 2011 г. УК РФ и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) довольно неожиданно для отечественной криминальной науки пополнился новым видом наказания – принудительными работами.

Принудительные работы как недостающий элемент системы наказаний

Принудительные работы не только восприняли все правоограничения, ранее составлявшие карательное содержание ограничения свободы, но и пополнились двумя дополнительными. Во-первых, является обязательным предварительное назначение лишения свободы с последующей заменой его принудительными работами. Вероятно, используя такой необычный прием при назначении этого наказания, законодатель рассчитывал достигнуть большой эффект психологического воздействия на преступника. Во-вторых, установив обязательные удержания из заработной платы осужденного (подчеркнем – дополнительные к ежемесячным удержаниям на покрытие оказываемых коммунально-бытовых услуг), законодатель показал стремление сделать принудительные работы не только альтернативным лишению свободы, но и самокупаемым наказанием. Отметим, что большинство исследователей считают, что обе новеллы препятствуют росту применения данного наказания.

Постсоветский период развития России, к сожалению, отличается серьезными недостатками: при обновлении законодательства не учитываются реальные возможности государства, не проводятся предварительные многоаспектные расчеты последствий, апробация нововведений, поэтому арест, обязательные работы, ограничение свободы и принудительные работы вводились в систему наказаний, основываясь лишь на теоретической аргументации их целесообразности. Напомним, что по такой же схеме, но с более негативными последствиями развивалась и утопическая реформа перехода России к тюремной системе исполнения лишения свободы, требовавшая на свою реализацию свыше 50 трлн рублей. В результате ни одной тюрьмы так и не было построено, но из состава сотрудников уголовно-исполнительной системы, не согласных с методами проведения реформы, за короткий период было «уволено свыше 25 тыс. профессионалов, прежде всего из руководящего звена, а оставшиеся дезориентированы недостижимыми целями» [6]. Замена места, которое отводилось ограничению свободы в системе наказаний, принудительными работами продолжила ставшую, к сожалению, привычной тенденцию сначала легитимировать новое наказание, а затем уже изыскивать возможности его использования.

Введенные в УК РФ и УИК РФ в 2011 г. принудительные работы трижды откладывались и начали применяться только с 1 января 2017 г. Подчеркнем, что и к тому моменту ни одного исправительного центра (ИЦ), из-за отсутствия которых отсрочивалось использование наказания, не было построено. Тем не менее, несмотря на очевидную материальную и финансовую необеспеченность, наказание не стали откладывать в очередной раз и было принято решение начать применять его при таких условиях.

В сложное положение была поставлена не только уголовно-исполнительная система, вынужденная часто приспособлять под исправительные центры помещения, не вполне отвечающие установленным в законе требованиям, но и суды, которые при назначении нового наказания должны были учитывать как тяжесть деяния, личность преступника, форму вины, так и наличие свободных мест в этих центрах. Следует отметить, что принудительные работы встраиваются в систему наказаний с большой настойчивостью. Как нам представляется, это можно объяснить стремлением законодателя сделать их основной альтернативой лишению свободы. Причин тому несколько.

Во-первых, это единственное наказание, которое закон прямо называет альтернативой лишению свободы (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ).

Во-вторых, обладая достаточно высоким уровнем правоограничений (отрыв от микросреды, обусловленный обязанностью постоянного пребывания в исправительном центре, изоляция (не путать с изоляцией от общества), связанная с запретом свободного выхода за пределы исправительного центра, и др.), принудительные работы максимально приближены к лишению свободы, но не считаются таковым. Этот факт приобретает особую важность, если вспомнить недавнюю дискуссию в СМИ и научных изданиях о существующих коллизиях между Конституцией РФ и решениями Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Поводом для ее возникновения стало постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации», в котором России предлагалось отменить ограничения на право осужденных к лишению свободы избирать и быть избранными (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2). Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев в 2016 г. по запросу Минюста России решение ЕСПЧ, признал исполнение постановления невозможным. Вместе с тем была выражена позиция (по существу – рекомендация федеральному законодателю) «оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав» (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации»). Спустя 8 месяцев новое наказание начало применяться. А в сентябре 2019 г. Комитет министров Совета Европы согласился с тем, что Россия выполнила решение ОБСЕ, постановив завершить продолжавшееся 7 лет наблюдение за исполнением дела (URL : http://rapsinews.ru/international_news/20190926/304196020.html).

В-третьих, по сравнению с лишенными свободы у осужденных к принудительным работам значительно разнообразнее возможности трудоустройства, они гораздо мобильнее, что делает это наказание весьма перспективным с точки зрения его самокупаемости. Кроме того, как отмечалось, осужденные обязаны возмещать расходы на свое содержание, а также из их заработка по решению суда производятся удержания в размере от 5 до 20 %. В последнем случае не совсем ясна преследуемая цель. Если это дополнительный карательный элемент, то он представляется избыточным, поскольку отсутствует даже у отбывающих лишение свободы. Если же это стремление законодателя получить еще один источник дохода, то он выступает скорее препятствием для «190 тысяч осужденных, имеющих формальные основания для подачи ходатайства о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными рабо-

тами» (Интервью главы управления ФСИН России Е. Коробковой агентству INTERFAX от 5 августа 2019 г. URL : <https://www.interfax.ru/interview/720461>), на которых ведомство рассчитывает для расширения сети исправительных центров. Здесь прослеживается прямая аналогия с наказанием в виде обязательных работ, которое в течение 9 лет не применялось во многом из-за «усовершенствования». Была предпринята попытка неоплачиваемый труд осужденных сделать для работодателей оплачиваемым, но оплата направлялась не осужденным, а в соответствующие бюджеты. Впоследствии от этого пришлось отказаться.

Тем не менее при наличии условий, прежде всего достаточного количества обустроенных в соответствии с режимными требованиями исправительных центров и обеспеченности осужденных необходимым объемом работ, принудительные работы могли бы стать одним из самых эффективных наказаний.

Для того чтобы принудительные работы как можно быстрее начали составлять реальную конкуренцию иным видам наказания, в первую очередь лишению свободы, в законодательство было внесено множество изменений и дополнений, причем все они целенаправленно вносились для расширения применения этого наказания. Так, согласно изменениям, внесенным Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ в ст. 53.1 и 80 УК РФ, был создан механизм, в соответствии с которым у осужденного появляется возможность замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами и только после этого – возможность освободиться условно-досрочно.

Учитывая, что создание исправительных центров в каждом субъекте РФ – задача не ближайшей перспективы, в ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ была предусмотрительно заложена возможность содержать осужденных в изолированных участках, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ), создаваемых при исправительных учреждениях. Такое решение сложно отнести к разряду оптимальных, но и его принятие оказалось недостаточным для заметного увеличения доли лиц, отбывающих принудительные работы. В связи с этим Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ было разрешено создавать УФИЦ на базе имущества, предоставляемого в безвозмездное пользование организациями, использующими труд этих осужденных, расположенными вне исправительных центров, но в пределах субъектов Российской Федерации, на территориях которых они находятся.

В апреле 2020 г. Федеральным законом № 96-ФЗ в ч. 2 ст. 60.1 УИК РФ были внесены изменения, согласно которым у правоприменителя появилась возможность обходить общее правило, установленное ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ (осужденные отбывают наказание в ИЦ, расположенных в пределах территории субъекта РФ, в котором они ранее проживали или были осуждены). Теперь при отсутствии ИЦ по месту жительства осужденного его могут направить в ИЦ, расположенный в ближайшем субъекте РФ.

Создание УФИЦ, а также упреждающая условно-досрочное освобождение возможность замены лишения свободы принудительными работами позволила существенно увеличить число лиц, отбывающих данное наказание. Если в 2017 г. в ИЦ по учетам проходило 587 чел., то в 2019 г. – уже 8,6 тыс. осужденных (Интервью главы управления ФСИН России Е. Коробковой агентству INTERFAX от 5 августа 2019 г. URL : <https://www.interfax.ru/interview/720461>). По состоянию на 1 декабря 2020 г. в УИС функционирует 21 ИЦ и 84 УФИЦ, в которых состоят на учете 5873 осужденных к принудительным работам (Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>), то есть за последние три года число лиц, отбывающих принудительные работы, возросло в 10 раз.

По словам начальника управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФСИН России Е. Коробковой, в настоящее время доля наказаний, альтернативных лишению свободы, превысила 70 % (Интервью главы управления ФСИН России Е. Коробковой агентству INTERFAX от 5 августа 2019 г. URL : <https://www.interfax.ru/interview/720461>). Отметим также, что тенденция снижения применения лишения свободы сохраняется, как минимум, последние 10 лет. Какова же роль в этом безусловно позитивном процессе принудительных работ?

Несмотря на все усилия, реалии таковы, что принудительные работы не только не стали сколько-нибудь приемлемой альтернативой лишению свободы, но и не смогли занять достойное место среди других альтернативных наказаний. Интенсивность их назначения судами хотя и неторопливо прирастает, но пока не может выйти даже за пределы статистической погрешности: в 2017 г. принудительные работы были назначены в 0,08 % случаев от всех наказаний; 2018 – 0,17; 2019 – 0,2; за 6 мес. 2020 г. – менее 0,2 % (Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017, 2018, 2019 годы и 6 мес. 2019 года. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>).

Цифры совсем не обнадеживающие для первого официально названного альтернативным лишению свободы наказания и вряд ли позволяют рассчитывать на его экспоненциальный рост в перспективе.

Альтернатива альтернативному наказанию

В 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, в качестве эксперимента был образован новый вид исправительных учреждений – исправительно-трудовые колонии-поселения, продолжившие использовать опыт деятельности существовавших еще с 1920-х годов переходных исправительно-трудовых домов. Эти учреждения создавались с целью постепенной адаптации осужденных, отбывавших длительные сроки лишения свободы, к жизни в обществе. Они встраивались в отечественную систему наказаний в качестве элемента используемой западными странами прогрессивной системы исполнения наказаний, именуемого в ней открытыми тюрьмами. Специфическая цель – приучение к жизни в обществе – обуславливала необходимость отмены абсолютно необходимых для лишения свободы ограничений: запоров, решеток, вооруженной охраны, комплекса ограждений с противопобеговыми системами и т. д. И главное, она требовала отсутствия сущностного для лишения свободы атрибута – изоляции личности от общества.

Одним из первых на эту важную особенность колоний-поселений обратил внимание профессор А. Е. Наташев, подчеркнув, что при переводе в колонию-поселение происходит не продолжение исполнения лишения свободы, а его замена более мягким наказанием – ссылкой со специальным режимом [8, с. 64].

Позиция относительно того, что в колониях-поселениях исполняется самостоятельный вид наказания, отличающийся от лишения свободы, впоследствии была поддержана большинством известных ученых (А. И. Зубков, И. И. Карпец, А. С. Михлин, В. И. Селиверстов, Н. А. Стручков, Ю. М. Ткачевский, И. В. Шмаров и др.). В то же время существует противоположная точка зрения, согласно которой колонии-поселения исполняют, как это и предусмотрено законом, лишение свободы (В. Е. Южанин). Разграничивает эти полярные точки зрения такой феномен, как изоляция. Обычно им оперируют при раскрытии сущности и содержания лишения свободы, объяснении различий между видами исправительных учреждений.

Действующее законодательство не содержит легального определения понятия «изоляция от общества». Предполагается общеизвестность и однозначность понимания данного термина. В действительности это не совсем так, а точнее, совсем не так.

Некоторыми исследователями изоляции неоправданно придается значение всеохватывающего понятия, обуславливающего любые свойства наказания в виде лишения свободы [9, с. 67]. Сходной позиции придерживаются и те авторы, которые дифференцируют виды исправительных учреждений не по видам режима, а по степени изоляции [10, с. 101]. Большинство же выделяет уровни или степени изоляции. Так, Р. С. Маковик и Н. Р. Бессараб предлагают подразделять ее на квазиизоляцию, предызоляцию, стандартную изоляцию, суперизоляцию и постизоляцию [11, 12]. Другие авторы отмечают частичную, нетипичную, облегченную, мягкую, жесткую изоляцию. Вполне уместно в данном случае воспользоваться методологическим принципом, известным в философии как «бритва Оккама»: не стоит множить сущности без необходимости, если есть простое объяснение.

Придание изоляции значения, которого она не заслуживает, делает это понятие настолько емким, что оно охватывает (а по существу – поглощает) все элементы, составляющие карательное содержание наказания. В соответствии с таким подходом содержание наказания определяется уже не уровнем (объемом) правоограничений, а изоляцией, являющейся в действительности не более чем одним из свойств наказания, хоть и важным, то есть происходит не что иное, как «фетишизация» этого явления.

Важно понимать, что изоляция от общества – это признак, а не содержание лишения свободы. Содержание же наказания составляют правоограничения, выражающие его карательную сторону и определяющие правовой статус отбывающих это наказание осужденных.

Подчеркнем, что изоляция – это одновременно и результат действия правоограничений, и сущностный атрибут наказания в виде лишения свободы, утратив который оно превращается в иное, скорее всего, альтернативное ему наказание. В действительности все то, что стоит за понятием «изоляция», не более чем недоступность свободного (то есть в любой момент по желанию индивида) взаимодействия с социумом. Собственно, на это и указывает законодатель в ст. 56 УК РФ, выделяя изоляцию от общества в качестве отличительного признака лишения свободы. Ключевое значение здесь имеет слово «от общества», а не изоляция, и если этого не замечать, то и возникают вариации на тему «уровни» или «степени» изоляции лишения свободы.

«Изоляция» и «изоляция от общества» – это не однопорядковые, не идентичные понятия, хотя первое в общепотребительном значении нередко используется как синоним второго. Изоляция от общества, отличающая исправительные учреждения от других учреждений и органов, исполняющих наказания, присуща только им. В том случае, если для лица недоступны привычный образ жизни, свободное общение с семьей, друзьями, но оно не лишено общения с социумом, следует признать, что данное лицо действительно находится в условиях изоляции, но не от общества. Такая изоляция свойственна наказаниям, исполняемым исправительными центрами или колониями-поселениями. В силу этого трудно согласиться с А. И. Дроздовым и А. В. Орловым, полагающими, что принудительные работы основаны на частичной изоляции от общества [13, с. 42]. В противном случае мы будем вынуждены признать, что это не альтернативное лишению свободы наказание, а лишь его «мягкий» вариант. В этом и заключается смысл создания так называемых открытых или переходных тюрем, а также сходных с ними по уровню правоограничений пенитенциарных заведений – либо восстановить утраченные

за время пребывания в местах лишения свободы социально необходимые навыки, либо не потерять их, если изоляция от общества во время отбывания наказания отсутствовала изначально. В конце концов целями изоляции, как и наказания, является не кара, не причинение страданий, а общая и частная превенция, причем для изоляции частная превенция обладает ощутимым приоритетом.

Особенно активно категория «изоляция» используется при обсуждении природы наказания, исполняемого в колониях-поселениях. Сторонники относить колонии-поселения к местам лишения свободы вынуждены прибегать к градации изоляции на степени, уровни. Так, профессор В. Е. Южанин считает, что изоляция имеет степени, которые смягчаются одновременно со смягчением условий отбывания наказания, и, справедливо указывая на то, что «изоляция личности в исправительном учреждении является самостоятельным элементом лишения свободы и не включает в себя все содержание этого вида наказания», противоречит себе и говорит об ограничениях, свойственных изоляции осужденных в колониях-поселениях. Другими словами, он вновь повторяет тезис о том, что изоляция порождает правоограничения, а не наоборот. В заключение он делает вывод о том, что «исправительная колония-поселение – это особая специальная мера наказания в виде лишения свободы, для которой характерен полусвободный режим и нетипичная (облегченная) изоляция осужденных от общества» [14, с. 22–24]. На убежденность автора в своей правоте указывает также то, что он вопреки законодательству называет колонии-поселения исправительными.

Непоследовательность в выводах отмечается и в высказываниях других авторов. Так, Е. А. Каданева, обоснованно соглашаясь с тем, что «наказание, исполняемое в колониях-поселениях, нельзя называть лишением свободы», вместе с тем характеризует его как «частично сопряженное с лишением свободы, поскольку оно имеет лишь некоторые элементы изоляции от общества» [15, с. 133], то есть допускается та же ошибка совмещения двух нетождественных понятий «изоляция» и «изоляция от общества». И. В. Упоров, также считая недопустимым относить колонию-поселение к местам лишения свободы, все же предлагает сохранить статус-кво, объясняя это тем, что государство пока не в состоянии эффективно использовать даже те наказания, которые уже перечислены в ст. 44 УК РФ [16, с. 264–266].

Помимо отсутствия изоляции от общества (хотя и одного этого уже достаточно), у колоний-поселений столько отличий от исправительных учреждений, что не может не вызывать недоумения: почему вот уже на протяжении более полувека они считаются исполняющими лишение свободы? Перечислим лишь некоторые из них: в колониях-поселениях нет охраны, решеток, осужденные носят обычную одежду, пользуются личными деньгами, могут передвигаться в пределах муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы либо в связи с обучением, наконец – проживать со своими семьями в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение. Именно эти особенности были перечислены в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П, рекомендовавшем федеральному законодателю трансформировать отбывание наказания в колониях-поселениях лицами, осужденными к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицами, осужденными к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшими лишение свободы, в самостоятельный вид наказания. Хотя законодатель в данном конкретном случае посчитал более уместным

начать применение наказания в виде принудительных работ, это не снижает не только ценности для теории права, но и практической значимости позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно природы наказания, исполняемого в колониях-поселениях.

В настоящее время в системе уголовных наказаний сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как «двоевластие» по аналогии с периодом в истории России, когда в стране в 1917 г. непродолжительное время сосуществовали две параллельные системы власти и управления.

В исправительных центрах и колониях-поселениях содержатся лица, осужденные за совершение одних и тех же преступлений, обладающие равными уровнями общественной опасности и социальной запущенности, содержащиеся в одинаковых условиях и т. п. Все настолько идентично, что неспециалисту отличий не уловить. Совпадая практически по всем существенным параметрам, оба наказания – в виде принудительных работ и исполняемое колониями-поселениями – являются очевидными конкурентами. Особенно это проявляется на стадии назначения наказания, когда суд фактически лишен каких-либо значимых законодательных ориентиров при избрании принудительных работ или направления в колонию-поселение.

Как уже отмечалось, важнейшим признаком системы является структура. В системе наказаний эта структура выражена, прежде всего, посредством расположенных в определенном порядке видов наказаний и связей между ними. Наказания взаимодействуют друг с другом не только при избрании судом той или иной уголовно-правовой меры, но и в процессе ее исполнения (отбывания) при замене одной на другую. Тем самым реализуется одна из целей существования системы наказаний: осужденный своим поведением определяет движение по лестнице наказаний вверх или вниз.

Колонии-поселения и исправительные центры безосновательно, как мы полагаем, отнесены к разным классификационным группам системы наказаний: к исполняющим наказания, связанные с изоляцией от общества и не связанные с таковой (альтернативные). Такая необоснованность проявляется в следующем.

Согласно ч. 6 ст. 53.1 УК РФ осужденному, уклоняющемуся от отбывания принудительных работ либо признанному злостным нарушителем отбывания наказания, неотбытая часть может быть заменена лишением свободы, то есть гипотетически принудительные работы могут быть заменены содержанием в колонии-поселении, и, хотя в законодательстве препятствия для такого перевода отсутствуют, в реальности его сложно представить, поскольку всем участникам правоотношений понятна его бессмысленность. По аналогичной причине не производится замена неотбытой части лишения свободы, исполняемого в колонии-поселении, более мягким наказанием в виде принудительных работ. Эти два наказания (если исходить из того, что колонии-поселения исполняют самостоятельный вид наказания), являясь элементами системы, не только не взаимодействуют между собой, но и выступают очевидными конкурентами, выполняющими дублирующие функции, исключаящие потребность существования друг друга. Тем самым значительно снижается эффективность деятельности системы. Главным недостатком, на наш взгляд, является то, что государство (а конкретно – бюджет ФСИН России) вынуждено финансировать содержание обоих конкурентов, не получая никаких преимуществ. Напротив, распыление средств приводит к обратному результату – тормозится улучшение материально-бытового обеспечения осужденных и финансово-экономическое развитие учреждений, исполняющих эти наказания.

В истории развития системы уголовных наказаний России не было прецедента, когда два ее элемента с идентичными целями, социальным назначением и правовым статусом осужденных применялись бы одновременно, создавая помехи друг другу.

Оценивая необычность ситуации и справедливо полагая, что один из элементов лишений, ряд исследователей отдают предпочтение принудительным работам и предлагают упразднить колонии-поселения, создавая на их базе исправительные центры [15, 17–19]. Единственной причиной такого выбора называется альтернативность принудительных работ лишению свободы, позволяющая в результате сократить его применение.

Следует признать, что сокращение лишения свободы как способа реагирования общества на противоправное поведение его членов является наиболее заметной и успешно осуществляемой тенденцией карательной политики нашего государства последнего десятилетия. Дополнительным бонусом увеличения доли альтернативных наказаний (и в первую очередь связанных с обязательным привлечением осужденных к труду) является постепенный переход к самокупаемости уголовно-исполнительной системы, воспринимаемый как возрождение пока еще латентной цели наказания [20, с. 167].

Существует и противоположная позиция, согласно которой упразднению подлежат исправительные центры, а принудительные работы должны исполняться колониями-поселениями, выведенными из-под юрисдикции лишения свободы [21, с. 86].

На наш взгляд, заслуживает поддержки вторая точка зрения, представляющаяся более рациональной. Опуская признаки, отражающие сходство обоих наказаний, подробно рассмотренные сторонниками как той, так и другой позиции, остановимся на их немногочисленных отличиях. По существу, их только два. Первое и главное, заключающееся в том, что колонии-поселения исполняют лишение свободы, тогда как принудительные работы являются его альтернативой, мы анализировали выше и пришли к выводу о том, что колонии-поселения также исполняют альтернативное лишению свободы наказание. Исходя из этого считаем, что при дальнейшем сокращении применения лишения свободы уместнее прекратить расходование материальных и финансовых средств на затратный проект, каким является строительство исправительных центров, тем более что строительства, как такового, не ведется. В действительности, как отмечает сотрудник центра информационного обеспечения ФКУ НИИИТ ФСИН России С. А. Саутина, «в территориальных органах УИС изыскиваются возможности использования под исправительные центры существующих помещений и зданий, капитальный ремонт которых осуществляется за счет выделенных бюджетных ассигнований» [22, с. 40].

Если кадровое обеспечение создаваемых исправительных центров не вызывает особых проблем за счет освобождаемых должностей ликвидируемых исправительных учреждений, то отсутствие целевого финансирования на их строительство вынуждает ФСИН России приспособлять имеющиеся помещения и, что хуже, создавать изолированные УФИЦ. Такие участки, формируемые при действующих исправительных учреждениях, значительно удешевляют не только их создание, но и эксплуатацию, поскольку вся инфраструктура уже имеется. Сегодня число УФИЦ в четыре раза превышает количество исправительных центров, и это соотношение будет только увеличиваться.

Однако у найденного, казалось, выхода есть и обратная сторона. Создание УФИЦ влечет за собой опасность утраты принудительными работами своего назначения в системе наказаний. Как резонно замечает В. А. Каримов, в результате возникает еще один вариант колоний-поселений, а затраты на создание ИЦ и УФИЦ не окупятся и не дадут ожидаемого эффекта [23, с. 25]. В особенности данный прогноз близок к реальности в случаях, когда УФИЦ создаются в колониях-поселениях. С точки зрения здравого смыс-

ла такая ситуация вопросов не вызывает: ничего не требуется изменять, достраивать, разграничивать, но с позиции правовой логики ее комментировать сложно.

Размещение исправительных центров на территориях исправительных учреждений не может не сказываться на отношении как самих осужденных, так и персонала к сущности и содержанию исполняемого (отбываемого) наказания. Совместное использование коммунально-бытовых, культурно-бытовых, медицинских помещений ставит под сомнение возможность обеспечить раздельное содержание осужденных, отбывающих разные виды наказаний. Постепенно размываются различия в предъявляемых к осужденным режимных требованиях и стирается грань между ограничением и лишением свободы в пользу последнего. Например, окна помещений УФИЦ, размещенного при ФКУ ИК-3 УФСИН России по Ивановской области, оборудованы декоративными металлическими решетками (Официальный сайт УФСИН России по Ивановской области. URL : <https://37.fsin.gov.ru/uchrejdениya/ufits.php>). Даже в колониях-поселениях такая атрибутика недопустима, хотя они и считаются исполняющими лишение свободы.

Второе отличие принудительных работ заключается в том, что из заработной платы осужденных производится удержания в доход государства в пределах от пяти до двадцати процентов. Потенциально данное карательное ограничение должно приблизить принудительные работы по своей эффективности к исправительным работам. Предполагалось, что таким образом наказание не только станет самокупаемым, но и будет приносить доход. Однако и у этого решения оказались свои подводные камни, нарушившие первоначальный замысел. Во-первых, дополнительные удержания из заработка ухудшают правовой статус осужденных к принудительным работам как в сравнении с содержащимися в колониях-поселениях, так и с отбывающими реальное лишение свободы, поэтому принудительные работы проигрывают колониям-поселениям изначально. Во-вторых, если вследствие удержаний и предполагались скольконибудь значимые поступления на счета территориальных органов ФСИН России, то опыт четырех лет применения принудительных работ этих надежд не оправдал, и прежде всего в связи с невысоким уровнем заработной платы осужденных. Так, их среднемесячная заработная плата в первом полугодии 2019 г. составила 12,4 тыс. рублей [22, с. 42]. Напомним, что из заработка осужденных производятся три вида обязательных удержаний: на доход физических лиц (НДФЛ) в размере 13 %; в доход государства – от 5 до 20 %; на возмещение расходов по их содержанию (в соответствии с ч. 2 ст. 60.10 УИК РФ – после удовлетворения всех требований взыскателей в порядке, установленном Федеральным законом «Об исполнительном производстве»). Помимо этого, из заработной платы осужденных могут производиться удержания, установленные в соответствии с разделом V Семейного кодекса Российской Федерации (Алиментные обязательства членов семьи) от 25 до 50 %, а также по решению суда на возмещение причиненного ущерба согласно Федеральному закону «Об исполнительном производстве». Кроме того, осужденные питаются, приобретают одежду, обувь за счет заработанных ими средств.

Примерные расчеты показывают, что сумма, остающаяся даже только после обязательных удержаний, намного ниже установленного в стране прожиточного минимума. Для того чтобы у осужденных оставались средства, что называется «на прожитие», в ч. 3 ст. 60.10 УИК РФ установлена норма, согласно которой осужденным к принудительным работам независимо от всех удержаний должно выплачиваться не менее 25 % от начисленной им заработной платы. Если ориентироваться на приведенную выше среднемесячную заработную плату, должно оставаться немногим выше 3 тыс. рублей.

Предвидя, что подобные ситуации будут неединичны, разработчики правового регулирования наказания в виде принудительных работ предусмотрели норму, позволяющую осужденным, не имеющим собственных средств, обеспечиваться одеждой, обувью и питанием за счет средств федерального бюджета и не возмещать расходы исправительных центров на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества (ст. 60.5 УИК РФ). Для этого Правительством Российской Федерации принято соответствующее постановление, утвердившее нормы обеспечения таких осужденных за счет средств федерального бюджета (постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2012 г. № 514 «Об утверждении норм обеспечения одеждой, обувью и питанием осужденных к принудительным работам при отсутствии у них собственных средств»).

Рассчитывать на какой-либо значительный и массовый рост заработной платы осужденных в ближайшие годы, по всей видимости, не стоит. По словам заместителя директора ФСИН России В. П. Балана, осужденные к принудительным работам в основном привлекаются на работы, не требующие специальных профессиональных навыков и, следовательно, с невысокой оплатой труда – грузчики, уборщики, подсобные рабочие и т. д. (Интервью заместителя директора ФСИН России В. Балана от 6 августа 2019 г. URL : <https://tass.ru/ekonomika/6736711>).

Отметим также дискриминационный характер данной нормы, поскольку в отношении осужденных, отбывающих наиболее схожие с принудительными работами наказания (исправительные работы и содержание в колониях-поселениях), удержания из заработной платы, согласно ч. 3 ст. 129 УИК РФ, ч. 3 ст. 138 Трудового кодекса Российской Федерации и ч. 3 ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве», не превышают 70 %.

Выводы

За четыре года применения принудительные работы не стали реальной альтернативой лишению свободы, несмотря на все усилия. На сегодняшний день сложившаяся в системе наказаний ситуация выглядит как иллюстрация к известной поговорке «Пятое колесо в телеге». Следует признать, что в этот раз хозяин этой телеги поступает мудро и не торопится заменять старое и надежное колесо (колонии-поселения) новым, помня свой неудачный опыт поспешного решения отмены применения наказания в виде исправительных работ по основному месту работы, поэтому, несмотря на очевидную приязнь к пятому, возница спокойно наблюдает за тем, как движутся все колеса телеги, не забывая ухаживать за каждым и стараясь обеспечивать равные конкурентные условия.

Так, Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ в ст. 128 УИК РФ была введена ч. 3.1, позволившая создавать участки колоний-поселений на базе предоставляемого в безвозмездное пользование имущества организаций, использующих труд осужденных. Напомним, что этим же Законом были внесены аналогичные изменения в регулирование принудительных работ. Кроме того, Федеральным законом от 23 ноября 2020 г. № 380-ФЗ ч. 2 ст. 129 УИК РФ изложена в новой редакции, допускающей совместное содержание всех категорий осужденных в одной колонии-поселении при условии обеспечения их отдельного проживания и трудоустройства. Употребление термина «раздельное проживание», разумеется, несинонимично закрепленному ст. 80 УИК РФ понятию «раздельное содержание», а лишь отражает компромисс между потребностью увеличения числа осужденных в колониях-поселениях и сдерживающей этот процесс необходимостью раздельного содержания разных категорий осужденных. Содержание двух видов колоний-поселений требует от уголовно-исполнительной системы дополнительных материально-финансовых расходов. Заметим, что в исправительных цен-

трах требование отдельного содержания не закладывалось изначально, хотя в них совместно содержатся как отбывавшие, так и не отбывавшие лишения свободы осужденные. «В итоге в исправительные центры в связи с заменой неотбытой части лишения свободы принудительными работами поступает большое количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления с длительными сроками наказания. Например, в одном из случаев осужденному по ч. 1 ст. 131 и ч. 2 ст. 105 УК РФ неотбытая часть лишения свободы была заменена на 8 лет 9 месяцев 27 дней принудительных работ (Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2018 г. URL : <https://minjust.ru/ru/pravovaya-informaciya/doklad-o-rezultatahmonitoringa-pravoprimeneniya-v-rossiyskoy-federacii-za-0>).

Противостояние двух идентичных видов наказания не может длиться бесконечно в том числе и потому, что, выполняя одну и ту же социальную функцию, они рассчитаны на одинаковый контингент осужденных, которого недостаточно для полноценного развития обоих видов.

Исходя из проведенного анализа, мы полагаем, что законодатель должен остановить выбор на колониях-поселениях. Самое сложное в таком решении – это признание ошибочности попытки встроить (хотя больше подходит слово «затолкать») еще один элемент в работающий без особых сбоев и структурно заверченный механизм системы наказаний. По общему правилу, прежде чем внедрять новый вид наказания или радикально реструктуризировать систему наказаний, необходимо предварительно проводить эксперимент, по результатам которого принимать решение. Так, эксперимент предшествовал началу создания колоний-поселений и применению обязательных работ. При встраивании в систему наказаний принудительных работ, как и в недавней провальной попытке «тюрьмизации» всей страны, обошлись без эксперимента.

Главное преимущество избрания именно колоний-поселений в качестве альтернативы лишению свободы состоит в том, что это позволит сэкономить примерно 25 млрд рублей, требуемых для строительства планируемых 350 исправительных центров. Скорее всего, данная сумма значительно вырастет с учетом увеличения в последнее время стоимости строительства. Думается, что аргумент «не потребует дополнительного финансирования» был бы решающим при одобрении законопроекта о создании нового наказания Минфином России.

Принятие такого решения потребует внесения ряда изменений в законодательство. Первым и важнейшим из них является вывод колоний-поселений из-под юрисдикции лишения свободы и создание на их базе самостоятельного наказания. Остальные изменения определяются принятием первого и являются скорее «техническими». Так, необходимо определиться с названием нового наказания. На наш взгляд, ему следует вернуть первоначальное и более всего соответствующее его правовой природе – «Ограничение свободы». От названия «принудительные работы», неудачного, по мнению большинства авторов, разумнее отказаться.

Наказание, именуемое в настоящее время ограничением свободы, правильнее называть «работы в общественных интересах» – как оно закреплено в УК Франции и откуда было нами заимствовано. Очевидно, что оригинальный вариант намного точнее передает содержание наказания.

При избрании названия учреждений, в которых будет исполняться ограничение свободы – колонии-поселения или исправительный центр, следует, на наш взгляд, остановиться на последнем. Поскольку новое наказание позиционируется как альтернативное,

уместнее отказаться от употребления в его названии термина «колония», однозначно ассоциирующегося в нашей стране с лишением свободы.

Создание условно нового наказания повлечет за собой слияние правовых статусов осужденных, в настоящее время содержащихся в исправительных центрах и колониях-поселениях. Несмотря на то что они почти идентичны, некоторые различия все же имеются. В силу этого при их объединении важно руководствоваться правилом, запрещающим законодателю придавать обратную силу новому регулированию в случае, если оно ухудшает правовое положение личности или ограничивает уже установленные ее субъективные права (ч. 1 ст. 54 Конституции РФ).

Как это ни удивительно, смягчать нужно будет (и мы выше об этом говорили) статус осужденных к принудительным работам. При объединении статусов придется полностью отказаться от удержаний из заработной платы осужденных в пользу государства как ограничения, ухудшающего правовое положение осужденных, содержащихся в колониях-поселениях.

Более того, мы полагаем, что отказаться от данного ограничения нужно уже сегодня, не дожидаясь объединения наказаний. Устранение избыточного правоограничения позволит активизировать институт замены наказания более мягким применительно к замене лишения свободы принудительными работами, сделав их более привлекательными для осужденных. Такое решение, с одной стороны, фактически не скажется на бюджете территориальных органов ФСИН России ввиду своей символической для них значимости, с другой – повысит возможность осужденных погашать иски и выплачивать алименты отдельным лицам (для которых полученные суммы будут иметь несомненную ценность) либо улучшать свое материально-бытовое положение.

Библиографический список

1. Палий В. В. Система и виды наказаний // Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ ; ИНФРА-М, 2015. 704 с.
2. Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем и системный анализ : учеб. для академического бакалавриата. 2-е изд. М. : Юрайт, 2014. 616 с.
3. Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961. 152 с.
4. Ткаченко В. Общие начала назначения наказания // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 10–11.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. М. : Проспект, 2011. 496 с.
6. Курс уголовного права: Общая часть : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2011. Т. 2. 464 с.
7. Селиверстов В. Тюремь не должны быть основным видом наказания // Независимая газета. 2012. 2 окт. URL : http://nvo.ng.ru/ng_politics/2012-10-02/9_seliverstov.html (дата обращения: 15.11.2020).
8. Наташев А. Е. О каре и воспитании // К новой жизни. 1964. № 3.
9. Маликов Б. З. Лишение свободы в России (теоретико-правовые проблемы сущности и целей наказания). Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2001. 192 с.
10. Ким В. В. Проблемы двойственного характера правового выражения изоляции осужденных к лишению свободы // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 100–104.

11. Маковик Р. С. Стадийность изоляции личности : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 156 с.

12. Бессараб Н. Р. Изоляция личности как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : НИИ ФСИН России, 2005. 26 с.

13. Дроздов А. И., Орлов А. В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно-правовой анализ // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1(19). С. 40–44.

14. Южанин В. Е. Исправительная колония-поселение – разновидность лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2018. № 1(41). С. 19–25.

15. Каданева Е. А. Конкуренция уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 131–135.

16. Упоров И. В. Колонии-поселения как вид пенитенциарного учреждения // Дискурс. 2019. № 2(28). С. 261–268.

17. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. 240 с.

18. Зубова А. О., Симагин А. О. Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1(37). С. 44–50.

19. Докукина Д. Д. Финансовые проблемы назначения и реализации принудительных работ как нового вида уголовного наказания // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 78–79.

20. Геранин В. В., Мальцева С. Н. Цели наказания: легитимные и латентные // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4), № 2. С. 166–177.

21. Парфиненко И. П., Антоненко А. С. Колонии-поселения как альтернатива принудительных работ // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 85–87.

22. Саутина С. А. Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2(213). С. 37–42.

23. Каримов В. А. Актуальные вопросы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Право и политика. 2019. № 4. С. 20–27.

УДК 343.21+343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.27-31

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КАШУБА,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: koshianatol@yandex.ru

НОРМЫ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, УТРАТИВШИЕ СИЛУ: ПОИСК ИХ НОВЫХ РЕГУЛЯТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Для цитирования

Кашуба, Ю. А. Нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, утратившие силу: поиск их новых регулятивных возможностей / Ю. А. Кашуба // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 27–31. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.27-31.

Аннотация. В статье приводятся некоторые изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, анализируются нормы, утратившие силу со времени принятия Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации, указываются проблемные и спорные моменты в регулировании некоторых институтов права, подвергшихся изменениям, детально разбираются основные положительные направления утративших силу норм. В результате исследования предлагается реанимировать ряд норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства для последующего эффективного использования их новых регулятивных возможностей.

Ключевые слова: арест, самодеятельные организации, исправление, несовершеннолетние осужденные, изменение законодательства.

Многочисленные изменения и поправки, внесенные в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации (УК РФ, УИК РФ) после их принятия, не позволяют однозначно оценивать качество законодательства. На наш взгляд, ряд норм, утративших силу, продолжают представлять интерес (из-за поспешности их исключения) в связи с допустимостью реанимации либо разработки на их основе норм с новыми регулятивными возможностями.

Например, в первоначальной редакции УК РФ (ч. 1, 5 ст. 88) предусматривалось назначение несовершеннолетним, достигшим к моменту вынесения приговора шестнадцати лет, такого вида наказания, как арест на срок от одного до четырех месяцев. Последний должен был представлять собой альтернативу лишению свободы. Арест является

© Кашуба Ю. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

средством моральной встряски правонарушителя, особенно несовершеннолетнего, и если он осуждается впервые. Условия отбывания данного наказания достаточно жесткие и суровые: они оказывают сильное психологическое воздействие на осужденного с испытанием физических тягот, связанных со строгой изоляцией от общества и подчинением условиям режима. Это, безусловно, предупреждение преступника о том, что в дальнейшем может быть назначено длительное лишение свободы. Вместе с тем срок ареста несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет сокращался на 1/3 по сравнению с взрослыми.

Позднее арест в отношении несовершеннолетних был исключен Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 371-ФЗ. В ч. 2 ст. 54 УК РФ было внесено изменение, в соответствии с которым наказание в виде ареста не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора 18-летнего возраста, а из ст. 69, 72 УИК РФ исключены положения, устанавливающие порядок и условия исполнения наказания в виде ареста в отношении несовершеннолетних. Представляется, что это было сделано непродуманно и несвоевременно по нескольким причинам.

1. Общественная опасность и дерзость многих преступлений, совершаемых несовершеннолетними, позволяют правоохранителям предлагать и обосновывать необходимость применения к ним реального ареста. Например, в Татарстане 30 октября 2020 г. полицейские застрелили подростка 2004 г. р., бросавшего бутылки с горючей смесью на территории ОМВД по Кукморскому району и ранившего ножом полицейского. В Санкт-Петербурге 8 ноября 2020 г. возбуждено уголовное дело по статье «Покушение на убийство двух и более лиц» в отношении 15-летнего подростка. Подобный ряд можно продолжить.

2. Применение данного наказания вполне возможно в отношении несовершеннолетних, вовлеченных в криминальную субкультуру. Представляется, что возможно назначение ареста за преступления небольшой или средней тяжести, если преступник ранее осуждался к лишению свободы условно (особенно, неоднократно) либо в отношении его применялись иные меры уголовно-правового воздействия, не связанные с изоляцией от общества. Необходимость применения указанной меры подкрепляется, например, числом несовершеннолетних, совершивших преступление в период испытательного срока при условном осуждении, стабильно высоким на протяжении последних четырех лет: 1223 (2016 г.), 1194 (2017 г.), 1144 (2018 г.), 1101 (2019 г.). Ранее при посещении ряда воспитательных колоний нами задавались воспитанникам следующие вопросы: «Вы находитесь в местах лишения свободы впервые, осуждались ли ранее условно? Если бы Вам назначили арест вместо условного осуждения, совершили бы Вы преступление?» Большая часть опрошенных ответили на данные вопросы отрицательно.

3. Воспринимая аргументацию ряда ученых об исключении положений о применении ареста, тем не менее «мы уже многие годы после принятия УК и УИК, предлагали сохранить этот вид наказания и начать его применение именно в отношении несовершеннолетних. Для этого местами отбывания ареста (кроме арестных домов, которых нет) можно было предусмотреть, например, камеры дисциплинарных изоляторов воспитательных колоний, а также камеры в следственных изоляторах (которые имеются в каждом субъекте РФ)» [2, с. 49–50]. В этом случае серьезных возражений по существу не встречалось.

4. Возможность реального применения ареста в России подкрепляется опытом его исполнения (в том числе в отношении несовершеннолетних) в ряде государств, таких как Армения, Белоруссия, Молдавия, Украина, Франция, Япония и др. Можно привести такой пример. На Украине нет арестных домов до сих пор, поэтому данное наказание

обычно отбывается в существующих следственных изоляторах в специально отведенных для этого помещениях. Данное обстоятельство сводит на нет аргументы противников применения ареста из-за отсутствия арестных домов в России.

5. «Неприменение в судебной практике... ареста (как вида наказания) для несовершеннолетних порождает ряд проблем. Прежде всего, речь идет о практическом разрушении системы наказаний в отношении несовершеннолетних из-за отсутствия единства и взаимосвязи элементов такой системы и приводит к тому, что многие альтернативные санкции становятся безальтернативными. Это снижает их эффективность, нередко ведет к необоснованному применению наказания в виде лишения свободы и в большинстве случаев делает невозможным замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания» [3, с. 41–42].

Следующий пример связан со ст. 111 «Самодетельные организации осужденных к лишению свободы» УИК РФ. Указанные добровольные общественные формирования лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, создавались для применения основ самоорганизации и самоуправления осужденных и формирования в их среде здоровых взаимоотношений. Привлечение осужденных и их самодетельных организаций к решению указанных вопросов для российской практики (советского, да и современного периодов) являлось традиционным; в этом направлении накоплен большой опыт, и его следовало бы рационально использовать.

На 1 октября 2011 г. в учреждениях УИС, обеспечивающих изоляцию от общества, содержалось 774,9 тыс. чел. (а в декабре того же года ст. 111 УИК РФ утратила силу). Для исполнения наказания в отношении такого количества осужденных (с учетом их характеристики) тратились и тратятся значительные материальные и финансовые средства, но цели уголовного наказания вряд ли могут быть достигнуты [1]. Проблематичной становилась управляемость такой социально опасной массой, не говоря уже о системном воспитательном воздействии на нее, особенно если не налажена работа самодетельных организаций осужденных.

Несмотря на детальную регламентацию ведомственными приказами и положениями (как сейчас бы сказали, заорганизованность) порядка и условий работы самодетельных организаций, во многих учреждениях уголовно-исполнительной системы они функционировали формально, нередко с грубейшими нарушениями законодательства. Осуществление полномочий членами самодетельных организаций часто сопровождалось физическим насилием либо моральным унижением осужденных и влекло за собой негативные последствия [4, с. 4]. Именно поэтому в докладе Президиума Государственного Совета Российской Федерации от 11 февраля 2009 г. (г. Вологда), посвященного проблемам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, признавалась необходимость активизации и совершенствования работы общественных формирований осужденных. Однако затем (по существу, волюнтаристски) все виды самодетельных организаций осужденных, за исключением совета коллектива осужденных исправительного учреждения, были упразднены (приказ Минюста России от 31 декабря 2009 г. № 440 «О признании утратившим силу приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 8 июня 2005 г. № 79»). Вместе с тем Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция) в разделе «Социальная, психологическая, воспитательная и образовательная работа с осужденными» в числе основных задач предполагала разработку новых подходов к формированию самодетельных организаций осужденных с учетом интересов и потребностей в них самих осужденных, совершенствование правового регулирования их деятельности.

Чуть позднее в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 111 УИК РФ вообще утратила силу. Представляется, что это произошло в связи с изменившимся подходом к формированию и функционированию органов общественной самодеятельности осужденных с учетом создания правовых и организационных условий для замены существующей системы исправительных учреждений на два новых основных вида учреждений: тюрьмы (общего, усиленного и особого режимов), колонии-поселения (с обычным и усиленным наблюдением) и преобразования воспитательных колоний (разд. 2 Концепции).

Упование только на постепенное совершенствование нормативно-правовой сферы УИС, практики применения и исполнения лишения свободы, а также альтернативных наказаний само по себе не сможет в корне изменить ситуацию, если не будет создана (выстроена с учетом иного общества и иных преступников) новая система исправления осужденных в период отбывания наказания.

Современный этап правового регулирования деятельности самодеятельных организаций осужденных (в случае их восстановления) должен отвечать требованиям времени и основываться на сложившемся передовом опыте обращения с лицами, лишенными свободы. Из формально декларируемых они должны превратиться в действительно самодеятельные общественные организации осужденных, юридические полномочия которых (пусть небольшие) давали бы возможность значительно воздействовать на воспитательный процесс.

Из изложенного следует, что самодеятельные организации лиц, осужденных к лишению свободы, все же необходимы; их организация и функционирование не должны навязываться сверху, а должны быть нужными самим осужденным; требуется обновленное правовое регулирование их деятельности: например, с учетом появления волонтерского движения и иного участия общественных формирований осужденных в исправительных колониях, колониях-поселениях, воспитательных колониях и исправительных центрах. В перспективе главной задачей должно стать новое развитие самодеятельных организаций осужденных, стимулирование активности ее участников, формирование у них личной и коллективной заинтересованности в результатах деятельности.

Рассмотренные примеры норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, утративших силу, позволяют констатировать следующее: исключение ареста (из числа наказаний в отношении несовершеннолетних) было сделано поспешно и без должного обсуждения с научной общественностью; ст. 111 «Самодеятельные организации осужденных к лишению свободы» УИК РФ утратила силу, поскольку Положение о самодеятельных организациях вступило в противоречие с заявленным подходом к формированию и функционированию органов общественной самодеятельности осужденных, не реализованным по известным политическим, социальным и экономическим причинам. Однако еще не полностью упущено время для реанимирования рассмотренных норм УК РФ и УИК РФ и эффективного использования их новых регулятивных возможностей.

Библиографический список

1. Денисов С. В. Социальная адаптация лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2008. 204 с.

2. Кашуба Ю. А. Проблемы современной уголовно-исполнительной политики // Уголовная и уголовно-исполнительная политика России: проблемы формирования и реализации : тез. Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 14–15 дек. 2006 г.) : в 2 ч. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2006. Ч. 1. С. 44–50.

3. Кашуба Ю. А., Пономарев С. Н. Основы современной уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2002. 180 с.

4. Тарабуев Л. Н. Правовые и организационные основы деятельности самодеятельных организаций осужденных к лишению свободы : монография. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013. 150 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.32-39

ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА МИНЯЗЕВА,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Московская академия Следственного комитета,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: minyazeva2008@rambler.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО – ОСОБАЯ ОТРАСЛЬ ПРАВА

Для цитирования

Минязева, Т. Ф. Уголовно-исполнительное право – особая отрасль права / Т. Ф. Минязева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 32–39. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.32-39.

Аннотация. В статье на основе диалектико-материалистического, философского, теоретико-прикладного и статистического методов познания, выявления противоположностей и противоречивого единства значимых категорий, принципов и целей уголовно-исполнительного права определяется оригинальность этой отрасли. Аргументируется позиция, согласно которой установленные в статье 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации основные средства исправления осужденного (режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие) не могут являться критериями оценки его действительного исправления. Эти средства ориентируют осужденного на должное поведение в условиях пребывания в обществе себе подобных при исполнении лишения свободы или в условиях исполнения мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Обращается внимание на то, что лицо, независимо от его поведения в период исполнения назначенной ему меры ответственности, освобождается от ее отбытия, если не совершит нового преступления. Несовершенство лицом, в отношении которого исполняется или уже исполнена любая мера уголовно-правового характера, нового преступления предопределено нравственными и социально-экономическими условиями, в которых оно оказалось, его жизненной позицией и зависит только от самого лица. Обосновывается авторское мнение, согласно которому необходимо разработать критерии неисправимости лица, в отношении которого уже исполнялось наказание, что частично отражено в части 5 статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации.

© Минязева Т. Ф., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Предлагается отказаться от закрепления в законе такой цели исполнения наказания, как исправление осужденного, в связи с невозможностью установления на момент освобождения лица критериев ее достижения, а также с учетом данных о рецидиве после отбытия наказания. Целями исполнения мер уголовно-правового характера предлагается признать обеспечение реализации их содержания в соответствии с предъявляемыми законом требованиями с помощью средств регулирования должного порядка и условий исполнения и отбывания назначенной меры. Подчеркивается, что уголовно-исполнительное право призвано гарантировать соблюдение принципа неотвратимости уголовной ответственности за содеянное.

Ключевые слова: осужденный, ответственность, правоограничения, правопослушное поведение, уголовно-исполнительное право, эффективность, режим, лишение свободы, неотвратимость ответственности.

Постулатом эффективного действия закона должно являться положение о том, что «колеса неотвратимости ответственности вертятся незримо» и за вину в совершенном общественно опасном деянии лицо должно претерпеть установленные законом ограничения напрямую и всегда. Ответить – значит исполнить предписания правовой нормы. Исполнение предписаний правовой нормы выражается в позитивном поведении лица во избежание неминуемой ответственности, то есть применения установленных в законе мер принуждения, или в силу воспитанности лица, либо в негативном поведении лица и применении к нему соответствующих мер ответственности. Слово «эффективный» означает действенный, приводящий к нужному результату [7, с. 935]. Результат применения нормы права – исполнение ее предписаний, совокупность которых регулирует потенциальную сферу общественных отношений, образующих отрасль права.

Предписания норм, регулирующих общественные отношения в сфере исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, образуют уголовно-исполнительное право. Данная отрасль права оперирует как общими для всех (или комплекса) отраслей права категориями и принципами (ответственность, преступление, наказание, законность, гуманизм, осужденный и пр.), так и категориями, принципами, свойственными именно данной отрасли, отражающими ее специфику: режим, меры безопасности, исправительные колонии, тюрьмы, порядок и условия исполнения и отбывания наказания и др. Следует особо отметить неординарность уголовно-исполнительного права, в котором ярко выражен своеобразный методологический ключ к достижению поставленных целей: невозможно регулировать отношения, в равной степени удовлетворяющие интересы государства и защищаемых им законопослушных граждан, с одной стороны, и лиц, признанных виновными в посягательстве на эти интересы, – с другой. Необходимо «четко определиться, чьи интересы преимущественно выражать – жертвы или ее обидчика, и прямо декларировать это в законе» [8, с. 158].

Вопреки поговорке «Горбатого могила исправит», предположительно трансформирующейся из библейской мудрости «Кривое не может сделаться прямым» [10], уголовно-исполнительное право исходит из принципа возможности исправления каждого преступника. Так, осужденный, отбывающий пожизненное лишение свободы, может быть условно-досрочно освобожден от его отбывания. Критериями исправимости такого осужденного являются: а) признание судом его ненуждаемости в дальнейшем отбывании наказания; б) фактическое отбытие не менее 25 лет лишения свободы; в) отсутствие

злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих 25-летнему сроку 3 лет. Рассматриваемый принцип имеет исключение применительно к неназначаемой, но и не исключенной из системы наказаний смертной казни по причине наложения моратория на ее исполнение и в отношении осужденного, совершившего в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление. Из последнего можно сделать вывод о том, что критерием неисправимости лица выступает совершение осужденным в период отбывания пожизненного лишения свободы нового тяжкого или особо тяжкого преступления.

Нужный результат применения мер уголовной ответственности предполагает достижение тех целей, которые перед ними поставлены. Если исходить из обобщения регламентации целей, поставленных законодателем при издании Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов, и основанных на них доктринальных подходов известных ученых (Н. А. Стручков, И. В. Шмаров, В. И. Селиверстов, В. А. Уткин и др.), то ими являются: восстановление социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ), исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ и ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Цели, поставленные перед исполнением назначенной лицу, признанному виновным в совершенном им преступлении, меры уголовной ответственности, могут быть достигнуты определенными средствами.

Отметим, что цель восстановления социальной справедливости не содержится в ч. 1 ст. 1 УИК РФ. Можно предположить, что социальная справедливость восстановлена самим фактом неотвратимости ответственности, выраженным в применении к лицу соответствующих норм уголовного закона, вплоть до освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим обстоятельствам. В то же время авторы модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в ст. 2 воспроизводят цель восстановления социальной справедливости [9, с. 43], а в ст. 9, посвященной принципам правового регулирования, называют в числе других и принцип справедливости [9, с. 63], исходя, во-первых, из того, что «перед уголовно-исполнительным законодательством должны стоять цели по обеспечению достижения целей уголовного наказания», и, во-вторых, из того, что неотвратимость ответственности, в каких бы мерах она ни выражалась, и есть реализация этого принципа. Однако какая же неотвратимость ответственности может быть при освобождении от нее? Да и зачем, ведь есть же институт освобождения от наказания. Полагаем, что достаточно отражения в УК РФ содержания принципа справедливости: «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (ст. 6 УК РФ). В УИК РФ данный принцип в ст. 8 не называется, но раскрывается в принципе рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных.

При применении норм уголовно-исполнительного права явно проявляется противоречивость подхода к их цели: лицо всегда, независимо от поведения, освобождается от наказания по его отбытии, если не совершило в этот период нового преступления. Кроме того, при отбытии лишения свободы сущностная противоречивость неизбежна: с одной стороны, процесс отбытия лишения свободы предполагает создание условий, удерживающих лицо от совершения новых преступлений, призванных содействовать замене в сознании этого лица вредных привычек полезными, его стремлению к активному поведению в обществе; с другой – его содержат в обстановке строгой регламентации нормативно установленных правил поведения, да еще и в преступной среде, то

есть в обществе себе подобных, для которого характерны свои правила поведения, вырабатывающие пассивность или совсем иную активность.

Резонным представляется вопрос: а могут ли вообще быть достигнуты превентивные цели мер уголовно-правового характера установленными в законе при их исполнении средствами, такими как режим отбывания наказания, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ)? Ведь в классическом сочетании эти средства применяются к осужденным, отбывающим реальное лишение свободы в исправительных учреждениях в обществе себе подобных. В УИК РФ, причем в двух статьях (ст. 8, 9), «стимулирование правопослушного поведения осужденных» провозглашается сначала как принцип уголовно-исполнительного законодательства, потом как раскрытие понятия «исправление» (ч. 1 ст. 9 УИК РФ), а достигается это упомянутыми выше основными средствами исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

При исполнении мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, эти средства поглощены свойственными им ограничениями. Исправить самим процессом исполнения наказания невозможно. Этот процесс априори связан с определенным страхом, порождающим только желание избежать либо самого наказания, либо его реального исполнения. В случае неизбежности отбытия назначенного наказания – желание приспособиться к новым (заметим временным) условиям жизни, а дальше – «как карта ляжет». Именно в процессе исполнения наказания выражаются как негативные аспекты уголовной ответственности, так и позитивные аспекты должного поведения.

Каковы же критерии исправления лица? Если судить по такому критерию, как рецидив преступлений, то он достаточно высок как среди лиц, отбывших лишение свободы, так и среди лиц, отбывавших наказания, не связанные с изоляцией от общества. Так, рецидив у лиц, отбывших лишение свободы, многие годы составляет 60–70 %, а в 2015 г. на слушаниях в Общественной палате РФ сообщено, что в 2015 г. «из 673 тыс. осужденных 85 % – это люди, которые были судимы два и более раза» [3].

Выводы И. С. Дроздова, сделанные на основе анализа интенсивности рецидивной преступности, показывают, что интегративный средний уровень криминологического рецидива осужденных без лишения свободы с момента их осуждения и в течение года после отбытия наказания (прохождения испытательного срока и снятия с учета) – 28,6 %. Среди осужденных без лишения свободы «более половины (58 %) всех рецидивистов совершают новые преступления в первый год после вступления приговора суда в законную силу, причем 31 % – в первые шесть месяцев». Среди всех осужденных без лишения свободы наибольшую криминальную активность проявляют осужденные условно. При среднем уровне их совокупного криминологического рецидива 40,7 % этот уровень до постановки на учет составляет 2, в период нахождения на учете – 26,8, в течение года после снятия с учета – 11,8 %. Выше среднего совокупный рецидив при исправительных работах (32 %). Ниже среднего (21 %) – при ограничении свободы (в соотношении 1 : 9,2 : 10,8 %), при обязательных работах (22,3 % в соотношении 1,7 : 7,2 : 13,1 %), при штрафе (18 % при соотношении в зависимости от наличия исполнительного производства в службе судебных приставов 0,4 : 8,3 : 9,3 %)» [4, с. 9–10]. Именно в рецидиве преступлений обнаруживается «пренебрежение виновным полученным уроком, нравственная нечувствительность виновного к осуждению и официальному предостережению» [5, с. 6].

Если критерием исправимости является отношение лица к исправительным средствам, то как отличить действительное исправление этого лица от временного приспособления?

собленчества, желая условно-досрочного освобождения от отбывания наказания? Рецидив среди лиц, отбывших разные меры уголовно-правового характера, высок. Как быть в случаях освобождения от отбывания наказания лица, не раз нарушавшего все требования поведения в учреждении, но не совершавшего преступление, по истечении срока наказания – признавать, что лицо исправилось самим фактом отбытия наказания? Может, следует изменить суть ст. 1, 9 УИК РФ? Например, изложить ст. 1 УИК РФ в следующей редакции:

«1. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями обеспечение порядка и условий исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предупреждающего совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

2. Задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств, способствующих должному поведению осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации».

Статью 9 УИК РФ назвать «Обеспечение порядка и условий исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера и его основные средства» и изложить ее в следующей редакции:

«1. Обеспечение порядка и условий исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера – это формирование у осужденных должного поведения в обществе: уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

2. Основными средствами формирования у осужденных должного поведения в период исполнения назначенной меры уголовно-правового характера являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие.

3. Средства формирования должного поведения осужденных применяются с учетом вида назначенной им меры уголовно-правового характера, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, данных об их личности и поведении в период исполнения назначенной им меры».

Предложенные редакции ст. 1, 9 УИК РФ не лишены изъянов, но в них, на наш взгляд, более реально заложены истинные возможности достижения поставленных целей и решения задач исполнения мер уголовно-правового характера, отражена их исполнительная направленность.

Уголовно-исполнительное право хотя и реализует свойственные этой отрасли правоотношения в рамках уголовно-правовых отношений, обладает всеми признаками автономии: кодифицированный источник, отразивший в названии его основное содержание – «уголовно-исполнительное». До принятия УИК РФ рассматриваемая отрасль именовалась «исправительно-трудовое право» и регламентировала порядок исполнения только тех наказаний, которые связаны с трудовой занятостью осужденных: обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста и лишения свободы (ч. 2 ст. 2 ИТК РСФСР).

В названии исследуемой отрасли подчеркнута ее сущность – исполнительная, а не исправительная направленность, отличающаяся сложностью, обусловленной плюрализмом представлений о содержании понятия «исполнение». Было бы резонно и исправительные учреждения переименовать в уголовно-исполнительные, ведь инспекции,

исполняющие наказания, не связанные с лишением свободы (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и пр.), называются «уголовно-исполнительные», а не «уголовно-исправительные».

Отрасль права является самостоятельной, если она обладает выработанными в теории признаками. Самостоятельность уголовно-исполнительного права проявляется во всех теоретических критериях выделения отрасли, к которым в классическом понимании относятся предмет регулирования, методы, формальная определенность и наличие собственных мер принуждения. Предмет рассматриваемой отрасли – общественные отношения в сфере отбытия наказания, определения средств исправления осужденных, охраны их прав, свобод и законных интересов, оказания помощи в социальной адаптации. Многообразие уголовно-исполнительных отношений по своему содержанию предопределяет комплексный характер метода – императивный и диспозитивный, выполняющий дополнительно функции поощрения, и сочетание указанных методов. Формальная определенность уголовно-исполнительного права с принятием УИК РФ налицо. Данной отрасли свойственны и собственные меры принуждения, применяемые за нарушение требований режима, – меры безопасности, режим особых условий, меры взыскания. Такие признаки, как предмет, метод правового регулирования и наличие самостоятельного источника, характерны для многих отраслей права, а вот четвертый признак – наличие собственных мер принуждения в рамках отрасли в период исполнения свойственных этой отрасли мер ответственности присущ, пожалуй, только уголовно-исполнительному праву. Общественные отношения, регулируемые уголовно-исполнительным правом, включают в себя ряд взаимосвязанных отношений, обусловленных: определением средств исправления осужденных; охраной их прав, свобод и законных интересов; оказанием помощи в социальной адаптации (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Основные средства исправления осужденных: режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие – в полном объеме применяются к лицам, лишенным свободы. Они на первый взгляд не отличаются от жизни в обществе, однако являются принудительными, и это принуждение вторично, первично само принудительное отбывание наказания. Сегодня самостоятельность уголовно-исполнительного права как отрасли признают 96,7 % экспертов [2, с. 40]. А вот вопрос об особой его специфике – плюрализме регулируемых отношений и плюрализме принуждения почти не затрагивается. Обычно в науке отмечают отдельно предмет – порядок исполнения наказания, условия отбывания наказания, применение основных средств исправления, обязанности и права осужденного в период отбывания наказания и администрации исправительного учреждения. В рамках уголовно-исполнительных правоотношений складываются отношения между осужденным, представителем администрации учреждения и другими лицами: работающими с осужденными, их родственниками, лицами, допущенными к свиданию, и пр. В таких отношениях необходим психологический контакт, прежде всего когда речь идет об исполнении наказания в отношении несовершеннолетнего. Уголовно-исполнительные отношения, особенно в исправительных учреждениях, в рамках которых осуществляется вся жизнедеятельность осужденных, реализуют в себе юридические, ценностно-этические, религиозные, философские и другие аспекты взаимоотношений между людьми. В уголовно-исполнительные отношения со временем должна перелиться вся «сила» уголовной юстиции. «Именно стадия исполнения наказания становится решающей, именно она должна вернуть в общество морально здорового человека или

прекратить его существование как живого организма (это тоже не исключается), либо как социальной сущности в прошлом ее виде (речь идет о социальном перепрограммировании человека, замене его внутренних социальных и моральных установок – это уже не такое и далекое будущее)... Очевидно, что резко меняется вся суть так называемых сегодня уголовно-исполнительных правоотношений» [1, с. 16].

Таким образом, теоретические критерии самостоятельности указанной отрасли очевидны, что подчеркивали в своих работах такие известные ученые, как: И. А. Исаев, С. В. Познышев, И. Я. Фойницкий, Н. А. Беляев, А. И. Зубков, М. П. Мелентьев, Н. А. Стручков и др. [6]. В наши дни эта отрасль права неординарна и в рамках традиционных критериев выделения отрасли. Кроме того, именно по результатам исполнения назначенного лицу наказания или иной меры уголовно-правового характера можно судить об эффективности действия закона.

Исполнение каждого наказания предполагает применение мер взыскания за ненадлежащее поведение осужденного. Применение мер взыскания обусловлено в ряде случаев стечением обстоятельств, отношениями, складывающимися как между осужденными (если речь идет об исполнении лишения свободы или принудительных работ), так и между осужденным и администрацией учреждения, исполняющего наказание, работающими с осужденными вольнонаемными гражданами, медицинскими работниками, а это не всегда объективно, тем не менее является внешним критерием отношения осужденного к необходимости претерпевания принудительных ограничений его прав, свобод и законных интересов. Ведь даже гарантированное осужденному обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания обязывает его не нарушать правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемлять права других лиц.

Неординарность уголовно-исполнительного права проявляется в присущем ему тройственном принуждении лица, признанного судом виновным в инкриминируемом ему деянии, позитивно-ресоциализационного характера. Это особенно заметно при отбывании лишения свободы. Сначала лицо принудительно подвергается изоляции от общества, в период которой к нему применяется вторичное принуждение, обусловленное порядком и условиями отбывания наказания, а в случае неподчинения предъявляемым законом требованиям – мерами взыскания, и затем, уже после отбытия наказания, можно выделить третий вид принуждения в виде ограничений, свойственных состоянию судимости.

«Новая новь» уголовно-исполнительного закона призвана сделать его понятным, уравновесить злое и доброе, исключить его неприменимость в силу своих же предписаний, двусмысленность. Отказ от устоявшихся, зарекомендовавших себя временем теоретических положений отрасли права во имя так называемой и не всегда понятной оптимизации оборачивается сведением на нет эффективности действия закона. Развитие научно-технического и социального прогресса неизбежно требует внесения изменений в закон, но без утопических критериев оценки поведения осужденных, умаления значения труда для их ресоциализации, не ломая вместе с тем классические постулаты особой отрасли права – уголовно-исполнительного права.

Библиографический список

1. Голик Ю. В. Будущее уголовно-исполнительных отношений // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2020. Ч. 1. С. 15–16.

-
2. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 56 с.
 3. «Горьковатая статистика»: 85 % российских заключенных – рецидивисты // Вести.Ру. 2015. 25 марта. URL : <https://www.vesti.ru/article/1764143> (дата обращения: 21.09.2020).
 4. Дроздов И. С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2020. 26 с.
 5. Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений (структура, связи, прогнозирование). Харьков, 1980. 152 с.
 6. Функции советского исправительно-трудового права и механизм их осуществления / И. А. Исаев [и др.]. М. : ВНИИ МВД СССР, 1980. 132 с.
 7. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2007. 944 с.
 8. Милюков С. Ф. Криминологический фундамент эффективного Уголовного кодекса России // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Рос. конгресса уголовного права (г. Москва, 28–29 мая 2020 г.). М. : Юрлитинформ, 2020. С. 154–161.
 9. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Итоги обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.
 10. Смысл поговорки «Горбатого могила исправит» // FB.ru. URL : <https://fb.ru/article/284896/smysl-pogovorki-gorbatogo-mogila-ispravit> (дата обращения: 21.09.2020).

УДК 343.829

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.40-45

АННА ВАЛЕРЬЕВНА СЕРЕБРЕННИКОВА,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация, ORCID 0000-0002-1064-4171,
e-mail: serebranna@hotmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Для цитирования

Серебренникова, А. В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы / А. В. Серебренникова // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 40–45. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.40-45.

Аннотация. В статье анализируется аспект формирования и использования современных информационных технологий в области контроля за исполнением наказаний, а также определяются границы допустимого вмешательства в сфере данного контроля. Затрагивается вопрос влияния нормативного регулирования информационного обеспечения на институт защиты прав и свобод граждан в современной России. Указывается на слабость использования современных технологий при исполнении уголовных наказаний. При этом аспект такого использования имеет вполне понятный вектор развития и не может реализоваться исключительно по причине отсутствия конкретно определенной концепции со стороны органов правопорядка.

Ключевые слова: исполнение наказаний, цифровизация, права человека и гражданина, информационные технологии, уголовное законодательство.

Цифровизация как феномен глобализации представляет собой безостановочно проникающее вглубь бытия человека явление, формирующее новое информационное пространство внутри как самого социума, так и его основных институтов: культуры, религии, образования и др. Развитие данного явления столь быстрыми темпами не только привело к деформации отдельных сфер человеческой активности, но и повлекло за собой революционные изменения в осознании человеческой природы – принципиально иное представление о его ментальных, когнитивных, аксиологических и коммуникативных способностях. Как справедливо отмечает Г. Н. Сергеева, «общество вступило в новую эру – эру цифровой индустриализации, оставляя за собой застарелое представление о роли человека в возможности влияния на развитие общества в целом. Теперь уже нет

© Серебренникова А. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

смысла бояться того, что мы создали, а следует научиться правильно контролировать его развитие и создавать эффективные механизмы использования граней информации в быту» [7, с. 7].

Действительно, с таким мнением сложно не согласиться, тем более что Россия пока не занимает передовых позиций в вопросах информационного развития, а всего лишь является заимствующим субъектом таких технологий и внедрения их в ситуациях, где подобное технологическое развитие уже стало обыденным. Например, цифровая экономика как сегмент продуктивного использования цифровых технологий позволяет преодолеть ряд ограничений, свойственных традиционной экономике. Она имеет такие преимущества, как: экономия времени в любых видах работ с помощью различной техники; быстрый доступ к нужной информации; высокая скорость разнообразных расчетов с помощью вычислительной техники; быстрый обмен конфиденциальной или иной информацией. Все это в совокупности доказывает, что информационное развитие создает новое технологическое поле для деятельности, чем позволяет не только снизить нагрузку на рабочих местах, но и улучшить показатели трудовой активности в несколько раз.

Вместе с тем цифровизация, как и любой другой не до конца изученный и соответственно слабо контролируемый сегмент социального влияния, стала причиной для суждений о том, каким еще способом можно применять его преимущества в условиях стоящих перед государством задач. Отдельное внимание исследователей привлечено к вопросу использования цифровых технологий в сфере правового регулирования, а конкретно к тому, как подобное развитие может улучшить потребности граждан в части обеспечения их дальнейшей безопасности. Апологеты конституционного видения развития юридической науки в нашей стране, опасаясь за недостаточность внимания к проблеме развития технологий и оценки влияния такого развития на институты прав и свобод, указывают на необходимость внесения коррективов в основные понятия, а также формы правового регулирования, тем самым стараясь найти для общества понятные и справедливые механизмы контроля развивающейся сферы отношений. Несмотря на то что многие исследователи открыто заявляют о недостаточности (несовершенстве) использования цифровизации в сфере действия уголовного законодательства, российское профессиональное сообщество продолжает оставаться безучастным к вопросу активизации его развития и де-факто игнорирует те благотворные последствия, которые появились благодаря последним возможностям его применения на практике [6, с. 14].

Другие исследователи предпочитают связывать данное положение дел с присущей нам консервативностью в вопросах соблюдения и защиты прав и свобод, подтверждая уже сложившимся мнением о том, что в современном российском обществе просто невозможно поступательное, сбалансированное развитие некоторых социальных институтов одновременно. В частности, именно поэтому, по утверждению Е. А. Русскевича, процесс пенализации в нашей стране традиционно коррелируется с учетом представления о наказании как о средстве борьбы, а не как о способе исправления оступившего члена общества. Ученый декларирует, что это – прерогатива того общества, где понимание развития строится на диалектической основе, предполагающей учет борьбы взглядов и единства противоположностей, то есть открытым и свободным представлением использования санкционных механизмов [5, с. 79].

Следует согласиться с таким мнением, так как некоторые аспекты развития уголовного законодательства в нашей стране, в том числе в сфере использования цифровых технологий при определении наказания и его исполнении, пока остаются в откровенно отсталом состоянии. Консервативность и деградация мыслительной основы в совре-

менной законодательной деятельности, а также профессиональная деформация правоприменителей, привыкших искать решение проблемы благотворного влияния на морально-этическое отношение субъекта к законности только сквозь призму ужесточения санкции, по сути, лишили наше общество представления о том, как именно нужно наказывать правонарушителя, чтобы его дальнейшее поведение стало социально полезным.

Между тем достижения в области цифровых технологий не только создали целый ряд новых проблем с преступностью, но и способствовали предупреждению, выявлению, расследованию, уголовному преследованию и наказанию за преступление, и это несмотря на то, что многие вопросы, связанные с использованием цифровых технологий в уголовном праве, так и остались нерешенными. Вместе с тем развитие цифровых технологий помогает эффективно противодействовать преступности; в криминалистике и уголовном процессе все чаще используются базы данных, аккумулирующие доказательства по уголовным делам, происходит алгоритмизация и автоматизация многих процессов; цифровые технологии активно используются в преподавании учебных дисциплин уголовно-правового цикла при подготовке сотрудников правоохранительных органов и судей.

Сомнения о влиянии цифровизации на порядок государственно-правового принуждения вызывают в научной среде все больше обоснованности, а убеждение в том, что некоторые проблемы эффективности традиционных мер уголовно-правового характера могут быть решены именно посредством цифровизации, стало устойчивой гипотезой в понимании развития института наказания в нашей стране. Такое преобразование логично связывается с развитием виртуального пространства, опосредованно связанного с появлением и развитием такого вида прав граждан, как «цифровые права». Логичным продолжением общего развития становится этап появления новых видов наказания, ограничивающих вопросы использования данных прав.

Закономерным представляется то, что цифровизация как сфера высоких технологий станет проводником и подспорьем системы наказаний в вопросе контроля за его исполнением в местах лишения свободы, где сегодня содержится огромное количество граждан (по данным Фонда в защиту прав заключенных, в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержатся 587,1 тыс. чел. URL : <http://www.zashita-zk.org/120D6A20>). Быт осужденных, а также их отношения с представителями администрации исправительных учреждений ставят вопрос контроля за их поведением в стенах исправительного учреждения в ряд особо злободневных. Согласно статистической отчетности за 2019 г., вследствие использования современных систем видеонаблюдения количество выявленных нарушений в среде осужденных снизилось на 17 % (доклады о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. URL : <https://fsin.gov.ru/statistics>), при этом повышение показателей фиксации различных нарушений стало возможным именно благодаря различным системам (программам) распознавания, а также их модернизации на местах, внедренным и использованным ФСИН России.

В обозримом будущем во ФСИН России планируется внедрение в местах лишения свободы программ с использованием искусственного интеллекта. Этот вопрос становится все более актуальным и в случае исполнения такого вида наказаний, как принудительные работы, когда контроль при передвижении осужденных в рамках исполнения данного наказания не может быть реализован по причине разброса осужденных по разным частям города или района. Представляется, что эта программа станет надежным помощником органов контроля при фиксации нарушений в режиме реального времени. Ее использование позволяло бы в достаточной мере не только определять личность осужденного, но и устанавливать место, время и даже характер нарушения, а

также на основе полученных данных самостоятельно принимать решение о наказании и направлять соответствующий документ для непосредственного исполнения должностному лицу [4, с. 339].

Однако представители и специалисты юридической науки в вопросах применения норм уголовного законодательства скептически относятся к тому, чтобы на современном этапе развития данный феномен мог обладать действительными правами и выступать в отношениях в качестве полноценного субъекта. В частности, как отмечает Л. В. Иногамова-Хегай, возрастание роли информационных технологий и потенциальная возможность их использования в процессе контроля за исполнением наказания и тем более принятия решения о нарушении условий отбывания сформировали в юридической науке оживленную полемику относительно того, может ли искусственный интеллект провести правильную квалификацию действий виновного лица и назначить наказание, соответствующее степени содеянного, цели которого будут достигнуты [3, с. 28].

Другой стороной использования технологий в вопросах исполнения наказаний с точки зрения контроля за соблюдением конституционных прав является расширение возможностей граждан, которые отбывают наказание в местах лишения свободы и по объективным причинам не могут бесконтрольно переправлять свои обращения. Количество обращений со стороны осужденных на действия администрации, в том числе в вопросах создания препятствий в направлении различных жалоб, давно уже стало причиной для введения в исправительные учреждения современных средств коммуникативного свойства, позволяющих посредством средств видеоконференцсвязи напрямую связываться с представителями не только надзорных органов и судов, но и иных органов контроля за исполнением наказаний, включая комитеты и общественные организации, фонды, а также представителей самих осужденных (адвокатов) (обзор обращений граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, во ФСИН России. URL : <https://fsin.gov.ru/statistics>).

Другим сценарием использования цифровых технологий в деятельности органов контроля за исполнением наказаний является изменение самой системы наказаний [9, с. 92]. Нам представляется правильным указать на то, что законодательный посыл в данном вопросе будет всецело зависеть от технической возможности и на современном этапе развития реализовать его будет крайне сложно. Вместе с тем с учетом позиции выработанного представления о назначении науки, а также закономерностей развития и функционирования права в условиях цифровой реальности необходимо прогнозировать такое развитие событий уже сейчас.

Следует отметить, что отечественные суды, учитывая возможности законодательно-го воздействия при определении наказания, а также оценивая вероятность такого воздействия на состояние правонарушителя, нередко прибегают к применению положений ст. 47 УК РФ. Проведенный анализ показывает, что единообразного подхода в данном вопросе не существует. Так, в судебной практике применяются различные виды дополнительного наказания: от лишения права заниматься деятельностью, сопряженной с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (например, приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 16 октября 2017 г. по делу № 1-311/2017), до лишения пользования непосредственно самой сетью Интернет (приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан от 22 ноября 2017 г. по делу № 1-173/2017). При этом к таким видам лишения суды относят и пользование конкретным сайтом, несмотря на то что его действие не ограничено Роспотребнадзором (апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верхов-

ного Суда РФ от 15 марта 2018 г. № 201-АПУ18-8; приговор Волжского районного суда Самарской области от 12 ноября 2018 г. по делу № 1-220/2018), включая и лишение на право деятельности, связанной с размещением обращений в сети Интернет (апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 28 февраля 2019 г. № 208-АПУ19-1).

Исходя из приведенных примеров применения наказаний становится понятно, что таким образом суды, используя практически один и тот же вид наказания, вводят в действие, по сути, различные ограничительные меры: от запрета на использование информационного ресурса для распространения информации (что приводит к необходимости оценки такого наказания с точки зрения положений Конституции РФ, определяющей, что право на получение информации любым законным способом, а также на использование, распространение, и передачу относится к одному из важнейших правовых постулатов формирования полноценного гражданского социума) до запрета на пользование ресурсом в общем, что также приводит к ограничению прав субъекта в вопросах использования своей возможности, например, при направлении обращений в компетентный орган [8, с. 15].

Некоторые исследователи предполагают, что с учетом такого положения дел необходимо будет вводить новый вид наказания, который в условиях интенсивной цифровизации жизнедеятельности приобретет свое значение как «ограничение права на цифровое присутствие в сети Интернет» [11, с. 63]. Как показывает ряд исследований данного подхода, базис такого ограничения должен содержать вполне понятные пределы, чтобы у ФСИН России была реальная возможность следить за эффективностью действия этой ограничительной меры.

Такое предложение имело место еще лет двадцать назад, и сегодня по причине повсеместного использования средств телекоммуникационной связи неограниченностью их в обороте, а также свободы в продаже (как с рук, так и в магазинах) не даст положительного эффекта. В частности, в США, где подобный подход был опробован еще десять лет назад, подобные меры не дали положительного результата [2, с. 688].

Отдельное внимание в вопросе развития системы исполнения наказания приковано к использованию технологий чипирования. В частности, зарубежные исследователи, вдохновившись идеями возможного чипирования продуктов и товаров общего потребления, а также успешных экспериментов внедрения данных устройств в генетический материал животных, стали всерьез рассматривать такую возможность при использовании контроля за поведением человека. Например, американский исследователь Р. Роуч в своей работе «Жизнь в тюрьме» указывает на возможность имплантирования в организм осужденного специального чипа, позволяющего не только отслеживать его местонахождение, но и контролировать и даже моделировать его качества поведения в определенных ситуациях [1]. Между тем это, во-первых, потребует серьезного преобразования законодательства с точки зрения соблюдения конституционных прав граждан, определяющего невозможность внесения в состояние организма человека искусственных изменений либо другого вмешательства без его согласия, а во-вторых, станет затратным для бюджета. Это может быть реализовано лишь в том случае, если использование технологии чипирования станет безопасной и недорогой процедурой, а современные пенитенциарные учреждения осуществляют за преступниками надлежащий контроль и без подобных технологий.

Еще одним фактором использования современных технологий представляется возможность программирования сознания преступника с целью заложения в его сознание

необходимых морально-деловых качеств, не прибегая при этом к изоляции от общества. Однако подобная генерация, как показывают исследования, пока невозможна [10, с. 11].

По данным газеты «Коммерсантъ», «Федеральная служба исполнения наказаний просит выделить из бюджета 25 млрд рублей на цифровизацию тюрем. Большая часть этих средств (10,2 млрд) уйдет на систему видеонаблюдения с функцией распознавания лиц... Цифровизация затронет около 380 российских тюрем» (URL : <https://newzv.ru/news/society/29-09-2020/fsin-zaprosil-25-mlrd-na-tsifrovizatsiyu-tyurem>).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что современные технологии позволяют расширить спектр мер, направленных на совершенствование системы контроля за исполнением наказания. Однако само по себе техническое развитие еще не дает оснований для того, чтобы беспрекословно, не задумываясь о последствиях, применять любые меры для усиления такого контроля.

Библиографический список

1. Roache, R. 2013, 'How Technology Could Make "Life in Prison" a Much Longer, Tougher Sentence', *Slate*, August 12, viewed 15 November 2020, <https://slate.com/technology/2013/08/daniel-pelka-ariel-castro-how-life-extending-technology-could-make-a-life>.

2. Галкин А. О. Необходимость развития системы информационно-технического контроля осужденных в России на примере опыта США // Академия педагогических идей «Новация». Сер. Студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 683–689.

3. Иногамова-Хегай Л. В. Квалификация преступлений с использованием компьютерных технологий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 51–55.

4. Кочкина О. В. Использование искусственного интеллекта в кадровой работе Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства внутренних дел Российской Федерации // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. С. 338–340.

5. Русскевич Е. А. Уголовное наказание и цифровые технологии: точка бифуркации // Государство и право. 2020. № 7. С. 77–84.

6. Савенков А. Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.

7. Сергеева Г. Н. Цифровое общество как социокультурный феномен // Процессы цифровизации в современном социуме: тенденции и перспективы развития : сб. док. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : РНУ, 2019. С. 7–10.

8. Талапина Э. В. Право и цифровизация: вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

9. Тихомиров Ю. А. Влияние цифровизации на компетенцию федеральных органов исполнительной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 90–94.

10. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

11. Никитин Е. В. Цифровизация уголовного наказания // Smart Law for Smart Industry : сб. науч. ст. М. : Южно-Уральский государственный университет, 2020. С. 201–207.

12. Черехович М. М. Развитие научных представлений о причинах преступлений и об исправлении преступников // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2020. № 1. С. 57–66.

УДК 343.842

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.46-55

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,

е-mail: yuzanin@mail.ru;

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБАНЬ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации исполнения наказаний,
Санкт-Петербургский университет ФСИН России,
г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация,

е-mail: dimas8807@mail.ru

ИНСТИТУТ ПРЕБЫВАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Для цитирования

Южанин, В. Е. Институт пребывания осужденных за пределами исправительных учреждений в уголовно-исполнительном праве России / В. Е. Южанин, Д. В. Горбань // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 46–55. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.46-55.

Аннотация. Осужденные к наказанию в виде лишения свободы находятся в условиях строгой изоляции, которая выражает сущность данного вида наказания. Однако для некоторых категорий осужденных законодательство предусматривает случаи ограничения этой изоляции. Речь идет о применении в отношении осужденных института пребывания за пределами исправительных учреждений. Категория «пребывание за пределами исправительного учреждения» включает в себя все случаи проживания и нахождения осужденных за пределами исправительного учреждения. Период нахождения осужденных за пределами исправительного учреждения может быть длительным либо краткосрочным, а также охватываться применением мер поощрения к осужденным либо других институтов (субинститутов), которые носят поощрительный характер и направлены на их социальную адаптацию. В статье предпринимается попытка проведения комплексного анализа института пребывания осужденных за пределами исправительных учреждений в уголовно-исполнительном праве России. Обосновывается концепция, сущность которой заключается в том,

© Южанин В. Е., Горбань Д. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

что основное целевое назначение указанного правового института связано с социальной адаптацией осужденных. Институт пребывания осужденных за пределами исправительных учреждений в уголовно-исполнительном праве России включает в свой состав отдельные самостоятельные субинституты. Объединяющим данные субинституты признаком выступает прерывание изоляции в отношении осужденных на короткое либо длительное время в соответствии с необходимостью достижения целей и решения задач, закрепленных в уголовно-исполнительном законодательстве. Дается подробная характеристика каждому из субинститутов института пребывания осужденных за пределами исправительных учреждений, предлагаются пути законодательного решения проблем, связанных с практической реализацией рассматриваемых субинститутов, приводятся и анализируются данные официальной ведомственной статистики, а также мнения ведущих ученых-пенитенциаристов.

Ключевые слова: институт права, субинститут права, изоляция осужденных, пребывание за пределами исправительного учреждения, осужденный, исправление, социальная адаптация, подготовка к освобождению.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) предусматривает в своем содержании случаи существенного снижения изоляции и возможность проживания и нахождения осужденных за пределами исправительных учреждений (ИУ). Правовые нормы о снижении изоляции в отношении осужденных, их нахождении и проживании за пределами исправительных учреждений объединяются самостоятельным институтом пребывания в уголовно-исполнительном праве.

Данный институт в своем большинстве включается в закрепленную в уголовно-исполнительном законодательстве прогрессивную систему отбывания наказания, составляя ее элементы. Правовая категория «пребывание за пределами исправительного учреждения» используется законодателем в УИК РФ и включает в себя все случаи нахождения осужденных за пределами исправительного учреждения: проживание, нахождение, работу. Однако предназначение данного пребывания за пределами исправительного учреждения – социальная адаптация осужденных, поддержание социально полезных связей.

Одной из современных тенденций уголовно-исполнительной политики нашего государства является снижение численности осужденных в местах лишения свободы и увеличение тем самым доли осужденных, отбывающих наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления. Тем не менее уголовно-исполнительное законодательство РФ нуждается в развитии и совершенствовании институтов, которые улучшают правовое положение осужденных, а также которые связаны с поощрением и предполагают их социальную адаптацию.

В теории права содержание правового института определяется в конечном итоге социальной потребностью [1, с. 40]. Этой потребности отвечает существование самостоятельного института пребывания осужденных за пределами исправительного учреждения. Нормы этого института необходимы для регулирования отношений, связанных с ослаблением изоляции и решением ряда проблем, которые возникают у осужденных и администрации ИУ. Кроме того, он является важнейшим стимулирующим фактором положительного поведения осужденных.

Нормы института любого нормативного правового акта не обязательно должны находиться в одной его главе. Они могут быть рассредоточены по разделам и главам нормативного акта, однако при их объединении в самостоятельный институт они должны обладать присущими ему (институту) признаками: однородностью общественных отношений, юридическим единством и др. Всеми вышеперечисленными признаками обладает институт пребывания осужденных за пределами ИУ. В его состав включаются отдельные структурные элементы (субинституты).

В УИК РФ рассматриваемый и изучаемый нами институт предусмотрен следующими правовыми нормами, составляющими его субинститутами:

- 1) бесконвойное передвижение осужденных за пределами ИУ (ст. 96 УИК РФ);
- 2) выезды осужденных за пределы ИУ (ст. 97);
- 3) проживание и работа осужденных под надзором администрации ИК за ее пределами (ч. 3 ст. 121);
- 4) разрешение осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, проведение за пределами колонии выходных и праздничных дней (ч. 2 ст. 113);
- 5) пребывание несовершеннолетних осужденных за пределами ВК (ст. 134–135 УИК РФ);
- 6) предоставление осужденным, отбывающим наказание в обычных или облегченных условиях, дополнительных длительных свиданий с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием вне ИУ).

Проанализируем каждый из субинститутов самостоятельного института пребывания осужденных за пределами ИУ.

Бесконвойное передвижение осужденных за пределами исправительных учреждений

Основным целевым назначением вышеуказанного правового субинститута выступает характер выполняемой осужденными работы, или, иными словами, наличие в исправительном учреждении потребности в обеспечении его хозяйственной деятельности и решении некоторых производственных задач (ст. 96 УИК РФ). Однако тот факт, что бесконвойное передвижение предоставляется только положительно характеризующимся осужденным, а также то, что они находятся в период бесконвойного передвижения за пределами ИУ, наталкивает нас и многих ученых на мысль об отнесении правовой природы вышеуказанного правового субинститута к элементам прогрессивной системы, мерам поощрения и др.

В целом мы можем говорить о некотором расширении правового положения (статуса) осужденных и его улучшении в случае предоставления им бесконвойного передвижения за пределами ИУ.

Как свидетельствуют статистические данные ФСИН России, количество расконвоированных осужденных ежегодно снижалось до 2019 г. включительно. А. И. Дроздов и А. В. Азархин снижение численности данной категории осужденных связывают с ухудшением качественного состава спецконтингента в местах лишения свободы [2, с. 115]. С 2019 г. наблюдается тенденция роста численности данной категории осужденных.

Г. А. Аванесов относил бесконвойное передвижение осужденных за пределами ИУ к элементам прогрессивной системы [3, с. 83].

Ю. К. Якимович также считал, что расконвоирование объективно является факультативным элементом прогрессивной системы. При расконвоировании осужденных достигается не только непосредственная цель расконвоирования (решение определенных производственных задач), но и в определенной мере цели прогрессивной системы [4, с. 14].

Г. А. Аванесов и Ю. К. Якимович в принципе являются сторонниками отнесения института расконвоирования осужденных к прогрессивной системе, но их позиции в решении этого вопроса различны применительно к условиям включения расконвоирования в прогрессивную систему. Ю. К. Якимович безусловно считал расконвоирование элементом прогрессивной системы отбывания наказания. Г. А. Аванесов, напротив, придерживался позиции, согласно которой институт расконвоирования может не являться (в данное время) элементом прогрессивной системы, но должен стать им в случае изменения условий его применения.

Современные авторы также относят правовую природу данного субинститута к категории юридических поощрений. Так, Е. А. Чигринец рассматривает субинститут передвижения осужденных без конвоя как форму связи осужденных с внешним миром, а также считает, что этот субинститут способствует социальной адаптации осужденных [5, с. 73].

В научной литературе высказывается мнение о том, что действующее уголовно-исполнительное законодательство, регулирующее применение субинститута расконвоирования, нуждается в своем совершенствовании, и предлагается закрепить его в рамках отдельных условий отбывания лишения свободы – условий адаптации.

В практической деятельности исправительных учреждений субинститут расконвоирования находит свое непосредственное применение, о чем свидетельствуют данные ведомственной статистики (табл. 1).

Таблица 1

Статистические сведения о предоставлении осужденным бесконвойного передвижения

2015	2016	2017	2018	2019	I полугодие 2020 г.
681	645	575	557	766	435

Источник: сводный отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России по форме СБ-1 за период 2015 г. – I полугодие 2020 г.

Мы относим бесконвойное передвижение осужденных за пределами ИУ к факультативным элементам прогрессивной системы исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, в связи с тем что целевое назначение данного субинститута связано в первую очередь с решением хозяйственных задач исправительных учреждений. Однако поддерживаем позиции ученых-пенитенциаристов о необходимости его дальнейшего расширения и совершенствования, может быть, и в рамках отдельных условий отбывания наказания в виде лишения свободы.

Выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений

В ст. 97 УИК РФ установлены основные виды выездов осужденных за пределы ИУ: краткосрочные и длительные, виды отпусков для осужденных, имеющих детей, а также детей-инвалидов (внесены в УИК РФ Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 200-ФЗ).

В научной литературе рассматриваемый субинститут исследован достаточно подробно на уровне диссертационных и монографических исследований, а также научных статей, практических рекомендаций и др. В ней, в частности, отмечается, что выезды осужденных за пределы ИУ способствуют: гуманизации исполнения наказания; формированию правопослушного поведения осужденных; предупреждению совершения новых преступлений и др.

О правовой природе данного субинститута имеются различные мнения. Некоторые ученые предлагают закрепить в законе рассматриваемый субинститут в качестве субъективного права осужденных [6, с. 4]. В. И. Селиверстов относит ежегодный отпуск с правом выезда за пределы исправительного учреждения к поощрениям, а все иные виды отпусков, связанные с исключительными личными обстоятельствами и характеристиками осужденных, – к льготам [7].

Р. В. Комбаров и Д. А. Гаджиева предлагают отнести рассматриваемый нами субинститут к мерам поощрения. Это в первую очередь касается длительных выездов осужденных за пределы ИУ [10, с. 61].

Мы когда-то называли ст. 97 УИК РФ нормой-фикцией, в связи с тем что на практике данная норма применяется достаточно редко [8, с. 127].

Таблица 2

**Количество осужденных, которым предоставлены выезды
за пределы исправительных учреждений**

2015	2016	2017	2018	2019	I полугодие 2020 г.
1120	1174	930	1059	2020	504

Источник: сводный отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России по форме СБ-1 за период 2015 г. – I полугодие 2020 г.

Анализ статистических данных (табл. 2) показывает, что с 2019 г. наблюдается тенденция увеличения количества выездов осужденных за пределы ИУ. Мы связываем это в первую очередь с законодательными изменениями 2017 г. и соответственно с увеличением оснований для выезда осужденных за пределы ИУ. В сфере совершенствования изучаемого субинститута в научной среде ученых также нет единого мнения.

Л. А. Латышева говорит о необходимости внесения изменений в законодательство и закрепления в нем института выходов за пределы ИУ для осужденных женщин, которые имеют детей [9, с. 87]. Выходы за пределы ИУ необходимы для осуществления свиданий с детьми, поддержания социально полезных связей и соответственно для социальной адаптации осужденных женщин.

Р. В. Комбаровым и Д. А. Гаджиевой предлагается дополнить ч. 3 ст. 97 УИК РФ следующими категориями осужденных, которым не могут быть предоставлены выезды за пределы ИУ:

- лица, склонные к совершению побега;
- осужденные, ранее совершавшие административное правонарушение или преступление в период нахождения в отпуске [10, с. 61].

В целом мы считаем, что выезды осужденных за пределы ИУ укрепляют и предполагают социальную адаптацию осужденных к условиям свободы.

Проживание и работа осужденных под надзором администрации исправительной колонии за ее пределами

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает три категории осужденных, которым разрешается проживать и работать за пределами ИУ.

Пункт 172 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 (далее – ПВР ИУ), также закрепляет еще одну категорию осужденных, проживающих за пределами ИУ, – осужденных женщин, имеющих семью или детей. Данная категория осужденных была предусмотрена в ранее действовавшей редакции ч. 3 ст. 121 УИК РФ и в связи с внесенными изменениями в УИК РФ в 2017 г. оставлена только в ПВР ИУ. В настоящее время на практике рассматриваемый субинститут применяется достаточно редко по различным объективным и субъективным причинам. Об этом свидетельствуют данные официальной ведомственной статистики ФСИН России (табл. 3).

Таблица 3

Статистические данные о проживании осужденных за пределами ИУ

2015	2016	2017	2018	2019	I полугодие 2020 г.
21	21	13	13	118	98

Источник: сводный отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России по форме СБ-1 за период 2015 г. – I полугодие 2020 г.

С 2019 г. наблюдается тенденция увеличения практического применения субинститута проживания осужденных за пределами ИУ УИС России. В научной литературе рассматриваемый субинститут изучен и проработан достаточно подробно.

Отметим, что законодатель внес изменения в ч. 3 ст. 121 УИК РФ, изложив ее в новой редакции (Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 200-ФЗ). Изменения были также внесены в п. 172 ПВР ИУ, регламентирующий категории осужденных, которым разрешено проживание за пределами ИУ. Внесенные в законодательство изменения повысили актуальность исследования данного субинститута с учетом малого количества научных исследований по этой тематике с июля 2017 г. По нашему мнению, его правовая природа напрямую связана с подготовкой осужденных к освобождению и решением проблем адаптации к условиям свободы. Практику предоставления проживания осужденным за пределами ИУ следовало бы расширить. Это можно сделать в первую очередь за счет совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, например, из п. «б» ч. 2 ст. 129 УИК РФ исключить критерий для предоставления осужденным возможности проживания за пределами учреждения – наличие у них семьи. Данная позиция поддерживается многими учеными.

Разрешение осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, проведения за пределами колонии выходных и праздничных дней

Указанная поощрительная норма регламентирована в ч. 2 ст. 113 УИК РФ. Ее суть заключается в разовом (фактически в будущем она может применяться без ограниче-

ния количества) предоставлении осужденным возможности проведения за пределами колонии-поселения выходных и праздничных дней.

Однако при применении рассматриваемой поощрительной нормы возникает несколько существенных вопросов. Если она предоставляется в выходные дни, то может ли быть протяженность во времени ограничена администрацией ИУ до одного выходного дня или обязательно осужденному должно быть предоставлено два выходных дня? Соответственно данный вопрос связан и с праздничными днями, протяженность которых по времени может составлять до нескольких дней.

Спорным вопросом также является установление границ колонии-поселения, так как согласно рассматриваемой мере поощрения осужденные должны проводить выходные и праздничные дни именно за пределами ИУ. Не указывается в законодательстве, где именно осужденные будут проводить выходные и праздничные дни, то есть не конкретизировано место реализации данной поощрительной нормы.

Обозначенные вопросы, по нашему мнению, требуют детальной конкретизации как в действующем уголовно-исполнительном законодательстве, так и в правилах внутреннего распорядка ИУ и ВК.

В практической деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России данная мера поощрения находит свое непосредственное применение. Однако в ряде субъектов РФ по тем или иным причинам она не применяется.

На рисунке 1 отражены статистические данные о применении к осужденным данной меры поощрения за 2019 г.

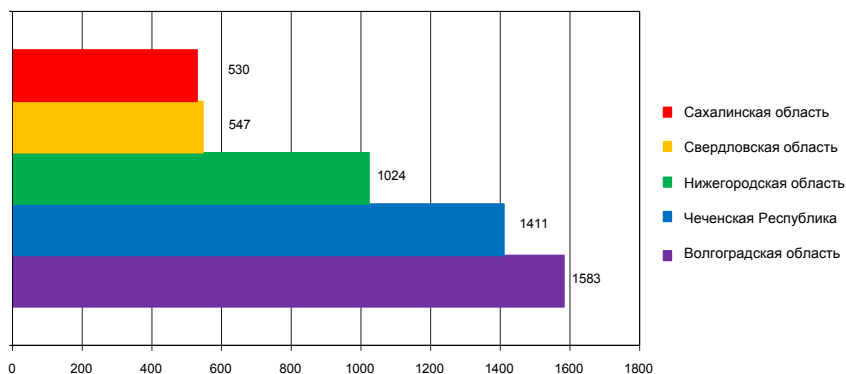

Рис. 1. Сведения о применении к осужденным меры поощрения в виде разрешения проведения за пределами колонии-поселения выходных и праздничных дней за 2019 год

Источник: сводный отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России по форме СБ-1 за 2019 г.

Всего за 2019 г. к осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, рассматриваемая мера поощрения была применена 9334 раза.

По итогам I полугодия 2020 г. показатели применения данной меры поощрения значительно понизились и составили 1893 раза (рис. 2).

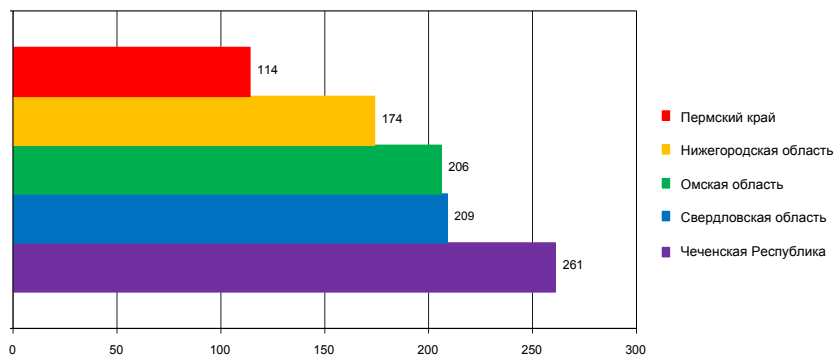

Рис. 2. Сведения о применении к осужденным меры поощрения в виде разрешения проведения за пределами колонии-поселения выходных и праздничных дней за 2020 год

Источник: сводный отчет о результатах оперативно-служебной деятельности отделов безопасности (режима и надзора) исправительных колоний, лечебных исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, воспитательных колоний, тюрем, следственных изоляторов, отделов (отделений, групп) режима и надзора территориальных органов ФСИН России по форме СБ-1 за I полугодие 2020 г.

Данный вид поощрения имеет большой потенциал в плане социальной адаптации осужденных. Считаем, что на практике необходимо более частое применение данной меры поощрения, а также рассмотрение возможности применения ее в других видах исправительных учреждений. Применение данной меры поощрения может рассматриваться в историческом разрезе применения института увольнений осужденных. Необходимо в ПВР ИУ закрепить порядок реализации данной меры поощрения, так как в настоящей редакции документа этот вопрос законодательно не урегулирован.

Меры поощрения, применяемые к несовершеннолетним осужденным, связанные с их пребыванием за пределами воспитательной колонии (ст. 134–135 УИК РФ)

К ним относится предоставление права посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии (ВК) в сопровождении сотрудников данной колонии, а также права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников.

Несомненным является тот факт, что данные меры поощрения носят прогрессивный характер и направлены на социальную адаптацию несовершеннолетних осужденных. Именно для них законодателем были выделены данные меры поощрения, и они, по нашему мнению, связаны со спецификой исправительного процесса в отношении рассматриваемой категории осужденных. Применение данных мер поощрения, во-первых, связано с нахождением несовершеннолетних осужденных за пределами режимной территории воспитательной колонии, а во-вторых, направлено на поддержание социально полезных связей, а также на развитие общения в законопослушной среде граждан.

За 2019 г. в ВК было проведено 6551 культурно-массовое мероприятие, в которых принял участие 3801 несовершеннолетний осужденный. За 2019 г. в воспитательных колониях было проведено 5966 спортивных мероприятий, в которых приняли участие 3545 чел., включая их организаторов. В регионах России довольно часто практикуется предоставление несовершеннолетним осужденным данной меры поощрения. Как отмечают авторы комментария к УИК РФ, данная мера поощрения применяется примерно к

13 % всех поощренных несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ВК [11, с. 233]. В практической деятельности известны случаи предоставления данной меры поощрения в период с 2018 по 2020 год несовершеннолетним осужденным, отбывающим наказание в Мариинской, Белореченской, Арзамасской воспитательных колониях.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что практика применения рассмотренного субинститута способствует эффективной ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Администрации ВК необходимо чаще практиковать применение данной меры поощрения.

Предоставление осужденным, отбывающим наказание в обычных или облегченных условиях, дополнительных длительных свиданий с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения

Предоставление осужденным различных видов свиданий, предусмотренных действующим уголовно-исполнительным законодательством, направлено на социальную адаптацию осужденных, оказывает существенное положительное влияние на развитие личности осужденных и соответственно на их исправление [12, с. 47].

Дополнительные длительные свидания с ребенком предусмотрены в ч. 1.1, 2.1 ст. 121 УИК РФ. В первом случае регламентируются дополнительные длительные свидания за пределами ИУ с детьми для осужденных, отбывающих наказание на обычных условиях (до двух дополнительных длительных свиданий в месяц), во втором случае – для осужденных, отбывающих наказание на облегченных условиях (без ограничения их количества).

По нашему мнению, законодателю необходимо установить точную цифру количества свиданий для осужденных, указанных в ч. 2.1 ст. 89 УИК РФ и отбывающих наказание в облегченных условиях, до четырех дополнительных свиданий, но с учетом личности и поведения осужденных. Например, согласно производственному календарю в 2019 г. было 247 рабочих дней (1970 часов) и 118 выходных дней. Таким образом, количество вышеуказанных свиданий для осужденных, отбывающих наказание на облегченных условиях, может составлять более 100 в год, притом что в целом для осужденных, отбывающих наказание на облегченных условиях, в год предусмотрено до 6 длительных свиданий (п. «б» ч. 2 ст. 121 УИК РФ).

Данная корректировка связана с тем, что ч. 2.1 ст. 121 УИК РФ в действующей редакции не упоминает в своем содержании необходимость оценки и учета личности и поведения осужденных, указанных в ч. 2.1 ст. 89 УИК РФ, при предоставлении им длительных свиданий с ребенком, что, по нашему мнению, является неправильным.

Отсутствие данной формулировки в законодательстве может быть связано с тем, что личность и поведение осужденных, отбывающих наказание именно в облегченных условиях, не может ставиться под сомнение, так как в данных условиях отбывают наказание только образцовые осужденные.

Вызывает также вопрос отсутствие в законодательстве случаев предоставления длительных свиданий с ребенком для осужденных мужчин, являющихся единственным родителем и отбывающих наказание в колониях строгого режима в обычных и облегченных условиях. В связи с этим необходимо в ст. 123 УИК РФ внести ч. 1.1, 2.1, предусматривающие данные виды дополнительных свиданий, с указанием в законодательстве их количества до одного в обычных и до двух в облегченных условиях отбывания наказания с учетом личности и поведения осужденных.

Отдельные авторы предлагают изменить конструкцию ст. 89 УИК РФ, тем самым заменив применяющуюся в действующем законодательстве размытую формулировку [13, с. 216].

Проанализировав институт пребывания осужденных за пределами исправительных учреждений в уголовно-исполнительном праве России, мы можем сделать вывод о том, что его закрепление в законодательстве направлено на обеспечение процесса социальной адаптации осужденных, постепенную подготовку их к жизни на свободе. Объединяющим признаком анализируемого института уголовно-исполнительного права является прерывание изоляции осужденных на короткое или длительное время для достижения целей и решения задач, определенных в уголовно-исполнительном законодательстве.

Библиографический список

1. Беляева Г. С., Абрамова Н. Г., Лещенко О. В. Понятие и сущность юридического института // Теория государства и права. 2019. № 2. С. 39–45.
2. Азархин А. В., Дроздов А. И. Гуманизация условий содержания осужденных в исправительных колониях как средство реализации уголовно-исполнительной политики // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3(43). С. 113–117.
3. Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). М. : Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны общественного порядка, 1968. 147 с.
4. Якимович Ю. К. Изменение условий содержания осужденных в пределах одного ИТУ (по материалам ИТК общего, усиленного, строгого режимов Западно-Сибирского региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1981. 19 с.
5. Чигринец Е. А. Проблемы законодательного регулирования ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 71–74.
6. Соколов А. А. Выезды осужденных за пределы исправительных учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.
7. Селиверстов В. И. Краткосрочные выезды осужденных за пределы мест лишения свободы: теоретические и прикладные вопросы // Проблемы исполнения наказаний и деятельности уголовно-исполнительной системы : сб. науч. тр. М., 1997. С. 4–13.
8. Южанин В. Е. Нормы-фикции в институте исполнения наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4), № 2. С. 124–129.
9. Латышева Л. А. Исполнение наказания в отношении осужденных к лишению свободы женщин: проблемы и пути их решения // Правовые, организационные и психологические направления государственной политики в правоохранительной сфере : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. С. 84–88.
10. Гаджиева Д. А., Комбаров Р. В. К вопросу о предоставлении осужденным отпуска с правом выезда за пределы исправительного учреждения // Актуальные проблемы современного права и правосознания в России и за рубежом : сб. материалов науч. конф. студентов. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. С. 58–61.
11. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Зубкова. 4-е изд., перераб. М. : Норма, 2008. 495 с.
12. Минстер М. В. Правовое регулирование и практика реализации права на свидания женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2016. № 3-4(18). С. 98–102.
13. Ибрагимова Н. М. Особенности предоставления краткосрочных и длительных свиданий осужденным к лишению свободы // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тольятти : Волжский университет имени В. Н. Татищева, 2018. С. 216–221.

УДК 343.97

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.56-70

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ИГНАТЕНКО,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kioppapu@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «АНТИОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В СВЕТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Для цитирования

Игнатенко, В. И. Категория «антиобщественный образ жизни» в свете зарубежных концепций борьбы с преступностью / В. И. Игнатенко // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 56–70. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.56-70.

Аннотация. Каждой социально-экономической формации присущи не только свои закономерности, но и особенности, специфические формы управления общественными процессами, формами и методами воздействия на поведение и образ жизни людей. Соответственно преступность в этих социально-экономических системах имеет различный характер и направленность. Многое зависит от сил и средств, используемых для борьбы с преступностью. В реальной жизни основной упор в борьбе с преступностью в любых социальных системах делается на совершенствование общественных отношений, повышение благосостояния, изменение ценностных ориентаций лиц, совершивших преступление. Большинство систем социального контроля и органов правопорядка всех стран направлено на борьбу с преступностью, но с использованием разных социальных и правовых средств, форм и методов воздействия. Насколько они успешны в борьбе с преступностью, нашло отражение в данной статье.

Ключевые слова: концепция, образ жизни, антиобщественный образ жизни, преступность, поведение, общение, содержание.

Категория «антиобщественный образ жизни» до сих пор не нашла себе места в криминологии. Криминология – наука поведенческого направления, а антиобщественный образ жизни имеет социологическую направленность и включает в себя различные формы его деформации, в том числе преступный образ жизни. Антиобщественный образ жизни является значительной частью общепринятого образа жизни, а преступный – хотя и составляет небольшую долю, однако играет общественно опасную роль.

© Игнатенко В. И., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Образ жизни – это формы человеческой жизнедеятельности, фиксирующие особенности общения, поведения и склада мышления людей в трудовой, общественно-политической, бытовой и других сферах жизни [1, с. 193]. Из этого следует, что поведение, в том числе и антиобщественное, является элементом образа жизни. В содержание антиобщественного образа жизни включается и причина (антиобщественный образ жизни), и следствие (антиобщественное поведение). Антиобщественный образ жизни – это внутреннее выражение негативного явления, а антиобщественное поведение, в том числе преступность, его внешнее выражение. Если взять философские понятия «форма» и «содержание», то их можно рассматривать таким образом: форма – это антиобщественное поведение, а содержание – антиобщественный образ жизни. Естественно, для того чтобы снизить уровень преступности, нужно в основном вести борьбу с антиобщественным образом жизни (причинами), а затем – с антиобщественным поведением, в том числе с преступностью. Однако чтобы одолеть гидру (преступность), надо рубить голову (причину), а не хвост (следствие). С антиобщественным образом жизни дело обстоит сложнее: чем раньше начать противодействовать антиобщественному образу жизни, тем меньше вероятность того, что он превратится в преступный образ жизни. В этом заключается суть теории антиобщественного образа жизни.

Криминология как наука сформировалась в XVIII в., однако возникла она не на пустом месте, ей предшествовали различные течения, направления и даже школы уголовного права, которые способствовали возникновению и становлению криминологии.

Криминология вышла из недр уголовного права, поэтому многие проблемы, касающиеся исполнения наказаний, нашли отражение в зарубежных концепциях предупреждения пенитенциарной преступности. Касаясь проблем исполнения наказаний, известный венгерский профессор М. Вермеш подчеркивал, что «та часть пенологии, которая имеет своим предметом уголовно-правовое регулирование, относится к сфере уголовного права, а явления, связанные с исполнением наказания, например, анализ, испытание и выработка соответствующих заключений об эффективности методов и средств, применяемых в процессе обращения наказаний к исполнению, относятся к сфере криминологии» [2, с. 193].

Польский профессор Е. Бафия справедливо отмечал: «Практическая криминология может отнести к сфере своих интересов изучение тех негативных социальных явлений, которые составляют почву для преступности или, как иногда говорят, являются фоновыми по отношению к преступным проявлениям» [3]. Фоновые явления – это, по существу, антиобщественный образ жизни, который всегда сопровождает преступность.

В развитии криминологии можно выделить три периода: первый (классический) – со второй половины XVIII в. до последней трети XIX в.; второй (позитивистский) – с последней трети XIX в. по 20-е годы XX в.; третий (современный, или плюралистический) – с 30-х годов XX в. по настоящее время.

История свидетельствует о том, что истоки зарождения различных концепций появления и фаз развития криминологии следует связывать с творчеством философа Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Одно из его принципиальных положений: «Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда» [4, с. 389]. Это весьма важное утверждение ученого для криминологии. Одну из причин преступлений Аристотель видел в испорченных привычках и вкусах людей, а также в их страстях, затмевающих разум. По существу, великий мыслитель ведет речь об антиобщественном образе жизни. Он указывал, что «величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости» [4, с. 421].

Большинство криминологов считают, что в области криминологии существуют две крупные школы: классическая, возникшая после появления известной работы Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), и позитивистская, начало которой было положено работой Ч. Ломброзо «Преступный человек», вышедшей в свет в 1896–1897 гг. Классическая школа в центр своего внимания ставила само преступление и настаивала на равных наказаниях за равные проступки. Ею был выдвинут лозунг: «Пусть наказание соответствует преступлению». На наш взгляд, криминология – это наука по управлению преступностью. Управление может осуществляться разными путями и подходами. Так, китайский реформатор Гунсуньян (390–338 гг. до н. э.) считал, что нельзя управлять людьми как добродетельными – при таком подходе общество развалится. А если управлять ими, заранее считая их пораженными всеми пороками, тогда в государстве будет порядок. Если наказания будут применяться уже после совершения преступления, искоренить злодеяния не удастся. Наводить порядок в стране следует до того, как вспыхнут беспорядки [5, с. 162–166].

Возвращаясь к анализу зарубежных криминологических теорий, следует обратить внимание на их расхождение. Так, согласно классическим теориям человек – гедонист, он стремится получать удовольствие и избегать неприятных ощущений, он наделен свободой воли в такой мере, что может выбирать между добром и злом, когда знает, какие последствия влечет за собой этот выбор. Позитивистская, или итальянская, школа криминологии придерживалась детерминистской теории, в соответствии с которой преступное поведение не избирается правонарушителем свободно, а обуславливается биологической наследственностью и другими факторами. Представителями классической школы, наряду с Ч. Беккариа, являлись Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Вольтер и др. Сторонниками позитивистской школы, помимо Ч. Ломброзо, были Э. Ферри (1856–1928 гг.), Р. Гарофало (1852–1934 гг.) и др. Г. Тард (1843–1904 гг.) также придерживался детерминистских воззрений, но при этом отрицал биологический подход к объяснению причин негативного поведения. Он разработал собственный «закон имитации», предвосхитивший теорию дифференцированной связи Э. Сатерленда. Что касается термина «криминология», то следует отметить, что его ввел в научный оборот антрополог Топинард в 1879 г., а уже в 1885 г. вышла книга Р. Гарофало «Криминология».

В истории криминологии существовало много школ, создававшихся отдельными авторами, и вряд ли есть смысл перечислять их все. Целесообразно, видимо, упомянуть те из них, которые получили признание, и более подробно остановиться на направлениях, поддержанных большинством криминологов. По мнению Сатерленда и Кресси, в криминологии можно выделить следующие школы: классическую, картографическую, экономическую, типологическую, социологическую, школу индивидуального поведения и школу множественности факторов,

Американский криминолог В. Фокс отмечает, что в криминологии произошел сдвиг от первоначальной идеи защиты общества или благосостояния группы в сторону изучения правонарушения (классическая школа) и личности правонарушителя (позитивистская школа) [6, с. 48].

Для классической школы весьма важными представлялись правовые вопросы, тогда как позитивисты не придавали им значения и основное внимание уделяли проблемам перевоспитания отдельного правонарушителя. В числе других крупных школ, часто упоминаемых криминологами, можно назвать американскую социологическую школу и школу социальной защиты. Хотя одни криминологи считают их самостоятельными школами, по мнению других, они продолжают позитивистскую линию в криминологии.

Принимая во внимание, что вопрос о классификации криминологических школ продолжает оставаться спорным, можно предложить такой компромиссный вариант:

1) классическая школа: оценка степени опасности преступления с юридических позиций;

2) позитивистская школа: преступление обусловлено множеством факторов; юридический подход полностью отвергается;

3) американская школа: социологические теории причин преступности;

4) школа социальной защиты: преступление вызывается различными социальными факторами, и в рамках действующего законодательства их следует принимать во внимание; позитивистские воззрения эта школа дополняет юридическим подходом.

Известно, что рецидивная преступность по своему происхождению преимущественно пенитенциарная, то есть места лишения свободы продуцируют рецидивную преступность. Тюрма – «фабрика» преступности, считают криминологи. Именно поэтому с полным основанием можно выделить пенитенциарную криминологию. Под таким названием в 2009 г. в Академии ФСИН России был издан учебник «Пенитенциарная криминология». В книге отражена история возникновения и развития пенитенциарной криминологии в России и за рубежом. Раздел XIV «Преступность несовершеннолетних в местах лишения свободы и ее профилактика» учебника освещен с позиций концепции антиобщественного образа жизни осужденных несовершеннолетнего возраста, отбывающих наказания в воспитательных колониях. Кратко рассмотрим все пять существующих криминологических школ.

Концепции классической школы в криминологии

Классической школы называется потому, что в ее рамках впервые сложилась относительно полная система воззрений в области криминологии, направленных против несправедливости и непоследовательности существовавшей тогда практики уголовного правосудия, в отправлении которого судьи вносили свои собственные предубеждения. Результатом были жестокие наказания, свидетельствовавшие не о справедливом правосудии, а о мести.

Работа Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» положила начало серьезным изменениям в сложившейся к тому времени правовой системе. Вольтер написал предисловие к французскому изданию этой книги. Из нее были почерпнуты многие идеи знаменитого французского Уголовного кодекса 1791 г.

Ч. Беккариа (1738–1794 гг.), итальянский юрист, был принципиальным противником жестокости наказания, считая ее далекой от «природы общественного договора», несправедливой. Он высказал сомнения в какой бы то ни было пользе жестоких наказаний. «В те времена и в тех странах, где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные действия, ибо тот же самый дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой и отцеубийцы, разбойника». В условиях своего немилосердного времени, отмечает Г. Шнайдер, Ч. Беккариа выступил против смертной казни [7, с. 68]. Это требовало гражданской смелости.

Ч. Беккариа полагал, что совершение преступления – это вопрос свободной воли, что люди ищут приятных ощущений и стремятся избегать неприятных, что наказание устрашает, что уголовные законы должны широко обнародоваться в интересах единообразия и устрашения и что с детьми и душевнобольными нельзя обращаться как с преступниками. Принципы, рекомендованные им, сводились к следующему: основой социальной деятельности должна быть утилитарная концепция наибольшего благополучия для наибольшего числа людей; преступление должно рассматриваться как ущерб

для общества; предупреждение преступности значительно важнее наказания, а это означает, что закон должен доводиться до сведения каждого, чтобы каждый знал, что соблюдение закона вознаграждается, а нарушение влечет за собой ответственность; тайные обвинения и пытки должны быть заменены гуманными и быстрыми судебными процедурами, и дача показаний против соучастников в расчете на снисхождение есть «публичное удостоверение предательства», а потому должна быть упразднена; цель наказания – удержание людей от совершения преступлений, а не социальная месть; тюремное заключение следует применять значительно шире, но содержание в тюрьме нужно улучшить [8].

Воплощение идей классической школы во французском Уголовном кодексе 1791 г. породило свои проблемы. Игнорирование индивидуальных различий и значения конкретных ситуаций требовали такой степени гибкости, которой трудно было достичь. В кодексе не было, например, отдельной оценки преступлений, совершенных впервые и повторно. Нереалистичен был и принцип назначения наказания исключительно на основе характеристики деяния, также не учитывалось, совершено оно несовершеннолетним, умственно неполноценным или иным недееспособным лицом. Для неоклассической школы характерно было следующее: 1) модификация доктрины свободной воли, на которую, согласно положениям этой школы, могли влиять как патология, недееспособность, умственная неполноценность и другие обстоятельства, так и преднамеренность; 2) признание значения смягчающих вину обстоятельств; 3) модификация доктрины ответственности с целью смягчения наказания в случаях душевных заболеваний, возрастных и других особенностей, «влияющих на знания и намерения человека в момент совершения преступления»; 4) использование в судопроизводстве заключений экспертов о степени ответственности. Эти положения нашли свое отражение во французском Уголовном кодексе 1810 г. и его пересмотренном варианте 1819 г.

В Англии наиболее значительной фигурой, оказавшей влияние на реформу уголовного права в направлении восприятия концепций классической школы, был И. Бентам (1748–1832 гг.). Его идея о том, что человек стремится получить максимальное удовольствие и испытать минимальные страдания, стала центральной для уголовного права того времени. И. Бентам писал: «Одинаковые наказания за одинаковые преступления не должны назначаться на всех преступников без изъятия. Надлежит принимать в уважение обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность» [9, с. 677].

В. Блэкстоун (1723–1780 гг.) хотя и был консерватором, осуждал несуразности английского уголовного права своего времени и поддерживал деятельность И. Бентама. В 1778 г. Дж. Говард при содействии В. Блэкстоуна и В. Идена составил проект акта о пенитенциарных учреждениях, который был принят в 1779 г. Данный документ устанавливал ряд правил в отношении охраны и санитарных условий, которым должны отвечать пенитенциарные учреждения, а также предусматривал систематическое проведение инспекций, отказ от взимания платы, введение режима, направленного на перевоспитание заключенных. Акт явился первой в истории формализацией деятельности пенитенциарных учреждений.

П. А. Фейербах (1775–1833 гг.), немецкий юрист, заложил основу уголовно-правовой теории психического принуждения или психического устрашения как цели наказания, придав мирской характер строгому учению Канта о наказании ради наказания. Вместе с тем он возражал против карающего наказания. П. А. Фейербах значительно содействовал реформе германского уголовного права. Он выступал за публичность всех правовых процедур, видя в этом способ предупреждения преступности. Суммируя изложенное,

можно сказать, что классическая школа криминологии отказалась от господствовавших ранее представлений о сверхъестественных силах и «воле господней» как о началах, определяющих поведение человека, включая преступное поведение, и заменила все это концепцией свободной воли человека и его умысла. Последующее развитие криминологии было основано на идее свободной воли; произошла замена принципов наказания, в основе которых лежали мотивы мести, закрепленными в праве принципами рационального наказания, соответствующего серьезности содеянного.

Концепции позитивистской школы в криминологии

От концепции свободной воли классического направления позитивистская школа переходит к «причинности» преступления. Позитивисты не разделяют идей об индивидуализации ответственности,мысле, свободной воле и развивают мысль о некарательной социальной реакции на преступление. Родоначальник позитивистской школы Ч. Ломброзо опубликовал в 1876 г. работу «Преступный человек». На основании своих наблюдений Ч. Ломброзо (по профессии тюремный врач) пришел к выводу о том, что поведение причинно обусловлено и что типичного преступника можно идентифицировать по конкретным физическим характеристикам, таким, например, как скошенный небольшой лоб или, наоборот, крупный подбородок, чрезмерная волосатость или облысение, притупленная чувствительность к боли. Более тщательное изучение физических характеристик заключенных в итальянских тюрьмах укрепило Ч. Ломброзо в его позиции. Он разработал классификацию преступников, ставшую весьма популярной. Она включала в себя следующие типы: прирожденные преступники; душевнобольные преступники; преступники по страсти, к которым относятся также политические маньяки; случайные преступники. К последнему типу Ч. Ломброзо относил и псевдопреступников, которые не представляют опасности и действия которых направлены на защиту своей чести или своего существования, равно как и привычных преступников, совершающих преступления ввиду неблагоприятных факторов окружения. В дальнейшем Ч. Ломброзо неоднократно менял свои взгляды.

Хотя классификация Ч. Ломброзо не выдержала проверки временем, его объективный подход и научные приемы положили начало применению более строгих методов в криминологии. Ч. Ломброзо постоянно подчеркивал необходимость непосредственного изучения индивида и в качестве основного выдвигал предположение о биологической природе характера и поведения человека. В более поздний период он модифицировал свою теорию и развил свои методы исследования, включив в них изучение социальных, экономических факторов и данных об окружении индивида. Основная мысль Ч. Ломброзо заключается в том, что причина – это «цепь взаимосвязанных причин».

Э. Ферри был одним из учеников Ч. Ломброзо. В 1878 г. он опубликовал свою работу «Теория невменяемости и отрицание свободной воли», в которой критиковал идею свободного выбора поведения и поддерживал точку зрения о его причинной обусловленности. С позиций детерминизма Э. Ферри заинтересовался идеями Ч. Ломброзо о биологических основах причинности, вместе тем он придавал большее значение взаимодействию социальных, экономических и политических факторов. Классифицируя преступников на душевнобольных, прирожденных, случайных и преступников по страсти, он уделял серьезное внимание превентивным мерам, таким как свободный труд, упразднение монополий, строительство жилищ, доступных для рабочих, создание общественных сберегательных касс, лучшее освещение улиц, контроль над рождаемостью, свобода браков и разводов и ряд других мер, направленных на улучшение социальных условий. Э. Ферри полагал, что государство должно стать тем основным инструментом,

при помощи которого можно добиться улучшения условий жизни людей. «Воспитание оказывает на человека длительное влияние еще с первых лет его жизни и уже по одной этой причине способное сильнее действовать на него, чем уголовная репрессия, влияет скорее тем, что препятствует развитию тех антисоциальных наклонностей, которые в зародыше имеются у каждого человека» [10, с. 139].

Р. Гарофало (1852–1934 гг.) также был учеником Ч. Ломброзо. Он отрицал учение о свободной воле и придерживался мнения о том, что преступление может быть объяснено при условии, если оно изучается научными методами. Он попытался сформулировать социологическое понятие преступности. Его смысл заключается в том, что преступными признавались те деяния, которые ни одно цивилизованное общество не может расценить иначе и которые караются уголовным наказанием. Эти деяния Р. Гарофало рассматривал как «естественные преступления» и относил к ним правонарушения, противоречащие двум главным альтруистическим чувствам людей – честности и состраданию. Преступление, считал Р. Гарофало, это аморальный поступок, наносящий ущерб обществу. По сравнению с антропологическим подходом Ч. Ломброзо позиция Р. Гарофало отличается более сильным психологизмом. Следуя биологическим принципам учения Дарвина о естественном отборе, Р. Гарофало сформулировал правила адаптации и устранения тех, кто не может приспособиться к условиям социально-естественной селекции. Он предлагал лишать жизни тех, чьи преступные деяния проистекают из неустранимых психических аномалий, делающих их неспособными к жизни в обществе; частично устранять или подвергать длительному заключению тех, кто способен только к образу жизни кочевников и примитивных племен; принудительно исправлять тех, у кого недостаточно развиты альтруистические чувства, но кто совершил преступления при чрезвычайном стечении обстоятельств и вряд ли когда-либо повторит их снова.

Р. Гарофало в 1913 г. опубликовал работу «Заключенный в Англии», выводы которой были диаметрально противоположны утверждениям Ч. Ломброзо. В результате ломброзианское учение о физических типах преступников было почти забыто. Однако вклад Ч. Ломброзо в развитие криминологии, а именно привнесение в нее объективного научного метода исследования, остается весьма важным. Профессор Ю. М. Антонян справедливо отмечает: «Кто бы ни критиковал Ч. Ломброзо, он должен помнить, что именно Ч. Ломброзо практически первым поставил в центр исследований саму фигуру преступника... Вот почему этому итальянскому врачу, несколько наивному и увлекающемуся, криминология обязана многим» [11, с. 8].

Новые концепции получили распространение с начала XX столетия под влиянием учения австрийского врача-психиатра З. Фрейда (1856–1939 гг.), основателя концепции психоанализа [12, с. 176]. Суть его теории состоит в том, что человек с рождения биологически обречен на постоянную жестокую борьбу антисоциальных глубинных инстинктов – агрессивных, половых, страха – с моральными установками личности. Эта борьба получила у З. Фрейда мифологические наименования «комплекс Эдипа», «комплекс Герострата» и «комплекс Электры». Современные психоаналитики называют их комплексами неполноценности (лица, не сумевшие удержать свои подсознательные антисоциальные влечения, совершают преступления).

Активными сторонниками фрейдизма в США в 1940–1950-х годах были Абрахамсен, Карпмен, Зильбург. Комплексом неполноценности особенно часто объясняется преступность несовершеннолетних и насильственные преступления. Как отмечает профессор Н. Ф. Кузнецова, конфликтная обстановка в семье в отношениях между родителями и их отношения к ребенку оказываются, по мнению фрейдистов, решающими

для прочного, позже уже неустранимого чувства агрессии и заброшенности, порождающих преступность [13, с. 64]. Поскольку, по учению З. Фрейда и его последователей, личность человека формируется в младенческом возрасте, то отношение матери к сыну и сына к матери (комплекс Эдипа), а также к дочери и наоборот (комплекс Электры) рассматривается тем роковым формирующим фактором, от которого человек не может избавиться всю свою жизнь. Комплексы неполноценности в виде агрессивности (комплекс Герострата) и либидиозности (от лат. *либидо* – половое влечение) [14, с. 367] (половой инстинкт) выступают, по мнению криминологов-фрейдистов, причинами совершения насильственных и половых преступлений.

Определенный интерес представляет неофрейдистская теория Э. Фромма (1900–1980 гг.). В своей книге «Анатомия человеческой деструктивности» он утверждает, что человек неподвластен ни природе, ни обществу; человеком владеют страсти, укорененные в его характере. Одну группу страстей он называет синдромом поддержания жизни – это любовь, солидарность, справедливость, разум, другую – синдромом разрушения жизни – это алчность, жестокость, садизм, эгоизм и т. д. Поведение каждого человека определяется, по мнению Э. Фромма, различным сочетанием в человеке этих синдромов. Э. Фромм пишет: «Человек нуждается в такой социальной системе, в которой он имеет свое место, сравнительно стабильные связи, идеи и ценности, разделяемые другими членами группы. Достижение современного индустриального общества состоит в том, что оно пришло к существенной утрате традиционных связей, общих ценностей и целей» [15, с. 101–103].

Э. Фромм, автор концепции гуманистического психоанализа, отмечает, что злокачественные страсти поощряются неустроенностью социокультурного пространства, которое окружает человека и входит в его внутренний мир. Однако создание человеку сносных материальных и жилищных условий не спасает от возможных вспышек его же агрессивности. Выход ученый видит в самосовершенствовании человека, во внутреннем изменении образа жизни, в насыщении человеческой души любовью к жизни, окружающей среде.

Концепции американской школы в криминологии

На американскую криминологическую школу, придерживающуюся социологических теорий причин преступности и тесно связанную с позитивистской школой, сильное влияние оказал мыслитель XIX в. бельгийский математик А. Ж. Кетле (1796–1874 гг.), который считается основоположником социальной статистики и первым криминологом социологического направления. По его мнению, общество само готовит преступление, а человек, виновный в его совершении, – это лишь инструмент, при помощи которого оно совершается. На основании анализа социальных причин преступности А. Ж. Кетле сделал выводы, имевшие большое значение для криминологии. «Нет сомнения, что достаточно было бы изменить причины, управляющие нашей социальной системой, чтобы изменить и печальные результаты, встречаемые ежегодно в летописи убийств и самоубийств», – отмечал он [16, с. 91]. В дальнейшем социологические концепции американской школы в основном воплотились в теориях социальной дезорганизации и дифференциальной связи.

Теория социальной дезорганизации дает объяснение преступности на социальном уровне, ставит в зависимость психологию преступника от процессов функционирования общества в целом. Пожалуй, эта теория до настоящего времени является наиболее значительным теоретическим достижением мировой криминологии. В ней, в частности, удачно сочетается абстрактная концепция с исследованием конкретного материала. Ее

основоположником является французский социолог Э. Дюркгейм (1858–1917 гг.), идеи которого были успешно развиты и дополнены американцем Р. Мертоном. Э. Дюркгейм утверждал, что индивид испытывает влияние социальных факторов, к которым относятся внешние по отношению к нему образы мыслей, действий и чувствований. При этом он исходил из того, что общепринятые наклонности не сводятся к наклонностям индивидов, представляют собой нечто иное, чем сумма взглядов отдельных людей. Так, по его мнению, общественная мораль всегда строже и бескомпромисснее, чем индивидуальная мораль. Мораль общества диктует конкретным людям правила поведения, нормы общепринятого образа жизни.

«Наш идеал, – писал Э. Дюркгейм, – ввести как можно более справедливости в наши общественные отношения, чтобы обеспечить свободное развитие всех социальных полезных сил» [17, с. 310]. Главным элементом такой справедливости он считал равенство стартовых условий: когда все равны на старте, то результат зависит от индивидуальных способностей и усилий каждого [17, с. 302].

Давая объяснение отклоняющемуся от социальных норм поведению, Э. Дюркгейм уделил наибольшее внимание самоубийствам и убийствам. При этом он использовал две научные категории: социальную сплоченность и аномию.

В успешно функционирующем обществе, по Э. Дюркгейму, всегда велика сплоченность, выраженная в том, что большинство солидарно в идеалах, представлениях о должном и порицаемом. Периодически при нарушении общественного равновесия, которое может происходить как вследствие экономического бедствия, так и вследствие резкого возрастания благосостояния страны, сплоченность между людьми ослабевает, общество дезорганизуется.

Социальная дезорганизация, в частности, выражается в явлении аномии. Этот термин, заимствованный из теологического лексикона, буквально переводится как «безнормативность». Аномия понимается Э. Дюркгеймом как социальный факт, как такое состояние общества, при котором существенно ослабевает сдерживающее действие морали и общество в течение какого-то времени не способно оказывать ограничивающее воздействие на образ жизни человека. Общее состояние дезорганизации, или аномии, усугубляется тем, что страсти менее всего согласны подчиняться дисциплине именно в тот момент, когда это нужнее всего. Таким образом, Э. Дюркгейм обнаруживает нормативный по своему характеру феномен – аномию, являющуюся, по его мнению, основной причиной преступности. По его мнению, само существование преступности является нормальным при условии, что она достигает, но не превышает уровня, характерного для общества определенного типа.

Явление аномии рассматривается последователями Э. Дюркгейма в двух аспектах: как характеристика образа жизни общества и как характеристика образа жизни отдельного человека. В 1938 г. в «Американском социологическом обозрении» была опубликована статья Р. Мертона «Социальная структура и аномалия», в которой он использовал дюркгеймовскую концепцию аномалии применительно к проблемам криминологии. Р. Мертон считает, что основной причиной преступности является то, что человек, не сумевший получить ценности по всем правилам, начинает отрицать правила и пытается получить их любой ценой [18].

Р. Мертон дополняет учение Э. Дюркгейма тезисом о том, что причиной аномии может быть противоречие между целями, которые пропагандирует общество, и одобряемыми средствами, которые в нем считаются приемлемыми. Пропаганде общепринятых в американском обществе целей личного успеха и благосостояния противостоит ограни-

ченность доступа к социально одобренным каналам обретения этого успеха, а именно к образованию, профессии, богатству и статусу, тем самым для низших слоев общества остается практически только один выход – нарушение правовых норм и ведение антиобщественного образа жизни. Положение о целях и средствах считается центральным тезисом Р. Мертон, которым он обогатил теорию социальной дезорганизации.

Теория Э. Дюркгейма остается одной из наиболее продуктивных в зарубежной криминологии. Она не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, но и в некоторых случаях прямо подготавливает эти изменения. С помощью этой теории была развеяна иллюзия возможности ликвидировать преступность, устранить все причины, ее порождающие.

Теория дифференцированной связи, по-видимому, связана с концепцией подражания, созданной французским ученым Г. Тардом (1843–1904 гг.). В книге «Законы подражания», в отличие от биологического подхода раннего Ломброзо, Тард объяснял призывание к преступному поведению действием психологических механизмов обучения и подражания.

Собственно основы теории дифференцированной связи сформулированы американцем Э. Сатерлендом в книге «Принципы криминологии». Ее методологическую базу составляет социальная психология как наука о малых социальных группах. В ней сделана попытка объяснить механизм усвоения моделей негативного поведения. Именно поэтому было бы упрощением трактовать ее просто как теорию «плохой компании», правильнее называть ее теорией культурной трансмиссии, а с современных позиций – теорией субкультур.

Теория Э. Сатерленда направлена на объяснение индивидуального преступного поведения. Касаясь преступности в целом, он опирается на теорию социальной дезорганизации. Именно эта теория, возникающая в результате социальных процессов мобильности, конкуренции и конфликта, по его мнению, является главной причиной преступности. Она порождает конфликт культур, который ведет к «дифференцированной связи». Согласно этой теории преступное поведение возникает в результате связи отдельных людей или групп с моделями преступного поведения. Чем более часты и устойчивы эти связи, тем больше вероятность того, что индивид станет преступником. Э. Сатерленд и его последователи отрицают биологическое наследование преступных наклонностей. Они полагают, что преступному поведению учатся в процессе общения, главным образом в группах. Многое зависит от частоты, продолжительности, очередности и интенсивности контактов. Обучение преступному поведению ничем не отличается от любого иного обучения. Теория дифференцированной связи высоко оценивается в мировой и особенно американской криминологии. Вместе с тем эта теория не лишена недостатков.

Нельзя, конечно, признать, что все механизмы приобщения человека к совершению преступлений исчерпываются указанным в книге «Принципы криминологии». Не всегда преступление совершается под влиянием общения в группе. Иногда это результат идей, почерпнутых из книг, средств массовой информации и др. Порой преступление представляет собой реакцию протеста против того, что стало нормой в непосредственном окружении индивида, в его антиобщественном образе жизни.

Основываясь на положениях о дифференцированной связи, никак не объяснить, почему, например, некоторые люди, выросшие среди преступников, никогда не совершают преступлений и, наоборот, отчего иногда преступник «выходит» из законопослушного образа жизни, благонравного окружения. Тезис об обучении преступному поведению

не подходит ситуативным преступникам, а также преступникам, выросшим на почве глубоко укоренившихся в их сознании негативных идей и антиобщественных ценностных ориентаций.

Концепции школы социальной защиты в криминологии

Некоторыми криминологами, например Г. Маннхеймом, школа социальной защиты рассматривается как третье после классической и позитивистской школ значительное направление в криминологии. Однако есть криминологи, считающие, что это направление является дальнейшим развитием позитивистских теорий. Джеффри, равно как и М. Ансель, полагает, что социальная защита как концепция выходит далеко за пределы и классической, и позитивистской школы. Теоретические основы этой доктрины развивались постепенно. М. Ансель проследил ее начало в средних веках. Э. Ферри, представитель позитивистской школы, впервые употребил этот термин. Первое серьезное признание доктрина социальной защиты получила в 1943 г., когда Ф. Граматика создал в Венеции Центр исследований социальной защиты. Первая международная конференция по вопросам социальной защиты была проведена в 1947 г. в Сан-Ремо. В 1948 г. была создана Комиссия социальной защиты при Организации Объединенных Наций. Значительный вклад в развитие теории социальной защиты внес Ф. Граматика. Заслуга М. Анселя состоит в большей степени в ее воплощении в жизнь.

Основное внимание эта теория уделяет личности правонарушителя, уголовному праву, изменению окружения в целях его совершенствования, а следовательно, и предупреждения преступности. М. Ансель считает теорию социальной защиты своего рода мятежом против позитивистского подхода в криминологии, как и позитивизм был мятежом против классической школы. Доктрина социальной защиты выступает против принципов мщения и воздаяния, утверждая, что преступление затрагивает и индивида, и общество, и поэтому проблемы, связанные с преступлением, не исчерпываются осуждением и наказанием правонарушителя. Основные позиции этой школы могут быть представлены следующим образом.

1. Доктрина социальной защиты исходит из положения, что средства борьбы с преступностью должны рассматриваться как средства защиты общества, а не наказания индивида.

2. Метод социальной защиты включает в себя нейтрализацию правонарушителя путем либо его удаления и изоляции от общества, либо применения к нему исправительных и воспитательных мер.

3. Уголовная политика на основе социальной защиты должна ориентироваться в большей степени на индивидуальное, чем на общее предупреждение преступности, то есть должна быть направлена на ресоциализацию правонарушителя.

4. Подобная направленность делает необходимой все большую гуманизацию нового уголовного закона, которая предполагает восстановление у правонарушителя чувства уверенности в себе и чувства ответственности наряду с развитием правильных ценностных ориентаций и законопослушного образа жизни.

Основой доктрины социальной защиты является исключение наказания. Делу защиты общества с большим успехом могут служить перевоспитание и социализация правонарушителя, чем кара и возмездие. Правонарушитель – биологическое и социальное существо, которое обучается поведению и в процессе социальной адаптации может сталкиваться с различными эмоциональными проблемами. Интересно отметить, что наибольший вклад в развитие теории социальной защиты внесен европейскими учены-

ми, тогда как многие из провозглашенных этой теорией принципов нашли практическое воплощение прежде всего в США.

Следует назвать главные теоретические достижения современной криминологии, которые, как нам представляется, сводятся к следующим концептуальным схемам, проливающим дополнительный свет на антиобщественный образ жизни, преступное поведение: стратификация и конфликт культур, интеракционизм, стигматизация.

Концепция стратификации появилась под влиянием социологии, углубляющей представления о структуре современного общества. Общество складывается не только из классов, но и из многих других социальных групп, образующихся на различной основе (профессиональной, национальной, возрастной, идейной, половой и т. д.). Между этими группами (стратами) существуют противоречия, возникают конфликты, которые становятся источником недовольства, а в ряде случаев и поводом к нарушению закона. Частным случаем является конфликт культур, особенно заметный на примере мигрантов, испытывающих трудности адаптации к условиям образа жизни, сложившимся у коренного населения. Как известно, в США, например, доля недавних мигрантов среди преступников значительно превышает их долю среди населения в целом, однако это можно объяснить слабым умением приспособления к новым условиям социальной среды.

Рациональные методы концепции стратификации и конфликт культур оценены отечественной криминологией еще не в полной мере. Они были бы полезны для познания природы участвовавших в последнее время преступлений на межнациональной почве, а также преступлений, возникающих из-за противоречий между различными группами предпринимателей. Видным представителем теории конфликта культур является американец Т. Селлин, выдвинувший идею, а затем теорию интеракционизма. В 1938 г. появилась работа Т. Селлина «Конфликт культур и преступность».

Интеракционизм (учение о взаимодействии) позволяет сделать шаг вперед после простого перечисления причин преступности. Эта концепция выстраивает причины преступности в определенную схему. Основой концепции является постулат о том, что преступное поведение – результат взаимодействия личности и среды. Следует отметить, что криминология в известной мере обогатилась интеракционистскими суждениями прежде всего в части объяснения механизма совершения конкретного преступления, которое оно выводит из столкновения образа жизни человека, обладающего негативными наклонностями, с неблагоприятной жизненной ситуацией.

«Стигматизация» (клеймение) – термин, обозначающий психологические и социальные последствия объявления человека преступником. В результате осуждения человека, особенно в тех случаях, когда ему назначено наказание в виде лишения свободы, ему как бы присваивается позорящее его клеймо лица второго сорта, к тому же опасного для общества. Клеймение выражается в отрицательном, недоверчивом отношении окружающих к ранее судимому и внутреннем усвоении человеком роли преступника. При этом особое значение придается психологической переориентации личности, ощутившей отчуждение от массы законопослушных граждан и сближение с антиобщественным образом жизни других преступников. На развитие теории «стигмы» большое влияние оказала гипотеза Т. Селлина о том, что в поисках отличий преступников от неправоверных криминологи исследуют различия между осужденными и неосужденными. В действительности же среди «несудимой» части общества преступников также немало и среди неосужденных различия между преступниками и неправоверными несутворственны» [19].

Значительный вклад в развитие теории стигматизации внесли американские криминологи Э. Лемерт и Г. Беккер. Э. Лемерт в 1951 г. опубликовал книгу «Социальная патология», в которой указал следующие этапы криминализации личности:

- нарушение человеком правил поведения;
- интеракция окружающих людей в форме отрицательной оценки;
- вторичное правонарушение, вызванное чувством обиды и враждебным отношением к окружению;
- осуждение, влекущее за собой стигматизацию;
- укрепление лица на преступном пути, восприятие роли преступника.

В воздействии на преступность представители этого направления предлагают опираться не на систему подавления личности, а на системную перестройку основных начал образа жизни: справедливости, честности, доброты, человеколюбия. На начальном этапе значительную роль будет играть система пресечения преступлений (без карательных мер и связанной с ними стигматизации). В последующем предполагается возможность эффективного воздействия на преступность без жестких мер с помощью улучшения условий жизнедеятельности человека и общества. Эту устремленность, по мнению профессора С. М. Иншакова, можно считать выражением идеала гуманизма в криминологии [20, с. 202]. К сожалению, в реальной практике полностью воплотить этот идеал пока никому не удалось. Однако многие рекомендации теоретиков криминологического интеракционизма реализованы на практике и дали положительные результаты: в большинстве государств отказались от краткосрочного тюремного заключения. Само тюремное заключение в ряде стран модифицировали таким образом, что полного отчуждения преступника от общества не наступает (его отпускают домой на выходные, а иногда и после рабочего дня, заключенные участвуют в общественной жизни, встречаются с политическими деятелями, получают образование, развивают творческие способности, для широкой публики организуют выставки работ заключенных и т. п.). Во многих странах возникли общественные движения связи с заключенными и оказания им помощи в период после освобождения из мест изоляции, исправительных учреждений. Процент судебных приговоров, связанных с лишением свободы, в большинстве стран мира неуклонно снижается, соответственно в обществе уменьшается доля лиц, пораженных стигмой тюрьмы. В ряде государств стала практиковаться неполная изоляция, позволяющая осужденному продолжать заниматься своей обычной работой или учебой (в места заключения он обязан являться вечером и в выходные дни).

В конце 1960-х – начале 1970-х годов в США и Англии возникло направление, называемое новой критической либо радикальной криминологией.

Радикальная криминология

Ученые, занимающиеся исследованиями в области радикальной криминологии, исходят из фундаментального теоретического положения: социальная дезорганизация – неотъемлемое свойство социальной системы, без радикального изменения последней не избавиться от преступности, даже уменьшить ее уровень не удастся.

Радикальное направление в криминологии развивается тем интенсивнее, чем меньше представители государственных структур прислушиваются к рекомендациям криминологов, чем чаще они на деле отказываются внедрять их предложения в социальную практику. В этих условиях у ученых не остается выбора. Им приходится самим становиться организаторами эффективного воздействия на преступность – организаторами и исполнителями при реализации собственных криминологических концепций.

Радикализм криминологов проявляется в следующем:

- по их мнению, необходимо коренное переустройство образа жизни, исключение из нее всего, что противоречит справедливости, что генерирует несправедливость;
- они отрицают способность государства и властных структур добиться существенных положительных результатов в воздействии на преступность, смело критикуют пороки государственного устройства и отдельных представителей власти;
- они полагают нецелесообразным разработку и принятие микромер воздействия на преступность, которые, по их мнению, являются бесполезной тратой общественных средств (только коренное переустройство мира сулит успех);
- в качестве основного субъекта реализации радикальных мер воздействия на преступность они рассматривают общественные организации, весь народ (общество отдельной страны) и все человечество.

Определенный радикализм наблюдается криминологами этого направления в пенитенциарной системе Германии, где в качестве эффективной профилактической меры применяется принцип терапии при исполнении наказания. Исследователи тюремного образа жизни В. Шарп (1975 г.), Г. Тохом (1980 г.), Ф. Редль (1980 г.) поддержали идею сохранения независимости и самоуважения заключенного. По их мнению, заключенный – это активный уважаемый сотрудник, ведущий общепринятый образ жизни. Самоуправление введено здесь не только для отработки демократических принципов во взаимоотношениях, но и для повышения самостоятельности, личной ответственности и самоуважения заключенных [21, с. 410].

Следует отметить, что во время посещения Финляндии делегацией Академии ФСИН России с целью обмена опытом пенитенциарной работы нам представилась возможность убедиться в доброжелательных взаимоотношениях между персоналом тюрем и заключенными. Они, например, вместе принимают пищу (шведский стол), в спортивных состязаниях участвуют не одна группа против другой, как у нас (персонал – одна команда, заключенные – другая), а команда имеет смешанный состав – все вместе – и персонал, и заключенные. В дискотеках участвуют все – администрация, обслуживающий персонал, приглашенные женщины и заключенные. И везде – уважение, равенство, деловое партнерство. За унижение заключенного – строгое наказание. На наш вопрос: «Были ли у вас побеги?» – начальник тюрьмы ответил: «Лет 20 назад один был, но он на другой день вернулся. А зачем убегать? Здесь все есть: работа (оплата в долларах), отдых, еда, досуг. Что еще надо?» Однако главное, на наш взгляд, это взаимопонимание, уважение, самоутверждение.

Подводя итоги рассмотрения различных криминологических теорий предупреждения антиобщественного образа жизни и пенитенциарной преступности, следует помнить слова известного отечественного пенитенциариста Н. А. Стручкова: «Криминология преследует ближайшую цель – выработка эффективных мер борьбы с преступностью, как лежащих за пределами уголовной ответственности, так и относящихся к ее сфере» [22]. Основным недостаток этих теорий, на наш взгляд, заключается в том, что они исследуют преступность и преступное поведение, а следовало бы делать упор на антиобщественном образе жизни, который порождает эти негативные явления, в том числе организованную и профессиональную преступность и иные ее виды. Следует отметить, что концепции зарубежных ученых мало освещены в отечественной криминологии, однако их необходимо знать и уметь применять при изучении вопросов борьбы с преступностью в нашей стране.

Стоит согласиться с мнением чешских ученых о том, что криминология не должна ограничивать сферу исследования только вопросами преступности в пределах норм уголовного права. Необходимость изучения явлений, сопровождающих преступность, в настоящее время общепризнана [23, с. 17]. Мы поддерживаем данную точку зрения и предлагаем категорию «антиобщественный образ жизни» включить в предмет криминологии, тем более что понятия «образ жизни», «преступный образ жизни» давно применяются в зарубежной криминологии.

Библиографический список

1. Краткий словарь по социологии. М. : Политиздат, 1988. 477 с.
2. Вермеш М. Основные проблемы криминологии / под ред. Н. А. Стручкова. М. : Прогресс, 1978. 272 с.
3. Бафия Е. Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации / под ред. Н. А. Стручкова. М. : Юрид. лит., 1983. 150 с.
4. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
5. Книга правителя области Шан. М. : Наука, 1968. 351 с.
6. Фокс В. Введение в криминологию : пер. с англ. М. : Прогресс, 1985. 312 с.
7. Шнайдер Г. Криминология / под ред. Л. О. Иванова. М. : Прогресс ; Универс, 1994. 501 с.
8. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Юриздат, 1939. 464 с.
9. Бентам И. Избранные сочинения. СПб. : Русская книжная торговля, 1867. Т. 1. 678 с.
10. Ферри Э. Уголовная социология. М. : В. М. Саблин, 1908. 624 с.
11. Антонян Ю. М. Проблема причин преступного насилия в период становления криминологии // Криминологический журнал. 2001. № 1.
12. Фрейд З. О психоанализе : пять лекций // Хрестоматия по истории психологии: период открытого кризиса: начало 1910 – середина 1930-годов XX века / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждана. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 364 с.
13. Кузнецова Н. Ф. Современная буржуазная криминология : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 95 с.
14. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1949. 805 с.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2016. 618 с.
16. Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб. : Н. Поляков и К°, 1866. 315 с.
17. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда (этюд об организации высших обществ). Одесса : Типография Г. М. Левинсона, 1900. 332 с.
18. Merton R. K. 1938, 'Social Structure and Anomie', *Amerikan Sociological Review*, vol 3, iss. 5, pp. 672–682.
19. Селлин Т. Социологический подход к изучению причин преступности // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сб. ст. М. : Прогресс, 1966. С. 27–38.
20. Иншаков С. М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 426 с.
21. Шнайдер Г. Криминология. М. : Прогресс, 1994. 520 с.
22. Стручков Н. А. О комплексной разработке проблем уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового права // Правоведение. 1965. № 1. С. 127–134.
23. Криминология : пер. с чеш. / под ред. А. Н. Стручкова. М. : Прогресс, 1982. 240 с.

УДК 343.812(47+57)Р

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71-82

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;
главный научный сотрудник НИЦ-3, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-1132-760X,
e-mail: matros49@mail.ru

ТЮРЬМЫ РОССИИ ПО СОБСТВЕННОРУЧНОМУ ПРОЕКТУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II 1787 ГОДА (КРАТКИЙ РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР)

Для цитирования

Шурухнов, Н. Г. Тюрмы России по собственноручному проекту императрицы Екатерины II 1787 года (краткий ретроспективный обзор) / Н. Г. Шурухнов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 71–82. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.71-82.

Аннотация. В статье раскрывается содержание проекта (Наказа) о строительстве, обустройстве, организации деятельности тюрем России, подготовленного собственноручно Екатериной II в 1787 году, более 233 лет назад. Доступ к архивным материалам, в частности к изданию, которое именовалось «Русская старина» (ежемесячный исторический журнал), позволил ознакомиться с уникальными проектами, которые должны стать достоянием специалистов пенитенциарного профиля, преподавателей образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний, обучающихся по обозначенному профилю, правозащитников и российской общественности. Оценивая проект, можно с уверенностью сказать, что в нем отсутствует желание по максимуму воздать за содеянное. Напротив, его отличают человеколюбие (свойственное Екатерине II), гуманизм, нацеленность на то, чтобы возвратить оступившегося в общество нормальным гражданином. Проект включал в себя 100 отделений, каждое из которых является логическим продолжением предыдущего, в нем предусмотрено все – от архитектуры самой тюрьмы до ее внутреннего содержания, размеров горниц, расположения столов, скамеек, дверей, печей, окон, больничных тюремных палат и их оснащения, от дежурства медицинского персонала до отчетности и контроля за деятельностью тюрем. Значительное внимание уделено учреждению различных видов тюрем, категориям содержащихся в них заключенных с «человколюбивым обхождением с ними, но при томъ имѣть за ними крѣпкое и неослабное во всякое время смотрѣніе, чтобъ сами себя и никому вреда ни учинили».

© Шурухнов Н. Г., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: императрица Екатерина II, проект, устав, наказ, тюрьма, подстражный, осужденный, горница.

Россия во все времена устремляла свой взор в Европу, старалась изучать лучшие европейские традиции, заимствовать опыт, все передовое внедрять у себя, походить на европейцев в манерах, поведении и даже языке. Возможно, такой подход вначале превратил все российское общество в «младшего брата», а со временем в «пасынка», которым можно понукать, которому в определенный момент можно сделать выволочку и даже вышвырнуть из «дома общего». Российские просторы, природные богатства всегда были привлекательны для ближних и дальних соседей. Россия натерпелась от Европы, но должных выводов для себя не сделала и после развала СССР сразу бросилась в европейские объятия в надежде на то, что многое в ней изменилось. Предметно это выразилось в том, что генеральному секретарю Совета Европы 6 мая 1992 г. было передано письмо, в котором излагалась просьба о присоединении Российской Федерации к Совету Европы (СЕ). При этом давалось заверение соблюдать принципы, составляющие содержание ст. 3 ее Устава (в письме было указано: «Каждый член Совета Европы должен признавать принцип верховенства права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами, и искренне и активно сотрудничать во имя достижений цели Совета, определенной в главе I»). Устав СЕ (ETS № 001) вступил в силу для Российской Федерации 28 февраля 1996 г. (Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы»). В это время Россия не могла выполнить комплекс требований, относящихся к обеспечению прав человека. Констатировалось, что «правопорядок в Российской Федерации в настоящий момент не соответствует стандартам Совета Европы, закрепленным в его Уставе и развитым учреждениями Европейской конвенции по правам человека» [1, с. 1].

Приведенный вывод не был неожиданностью: российские специалисты на этот счет были более конкретны. В пояснительной записке директора правового департамента МИД России А. Ходакова (от 30 января 1996 г.) указывалось, что «на настоящий момент российское законодательство, за исключением Конституции Российской Федерации, и правоприменительная практика не в полной мере соответствуют стандартам Совета Европы» [1, с. 338]. В качестве негатива называлось устаревшее уголовно-процессуальное законодательство, не обеспечивающее судебный порядок заключения под стражу; переполненность следственных изоляторов, что подпадало под понятие «бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение» с гражданами, содержащимися там.

Однако, несмотря на совпадающие двухсторонние негативные аргументы, 28 февраля 1996 г. Россия была принята в Совет Европы. Справедливости ради скажем, что, вопреки представлениям отдельных политиков, наше государство не стало влиятельным членом этой европейской организации. Заинтересованность в описанном акте была двухсторонней: высшие российские должностные лица полагали, что членство в Совете Европы даст доступ к политической трибуне, чтобы продвигать внешнюю политику России (национальные интересы) (отдельные высшие должностные лица России сравнивали это с присоединением СССР к Организации Объединенных Наций); европейцы видели в этом, прежде всего, экономическую составляющую деятельности СЕ – крупного донора для организации. В подтверждение укажем, что членство в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) в 2014 и 2015 гг. обошлось России в 32

млн 281 тыс. евро (в этот платеж входит не только оплата участия в ПАСЕ (российскую делегацию лишали в ней права голоса), но и затраты на Европейский суд по правам человека и другие структуры Совета Европы. Десятку крупнейших доноров составляли: Франция – 38; Германия – 35; Италия – 35; Россия – 32; Великобритания – 31,8; Испания – 21; Турция – 13; Нидерланды – 11; Польша – 8,2; Швейцария – 7,5 млн евро).

Как показало время, политические и экономические нападки на современную Россию не только не уменьшились, а наоборот – усилились. Если мы будем анализировать исторические факты (посмотрим, что было ранее, 253 года назад), то найдем в них подобное. С этой целью обратимся к организации тюремного дела – собственноручному проекту императрицы Екатерины II «Тюрьмы въ Россіи» [2] (Наказъ Екатерины II, прозкъть устава о тюрьмахъ¹) и увидим, что и здесь европейцы «преуспели», упрекая правителей России.

В 1775 г. императрица Екатерина II учредила Приказы общественного призрения и повелела создать смирительные (для лиц дурного поведения) и работные (для нищих) дома, а в 1783 г. – рабочие дома для воров и мошенников. Такой подход создавал часть пенитенциарной системы, включающей в себя: тюрьмы для содержания подсудимых, смирительные и рабочие дома для других определенных категорий правонарушителей (подсудимых, осужденных («решенных»), приговоренных). Однако идею, предложенную российской императрицей, пытались приписать основателю Гентской тюрьмы², виконту Вилену XIV и известному английскому гуманисту-тюрьмоведу Д. Говарду³ [3, с. 12–16]. Приписывалось влияние Д. Говарда на императрицу при учреждении ей работных, смирительных и рабочих домов, но этот навет опровергнут фактами: Д. Говард написал свое сочинение «О тюрьмах и госпиталях»⁴ в 1777 г. на французском языке, для ознакомления европейцев оно вышло в 1784 г. Наказ Екатерины II вышел в 1767 г., Положение о смирительных и работных домах получило силу закона в 1775 г., следовательно, подготовлено было значительно раньше.

Изучение проекта Екатерины II строительства и организации деятельности тюрем России 1767 г. позволило исследователям сделать вывод о том, что исходные положения, заложенные в нем, опередили европейское законодательство почти на целое столетие [1, с. 60]. Указывалось, что тюрьмы в европейских государствах (Товеръ, Бастилія, Консіержери, Тампль) находились в плачевном состоянии. Они наводили ужас и содрогание не только на пребывающих там, но и на созерцающих извне. «Это были или сырые, мрачныя башни, безъсвѣта и воздуха, или же смрадные погреба и подземелья, гдѣ господствовали холодъ, голодъ, бользни и смерть. Подсудимые, подслѣдственные, рѣшенные (решенные – имеются в виду лица, по которым суд принял решение: осужденные, приговоренные) всѣхъ возрастовъ безъ различія пола содержались по большой

¹ Структурно устав включал в себя отделения (с номерами) и пункты. Так это именовалось в самом тексте (п. 98 анализируемого документа).

² Гентская тюрьма (Бельгия) была построена в 1775 г. (по другим источникам – в 1773 г.). Содержащиеся в ней заключенные днем совместно работали, а на ночь (для охранения нравственности) водворялись в отдельные камеры. В ней было введено и распределение заключенных по их нравственным качествам на отдельные группы.

³ Джон Говард (1726–1790 гг.) во время Семилетней войны Англии и Франции (1756–1763 гг.) попал в плен и был заключен в тюрьму, где познал все ужасы тюремной жизни.

⁴ Другие источники называют его труд «О положении тюрем в Англии и Уэльсе», 1777 г. издания.

части въобщихъ камерахъ и здѣсь они предавались пьянству, разврату и оргіямъ. Содержаніе арестантовъ было на ихъ собственный счетъ, а потому несостоятельные къ возмещенію этихъ издержекъ содержались і въ темницахъ до самой смерти, хотя бы они были оправданы судомъ или выдержали сроки заключенія» [1, с. 61].

Указывается, что юстиция на такое положение сограждан не реагировала, так как, по устоявшемуся подходу, считалось, что заключение в тюрьму приравнивается к смертному приговору. Уголовное правосудие аналогичным образом глядело на заключенных, по-другому оно смотреть и не могло, так как иного не существовало, других возможностей не было. В это же время уголовные уложения изощрялись в изобретении разнообразных физических истязаний, причинений болей и не только за преступления, но и за проступки, а поиск истины в уголовном процессе строился на пытках. Как свидетельствуют современники того периода, даже императрица отмечала, что при существовании пытки¹ не было возможности оправдываться, поэтому и невиновные возводили на себя обвинение, лишь бы положить конец этим невыносимым страданиям [4, с. 58–59].

Мнения, существовавшие в обществе относительно такого положения заключенных, разнились. Так, юристы считали, что улучшение быта заключенных является излишним, так как они вне закона и не заслуживают никакого снисхождения. Католики и протестанты полагали, что такой подход – справедливое возмездие за их грех и за причиненное ими зло. Вместе с тем имелись и абсолютно противоположные точки зрения. Их выразителями были известные личности – Бентам, Беккария, Блекстон, Монтескье. Не исключено, что приверженцем этих взглядов был Фридрих Великий², который 3 июня 1740 г., вскоре после вступления на престол, запретил пытку за все проступки, исключением являлась государственная измена. Им же в 1754 г. пытка была запрещена и установлен запрет на вешание воров. Следует отметить, что примерно в этот же период императрица Екатерина II отменила в России смертную казнь.

Наказ императрицы был пронизан человеколюбием, осуждавшим жестокость законов. Она отвергла пытку и заключение в тюрьму неоплатных должников (потом это было снова введено). Оригинальным является провозглашенный ей принцип о том, что торжество свободы состоит в том, чтобы наказание соответствовало тяжести преступления. Сделав классификацию преступлений, она пыталась ввести тюремное содержание, в основе которого находились виды наказаний (как производное от противоправных деяний).

Система тюрем по проекту императрицы состояла из двух родов тюрем: уголовные и гражданские (их назначение осталось вне поля зрения проекта). Уголовные включали в себя тюрьмы губерний и уездов (во главе губернии стоял губернатор, во главе города – городничий, уездом управлял земский исправник, капитан-исправник). Структурно

¹ Источники того времени раскрывают содержание следующих пыток:

для поиска истины применялись тиски, сделанные из железа, с тремя полосами с винтами. В них вставлялись два больших пальца правой и левой рук и большие пальцы обеих ног, после чего осуществлялось завинчивание пока обвиненный не признает вину или тиски не будут действовать;

чтобы добиться истины, голова подозреваемого обматывалась несколько раз веревкой, между ними просовывался клин, который крутили так, чтобы это приводило человека в изумление;

для получения правдивых показаний на голове выстригали волосы до тела, и на это место со значительной высоты направлялись капли холодной воды. Подобных способов пытки русская и европейская правоохранительная практика знает множество.

² Фридрих II Великий родился 24 января 1712 г. в Берлине, умер 17 августа 1786 г. в Сан-Суси, Потсдам. Король Пруссии (1740–1786 гг.).

уголовные тюрьмы губерний состояли из трех отделений: подстражной, приговорной, осужденной, уездные – из двух: подстражной, приговорной.

Подстражная часть губернской тюрьмы должна была включать в себя три мужских и две женских горницы (отделения). Екатерина II, обращая внимание на подстражных (подследственных), давала установку на оказание всевозможных снисхождений и рекомендовала ограничивать их свободу лишь в той мере, насколько это необходимо для правильной организации тюремной деятельности. В проекте было приведено примерное описание горниц с точными размерами. По проекту это квадрат с размером сторон в «три сажени» [сажень – русская мера длины, равная трем аршинам (2,13 м)] [5, с. 692] (аршин – русская мера длины, равная 0,71 м) [5, с. 30], высотой две сажени, окно – полтора аршина (такое же расстояние должно было быть от пола до окна), с решеткой из железа. У стены следовало поместить неподвижный каменный стол, а перед ним такую же по конструкции скамью. В углу горницы (к двери) должна выкладываться печь с лежанкой длиной четыре и шириной полтора аршина, с расположением топки печи снаружи. Двери должны были быть двойными, при этом наружная оковывалась железом, замки были крепкие.

Приговорное отделение губернской тюрьмы, в соответствии с проектом, предназначалось для содержания двух категорий заключенных: приговоренных судом к временному содержанию в тюрьме и к направлению в ссылку. Для первых было три мужских и две женских горницы, для вторых – одна мужская и одна женская горницы.

В соответствии с отделением 45 проекта устава о тюрьмах, если лицо содержалось в приговорной более одного срока заседания судебных мест и в этот срок ему не объявлялось решение его дела, то тюремщик («подъ опасениемъ потерянія мѣста» – такая приписка сопровождала все обязанности тюремщика) был обязан об этом доложить. В губернском городе такое сообщение шло надзирающему прокурору, в уездном городе или округе – стряпчему¹, и отослать письмо такого гражданина следовало в совестный суд [совестный суд – губернский суд России в 1775–1862 гг., он рассматривал гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные (малолетних, невменяемых и т. п.)]. За три дня до освобождения тюремщик отделения обязан сообщить тюремщику², а тот – уездному надзирателю тюрем (если его нет, то городничему), для того чтобы в срок освободить приговоренного.

Приговоренные судом к ссылке должны были находиться под неослабным контролем, не имея контактов с обществом, с исключением членовредительства и причинения вреда другим. До их отправления должны приниматься меры, исключаящие праздное их пребывание, привыкшие работать люди по полу и физическому состоянию должны трудиться в соответствии с их навыками, под непосредственным надзором уездного надзирателя тюрем. Если ссыльный содержался в тюрьме более одного срока заседания судебных мест и в этот срок не направлен в ссылку, то тюремщик был обязан исполнить все процедуры, предписанные для приговорных отделением 45.

Осужденная часть губернской тюрьмы планировалась из двух отделений. Первая – темница или покаянная для приговоренных судом к смертной казни («кто «судомъ на смерть осуждены»). «...Но да устережется во время покаянія единственно отъ ухода и вреда. Покаяніе же всякъучинить по обряду своейвъры» (отделение 51). Вторая тем-

¹ Стряпчий – в России в 1775–1864 гг. название некоторых судебных чиновников.

² Здесь, ранее и далее имеется в виду должностное лицо, ответственное за тюрьму (ее руководитель, начальник).

ница («вечная тюрьма») – для тех, кто «судомъ на вѣчное содержаніе въ тюрьму осуждены». Осужденный на «вечную тюрьму» содержался отдельно от людей, при наличии надзора, исключаящего его побег или причинение вреда, письменное или словесное общение. Таким лицам чернила, перья, карандаши и бумага выдавались только по разрешению городничего или уездного надзирателя тюрем при условии получения разрешения суда. Они имели право на прогулки на свежем воздухе, могли читать книги, упражняться в рукоделии.

Темницы предполагалось «устроить двухъ-саженныя»: одну для мужского и одну для женского пола (отделение 20). В вечной тюрьме также должны размещаться две горницы – мужская и женская.

Подстражная часть уголовной тюрьмы уездного города включала в себя две горницы – для мужского и женского пола (отделение 10). Подстражным и в губернской, и в уездной тюрьмах первые трое суток запрещалось письменное и словесное общение с кем бы то ни было. Чернила, перья, карандаши и бумага им не выдавались без разрешения городничего или исправника. Городничий, в свою очередь, должен получить одобрение суда. Все написанное подследственным или ему тюремщик передавал городничему.

Если по истечении трех суток лицу, содержащемуся под стражей, не объявлялось, за что он содержится под стражей, или за эти трое суток он не допрашивался, то тюремщик обязывался доложить об этом по инстанциям, которые приводились в отделении 45.

Приговорная часть уголовной тюрьмы уездного города предназначалась для содержания осужденных к временному содержанию в тюрьме и ссылке. В них имелись мужские и женские отсеки. «Горницы уголовной приговорной строить: величиною не меньше трехъ сажень, въ длину и ширину столько же, въ вышину шесть аршинъ, окошки съ желѣзною рѣшеткою, печь топится снаружи, двери двойныя, изъ коихъ наружныя желѣзомъ окованныя, замки крѣпкіе» (отделение 15).

Система тюрем, по замыслу императрицы, строилась на разграничении правового положения всех содержащихся, подстражных, подсудимых и приговоренных (решенных, осужденных). При этом раздельное содержание по полу проходит красной нитью через весь устав.

Отделение 27 было посвящено отношению к заключенным. В нем говорилось: «Съ тюремными вообще обходиться челоувѣколюбиво, но при томъ имѣть за ними крѣпкое и неослабное во всякое время смотрѣніе, чтобъ сами себѣ и никому вреда ни учинили, и для того содержать тюремнаго, какъ въ которой части содержать предписано есть». Приведенное положение регламентировало и безопасность лиц, содержащихся в тюрьмах. С этой целью во время приема доставленного в тюрьму у него отбирались орудия, ножи и все предметы, которыми мог быть причинен вред собственному здоровью или здоровью других.

Вещи, изъятые у доставленных, переписывались, упаковывались в одну связку и передавались на хранение в замок с соответствующей надписью при условии, что при этом не было особого указания уездного надзирателя тюрем или городничего. Вещи подлежали возврату владельцу при выходе его из тюрьмы.

Заключенным выдавались одежда и пища в соответствии с их полом и физическим состоянием. Устанавливалось время приема пищи, проветривания горниц, их уборки. Заметим, что неимущих планировалось содержать и одевать бесплатно, а имущих – за плату («в счет их иждивения»). Особо подчеркивалась необходимость содержания всего в чистоте. Регламентировался пропускной режим, исключаящий вход к заключенным посторонних. «Смотръ накрѣпко, чтобъ къ тюремнымъ никто изъ постороннихъ не хо-

диль, никто ничего не носиль, и разносчиковъ и иныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ, къ тюремнымъ не пускать...» (отделение 33). Исключением являлись приказы уездного надзирателя тюрем и городничего. Предполагалось каждые три часа производить осмотр всех частей тюрьмы с целью установления, все ли заключенные на месте и все ли здоровы.

В проекте было все предусмотрено – от конструкции зданий до размера камер. Тюремны должны были строиться в виде каменного замка, вокруг которого должна располагаться крепкая стена или такой забор, чтобы никто не мог из него уйти и чтобы такие ограждения одновременно требовали минимальное количество стражи. Замки предполагалось строить пространные, не низкие, по возможности, там, где имеется хороший, естественный доступ воздуха, вода (текущая), где безопасно от огня и наводнения. Внутри замка иметь необходимые жилищно-бытовые строения, дворы вымостить камнем. У ворот губернского замка расположить две приемные горницы, в уездном городе – одну.

Предусматривались и каторжные дворы в губернном городе. В них для лиц мужского пола следовало иметь три казармы: первую – для шельмованных, вторую – для скованных, третью – для тех, которые такого «статуса» не имели, и одну казарму для женщин (отделение 22). Казармы каторжного двора рекомендовалось строить аналогично ссылочной. Каторжных предполагалось содержать в строгом отлучении от других людей, так чтобы они не имели письменного и словесного общения с исключением побега и причинения вреда. Они должны были непрерывно работать «кромъ нужнаго чловѣку времени для сна и пищи...» (отделение 55).

Правовой статус уездных надзирателей тюрем и тюремщиков концентрированно прописывался в отделениях с 65 по 88. Предполагалось, что уездный надзиратель тюрем будет выбираться из представленных уголовной и гражданской палатами (палаты гражданского и уголовного суда являлись Всесословной губернской апелляционной инстанцией) Государственным Надзирателем прав и правосудия из «двухъ твердыхъ, исправныхъ и добросердечныхъ кандидатов в обоих столицах».

Уездный надзиратель тюрем должен был осматривать тюрьмы и больницы не менее одного раза в год и уведомлять о содержащихся по уголовным делам – Уголовную палату, по гражданским делам – Гражданскую палату губернии, где они располагались. В таком уведомлении должны были содержаться сведения о состоянии и движении всех лиц, находящихся в тюрьме и больнице, включая переведенных, освобожденных и умерших. Специально выделялось ежегодное уведомление Приказа общественного призрения¹ о тюремных больных и представлении книгодержательской (бухгалтерской) книги Казенной палате – органу финансового управления в губернии, ей руководил вице-губернатор.

Уездный надзиратель по своему правовому статусу не имел права брать под стражу, «или сажать, или запирасть, или распорядить» по своему усмотрению тюремных и больных, он лишь на уровне уезда надзирал за теми местами, где по подозрению содержались под стражей, находились приговоренные и лечились тюремные больные. Он постоянно осуществлял контроль над тем, чтобы все необходимое человеку для сохранения жизни и здоровья (все положенное) доходило до заключенных и больных, содержащихся в тюремной больнице, а также чтобы внутри тюрем и больниц была чи-

¹ По данным различных источников, Приказ общественного призрения был введен Екатериной II «Учреждением о губерниях» в 1775 г. и являлся губернским учреждением.

стога и благочиние и «чтобы никаких неистовств добронравию противных, или обществу соблазнительных в них не происходило».

Более конкретно прописывался правовой статус тюремщика. Он должен был следить, чтобы его подчиненные (тюремщики отделений; сторожа; повара; слуги) прилежно отправляли свою должность. О порядке в замке он должен был еженедельно уведомлять уездного надзирателя тюрем (в его отсутствие – городничего). На него возлагалась обязанность принимать подавания (деньги, хлеб, мясо, рыбу, масло, соль, холст, сукно, дрова). Все это должно было строго идти для употребления (содержания) всех заключенных или кому-то персонально. Все принятое вписывалось книгодержателем в приход (при потреблении – в расход), о чем еженедельно докладывалось уездному надзирателю тюрем.

Тюремщик осуществлял прием доставленных в тюрьму. Ему запрещалось осуществлять прием в тех случаях, если отсутствовали сопроводительные документы – приемный ярлык за подписью городничего или исправника. В ярлыке должен указываться комплекс данных: кем человек направлен; его данные (состояние, имя и «прозвание»); кем доставлен; по какому подозрению или приговору или суду; в какую часть замка его ввести. Получив ярлык, тюремщик отводил прибывшего в приемную, где он находился первые три часа. За это время его данные (пять положений) вносились в книгу, в ту ее часть, где описывались заключенные отделения, в которое следовал арестованный, а также тюремщик докладывал уездному надзирателю тюрем (при его отсутствии – городничему), который напоминал, чтобы «съ точностию пять запросовъ вх тюремную книгу внесены были» (отделение 73).

Исходя из установленного правового статуса тюремщик самостоятельно не мог взять под стражу, посадить, запереть, выпустить, снять с кого-либо оковы при отсутствии соответствующего указания. В тех случаях, когда, вопреки решению суда, заключенный сам с себя или с иного заключенного самовольно снял железо, или осуществил подготовку к побегу, или оказался непослушным, тюремщик имел право отвести такое лицо в темную тюрьму. Об этом он немедленно должен был доложить уездному надзирателю тюрем, а при его отсутствии – городничему и получить соответствующие приказания. При решении перечисленных вопросов самостоятельно тюремщик немедленно подлежал наказанию.

Отделение 76 устава было посвящено запрету брать взятки. В том случае, если «буде же кто тюремщику что подарить или посулить то, не мѣшкавъ, о томъ объявить уѣздному надзирателю тюрем, или городничему, или уѣздному стряпчему».

Тюремщикам отделений предписывалось содержать заключенных в горницах на замках и быть ответственными за хранение ключей, следить за чистотой горниц, ежедневным проветриванием пустых горниц: летом путем открытия окон на весь день, а зимой – на один час. В тех помещениях, где содержались заключенные, проветривание осуществлялось путем открытия окон (как удобно), а зимой – на короткое время.

На тюремщиков отделений, кроме основных обязанностей по надзору за содержащимися, возлагались обязанности по осуществлению контроля за своевременной выдачей пищи, топкой печей в холодное время года (чтобы арестанты не страдали от стужи, а в летнее время от жары и духоты). Они также были обязаны следить, чтобы заключенные носили пристойную одежду, чтобы конвоирование (в горницу и из горницы) осуществляли не менее трех человек: тюремщик отделения и два сторожа.

Рассматриваемым уполномоченным лицам запрещалось переводить, отпускать или отправлять заключенных без приказания того места, где кто из них был подсуден, или

без Именных и Сенатских указов, но при этом информировать эти инстанции, а также брать взятки, снимать или накладывать железа, переводить из номера в номер. В тех случаях, когда требовалось сделать это экстренно без разрешения, следовало немедленно доложить об этом тюремщику.

Тюремщик отделения не допускал, чтобы кто-либо приносил передачи заключенным. В таком случае он направлял пришедшего к тюремщику, который поступал в соответствии со своими полномочиями, так чтобы замку не был причинен вред либо неистовство. Анализируемые должностные лица не имели права передавать содержащимся сверх нормы, установленной судом или уездным надзирателем.

Тюремщик и тюремщики отделений принимали специальную присягу и давали клятву «...оную преступать и упуцать, не буду ни для вражды, ни для дружбы, ни для родства, ни для лицемерия...», «...сурово с ними (тюремными. – *Н. Ш.*) поступать не буду, но чело́вколюбиво, без послабления; подарковъ, посуль и взятковъ ни отъ кого брать не буду» (отделение 70).

Были закреплены вопросы бухгалтерского учета. В частности, в отделении 89 бухгалтеру (книгодержателю) предписывалось иметь писаря и прошнурованную книгу за печатью уездного надзирателя тюрем. В нее должны были вноситься все данные, связанные с получением денег, съестных припасов, полученных от доброхотных людей, и их расход. Рекомендовалось съестные припасы приобретать добротного качества, с распиской купцов. О всех расходах бухгалтер должен ежемесячно подавать ведомость уездному надзирателю тюрем, а по истечении года – и всю шнурованную книгу для рассмотрения.

Значительное внимание в проекте устава о тюрьмах уделялось обустройству больниц, деятельности докторов, отношению к больным. Тюремные больницы выделялись состоящими из двух (мужского и женского) отделений. В каждом из них предполагалось иметь в губернских городах по пять горниц, в уездных городах – по три (отделение 26). Заключенные в тюремную больницу принимались бы после осмотра доктором или лекарем или по их записке. Для принятия родов по разрешению доктора или лекаря из города приглашалась повивальная бабка. Судьбу родившегося младенца определял Приказ общественного призрения (отделение 57).

При поступлении больных в больницу у поступающих следовало отбирать их одежду и обувь, вместо них должны выдаваться «халать холстинный, рубашка, колпак, чулки, портки и туфли. То же самое чинить и съ больными женщинами». Изъятые таким образом вещи переписывались, собирались в одну связку и хранились под соответствующей фамилией в больнице. Выдавались они выздоровевшим в день выхода из больницы.

Предполагалось учредить больницы в тюрьмах губернских городов для размещения десяти больных, в уездных – шести. Это количество было предельным, запрещалось помещать сверх установленного лимита. При обращении больных к тюремщику отделения он информировал тюремщика с приглашением лекаря или доктора, которые давали предписание о помещении в больницу. Больничные постели должны быть всегда в готовности, с тремя комплектами белья на человека. У каждого больного под кроватью должен быть небольшой столик, покрытый «вощанкою», со стаканом, оловянной кружкой и маленьким колокольчиком, чтобы звать «сидельниковъ» (отделение 60).

Горницы предписывалось держать в чистоте и окуривать два раза в день, проветривать, как предпишут доктор или лекарь, сидельники должны были быть там постоянно (неотлучно). Пищу готовить для всех общую, за исключением тех, которым доктор или лекарь предпишут иное. Обедать больные должны были в десять часов поутру, а

ужинать в шесть часов вечера. Устанавливался запрет на присутствие в больнице посторонних, а также говорилось о строгом надзоре за больными, чтобы они никуда не отлучались и не могли причинить себе вред.

Тюремная больница предназначалась для заключенных (неимущие содержались безденежно), однако если в больнице две трети мест были свободны, то принимались иные больные (по записке городничего или исправника). Бедных и неимущих предполагалось содержать и лечить безвозмездно, а имущих – за плату. Цена за лечение должна устанавливаться весьма умеренная.

Тюремная больница находилась в подчинении уездного надзирателя тюрем. Его указания являлись обязательными. Если в тюремной больнице отсутствовал особый доктор, то осмотр больных осуществлял уездный доктор (отделение 91). Доктор еженедельно должен был уведомлять уездного надзирателя тюрем о состоянии больных, следить за их лечением и пищей, выдаваемой по его предписаниям. О лекарственных препаратах его указание распространялось на лекаря и аптекаря. В тех больницах, где не было доктора, исполнение перечисленного возлагалось на лекаря. При обнаружении больных заразными болезнями уведомлялся смотритель тюремной больницы, который такого больного немедленно помещал отдельно, чтобы не было распространения болезни.

Доктор должен посещать больных утром через день или через два, а при операциях находиться при больных.

Лекарю (где их более одного, то дневальному) при посещении больных следовало быть вместе с доктором, но в те дни, когда доктор отсутствует, утром производить осмотр больных, прописывать им необходимые лекарства, а также днем часто осматривать больных, чтобы исполнялось все предписанное и обо всем докладывать доктору.

Лекарь, где их более одного, то дневальный, должен ежедневно словесно уведомлять уездного надзирателя тюрем (если он отсутствует, то городничего) о состоянии больных, нужных операциях, перевязывании ран. «Кровопускание делать профессионально с усерднейшим прилежанием и наблюдать за ним» (отделение 96).

Подлекарю во время приема лекарств следовало быть около больных и смотреть, чтобы не произошло какого-либо недоразумения, в остальное время он должен исполнять распоряжения дневального лекаря (отделение 97).

Смотритель тюремной больницы должен следить за чистотой, порядком, своевременной выдачей пищи, приготовленной по предписанию доктора, размещением больных в зависимости от их болезней, чтобы отобранная у них одежда хранилась должным образом. В подчинении смотрителя тюремной больницы находились сторожа, сидельники, повара, нижние служители. В его обязанности входило следить, чтобы каждый из них прилежно отправлял свою должность. О деятельности больницы смотритель ежедневно информировал уездного надзирателя тюрем при отсутствии городничего. Добровольные подаяния им принимались и фиксировались в установленном порядке.

Первого числа каждого месяца предполагалось проводить собрание с присутствием: доктора, лекарей, смотрителя и книгодержателя (бухгалтера). Если собрание вносило предложения, относящиеся к больным, то уездный надзиратель тюрем мог доложить об этом Приказу общественного призрения.

Заключительное отделение 100 регламентирует оформление медицинской документации. В нем говорится о том, что, кроме уведомлений, доктор должен ежедневно вести записи о числе и звании больных, рекомендациях по лечению, с изложением собственного мнения, для того чтобы в последующем такая книга могла быть изучена для проведения докторских консилиумов. Местом ее хранения являлся архив.

Представленный материал нуждается в развернутом заключении. В качестве такого выскажем следующие суждения.

1. Примечательно, что императрица предусматривала: систему тюрем, их внутреннюю структуру; классификацию заключенных и систему их содержания, правовое положение; организацию деятельности тюремной администрации; устройство и деятельность тюремных больниц, порядок содержания в них больных; правовой статус различных категорий должностных лиц (уездного надзирателя тюрем, доктора, смотрителя больницы). Спустя столетие специалисты писали, что «...подробности сяноваго проэкта поразительны по своей глубокой обдуманности и гуманности, и съдѣлали бы честь даже современному тюремному уставу» [1, с. 64]. Предложенное Екатериной II во многом сходно с положениями, выработанными в последующем на тюремных конгрессах.

2. Проект тюремного устава – Наказ императрицы Екатерины II являлся обстоятельным, своевременным организационно-правовым документом Российской империи, в определенной степени он определил эпоху. Можно представить положительные и отрицательные стороны его внедрения в практическую жизнь России. Возможно, и освоение российских отдаленных регионов осужденными было бы иным.

3. Императрица не ограничивалась только формированием и провозглашением нравственно-правовых принципов деятельности тюрем, отношений к заключенным, она стала внедрять положения Наказа в практическую деятельность. В частности, установила содержание заключенных (их тогда именовали колодниками, невольниками) за счет государства. До этого периода они содержались за собственный счет либо за счет благотворителей или питались милостынею, которую собирали на улицах и по торгам. Однако внедрить все предложенное ей не представлялось возможным по ряду различных причин, прежде всего экономических.

4. Екатерина II, совместно со своими сподвижниками, готовила значительное множество стратегических организационно-правовых документов. Важнейшим и имеющим отношение к изложенному является «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (указ от 7 (18) ноября 1775 г.). Этот документ, принятый 245 лет назад, предназначался для проведения губернской реформы. До этого в России было 23 губернии, они разделялись на провинции, а провинции – на уезды. Губернии были разукрупнены из расчета, чтобы в одной губернии проживало 400 тыс. чел. Таким образом, в России стало около 50 губерний, которые включали в себя уезды (20–30 тыс. населения). Мы специально привели этот документ для того, чтобы всем стало понятно, что с экономической точки зрения внедрить Наказ императрицы не представлялось возможным: сколько нужно было построить тюрем, сколько следовало иметь руководящего и обслуживающего персонала (из приведенного материала это достаточно хорошо видно). Понятно, что это было бы огромным шагом вперед, но возникает вопрос, что за этим могло последовать.

5. Вникнув в смысл указанного документа и имея представление о содержании [6, с. 465–480] Инструкции смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., мы делаем предположение, что разработчики второго позаимствовали идеи, изложенные в Наказе, уставе императрицы Екатерины II. Такое предположение базируется не только на структуре, но и на содержании.

Библиографический список

1. Бурков А. Л. Конвенция о защите прав человека в судах России. М. : Волтерс Клувер, 2010. 448 с.

2. Тюремь въ Россіи, собственноручный проэктъ императрицы Екатерины II. Сооб. М. Филипповъ // Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе. Годъ четвертый. I июль. 1873 годъ. Санктпетербургъ. Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49-2). 1873.

3. Мелентьев М. П. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2000. 250 с.

4. Обрядъ как обвиненный пытается // Русская старина. Ежемѣсячное историческое изданіе. Годъ четвертый. I июль. 1873 годъ. Санктпетербургъ. Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49-2). 1873.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ТЕМП, 2000. 944 с.

6. Шурухнов Н. Г. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 года: основное содержание, сущность, актуальность // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4), № 4. С. 465–480.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.83-89

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНИКАРОВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minrs@yandex.ru;

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ПОНИКАРОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного и финансового права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minrs@yandex.ru;

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СМОЛЕВ,

начальник кафедры огневой подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ognpod@yandex.ru;

СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СТРОИЛОВ,

заместитель начальника кафедры огневой подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ognpod@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛОВ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С ИНЫМИ ОСОБЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ

Для цитирования

Теоретико-прикладные вопросы организации взаимодействия отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными особыми подразделениями / С. В. Поникаров и др. // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 83–89. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.83-89.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации и тактики взаимодействия подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы с особыми подразделениями иных правоохранительных органов (Росгвардия и прочие). Фиксируются основные организационные критерии взаимодействия таких подразделений. Выявлены характерные черты (особенности) рассматриваемого взаимодействия, которые придают ему качественную своеобразную форму. Интеграция этих признаков позволила сформулировать понятие данного вида взаимодействия. Кроме того, определена специфика в содержании тактики взаимодействия подразделений специального назначения, рассмотрены основные принципы взаимодействия названных подразделений (сбалансирован-

© Поникаров С. В., Поникаров В. А., Смолев С. М., Строилов С. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ность, мобильность, подготовленность). Результаты исследования основаны на данных опроса 224 сотрудников отделов специального назначения из Центрального федерального округа.

Ключевые слова: организация и тактика взаимодействия, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, правоохранительная деятельность, подразделения специального назначения.

В научной литературе достаточно работ, посвященных проблемам взаимодействия правоохранительных органов [6, 7]. Однако вопросы взаимодействия подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы с подобными подразделениями иных правоохранительных органов комплексному исследованию не подвергались.

Проблема взаимодействия занимает одно из центральных мест в теории и практике управления [1]. Существует немало разнообразных определений понятия взаимодействия. Иногда они отличаются друг от друга, что обусловлено конкретными целями и методиками проводившихся исследований. Однако имеющиеся различия, как правило, касаются лишь отдельных сторон рассматриваемого понятия и не затрагивают его сущности. Отличаясь в деталях, предлагаемые различными авторами определения сводятся к пониманию взаимодействия как совместной, согласованной по целям (задачам), месту и времени деятельности сотрудников различных правоохранительных органов, возможности комплексного использования этими органами предоставленных им средств в интересах всех участников взаимодействия.

Толковый словарь русского языка определяет взаимодействие как взаимную связь явлений, взаимную поддержку [4]. В научной литературе категория «взаимодействие» рассматривается в различных аспектах. При этом все многообразие имеющихся позиций может быть сведено к двум, рассматривающим взаимодействие в узком и широком смысле. Взаимодействие в узком смысле – совместная или согласованная в пространстве и во времени деятельность двух или более субъектов по достижению одной или нескольких общих целей [8]. Под взаимодействием в широком смысле понимается универсальная система взаимозависимости явлений и процессов. Это такое состояние взаимодействующих субъектов, которое характеризуется их непрерывным воздействием друг на друга и взаимовлиянием. Кроме того, в широком смысле взаимодействие выступает как философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. Считается общепризнанным, что суть взаимодействия заключается в совместной деятельности, направленной на решение общих задач, конкретных органов, должностных лиц, занимающих при этом равноправное положение [5].

Взаимодействие – это сложный, динамичный и непрерывный процесс. Согласованность действий подразумевает активность всех субъектов, а не только его организатора. Каждый из субъектов, осознавая свою роль в этом процессе и проявляя разумную инициативу, своевременно совершает необходимые действия. Взаимодействие является одной из функций управления. Функции управления достаточно полно раскрыты в работах профессора В. Д. Малкова. По его мнению, функция управления (к такой отнесится и функция взаимодействия) с точки зрения структурно-логического анализа включает в себя субъекты, цели взаимодействия, механизм реализации функций [3].

Следует отметить, что взаимосвязь или взаимные действия возможны при наличии некоторых условий. Во-первых, во взаимодействии должны участвовать, как минимум,

два субъекта (например, подразделения специального назначения ФСИН России и Росгвардии). Это означает, что каждый из участников должен ясно осознавать, что он является субъектом взаимодействия и выполняет возложенные функции совместно с другим субъектом. Во-вторых, из этого положения вытекает следующее условие – общность целей и задач для всех участников взаимодействия. Разобщенность в целях и задачах ведет к потере смысла взаимодействия, так как в этом случае каждый из участников выполняет иные по отношению к другому задачи или достигает иных целей, следовательно, ни о каком взаимодействии не может быть и речи.

Общие вопросы взаимодействия отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы с аналогичными правоохранительными подразделениями закреплены в ряде нормативных актов различного уровня. Например, в соответствии с п. 30 ст. 9 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» войска национальной гвардии наделяются полномочиями по пресечению массовых беспорядков в населенных пунктах, а при необходимости и в исправительных учреждениях. В соответствии с п. 4 Указа Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» в структуру Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации включены:

1) специальные отряды быстрого реагирования территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (СОБР);

2) отряды мобильные особого назначения территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (ОМОН).

Следовательно, перечисленные выше специальные подразделения СОБР и ОМОН тоже наделяются полномочиями по пресечению массовых беспорядков в пенитенциарных учреждениях России (п. 30 ст. 9 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»). Более того, отделы специального назначения УИС оказывают содействие другим особым органам, например, подразделениям Российской гвардии и МВД России, в проведении различных видов правоохранительной деятельности (специальных мероприятий):

– обеспечение общественной безопасности и общественного правопорядка при возникновении чрезвычайных обстоятельств;

– обеспечение режимов чрезвычайного положения;

– изъятие оружия у населения (например, оказывая помощь, тем самым взаимодействуя);

– оцепление места проведения специальной операции, проводимой иными особыми подразделениями (например, ОМОН, СОБР).

– разоружение незаконных вооруженных формирований, а в случае оказания ими вооруженного сопротивления их ликвидация и др.

В свою очередь, иные особые подразделения (например, Российской гвардии и МВД России) в рамках взаимодействия также способны оказать помощь отделам специального назначения УИС в следующих видах правоохранительной деятельности:

– пресечение массовых беспорядков в исправительных учреждениях и следственных изоляторах (СИЗО);

– обеспечение безопасного функционирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;

– пресечение полетов беспилотных летательных объектов, выполняемых над территорией пенитенциарных учреждений, и др.

Сотрудничество отделов специального назначения УИС с иными подразделениями МВД России и Росгвардии при чрезвычайных ситуациях в исправительных учреждениях включает в себя следующие организационные черты взаимодействия:

1) обеспечение единства стратегического курса названных подразделений при чрезвычайных обстоятельствах в учреждениях УИС;

2) решение проблем комплексного использования сил и средств отделов специального назначения и иных органов (Российской гвардии и МВД России);

3) обеспечение тактического единства действий привлекаемых сил и средств для пресечения чрезвычайных ситуаций;

4) обеспечение открытого наращивания достаточных сил и средств.

Критерии организационного взаимодействия (свойственные особые черты), возложенные на отмеченные подразделения, сводятся:

а) к обеспечению единства понимания всеми сотрудниками замысла руководителя оперативного штаба;

б) обеспечению твердого знания специальными подразделениями поставленных задач и способов совместных действий по их выполнению;

в) систематизированному обмену информацией об оперативной обстановке; совместной разработке наиболее важных документов по организации служебной деятельности;

г) согласованию намеченных мероприятий по выполнению приказов и иных документов;

д) установлению и освоению единой системы сигналов взаимодействия и др.

Следует отметить, что критерии организационного взаимодействия будут реализовываться при наличии целостного планирования, связанного с согласованностью в действиях как отделов специального назначения УИС, так и взаимодействующих с ними особых подразделений Российской гвардии и МВД России (например, со спецотрядом «Гром»).

Важное значение для организации взаимодействия названных подразделений в чрезвычайной ситуации имеет определение основных начал (принципов), к которым относятся: сбалансированность, мобильность, подготовленность.

Сбалансированность действий придает взаимодействию неразделимый, стабильный характер, обеспечивает наиболее целесообразное распределение основных направлений деятельности, единую стратегию и линию поведения.

Мобильность позволяет оптимально использовать компоненты коллективных действий, варьировать резервы, рационально расходовать силы и средства отделов специального назначения УИС и иных особых подразделений других ведомств.

Подготовленность (выучка) разрешает результативно применять силы и средства при возникновении любой ситуации в исправительном учреждении.

Следовательно, взаимодействие отделов специального назначения и иных рассматриваемых подразделений всегда носит специализированный характер, базируемый на основе организационных принципов. Более того, стержневые начала (принципы) взаимодействия отражают закономерности современной деятельности подразделений специального назначения УИС с иными специальными подразделениями из других ведомств. Основными принципами необходимо пользоваться сообразно предельным возможностям управления специальными подразделениями. Правильная оценка этих принципов будет способствовать определенному успеху в согласовании усилий отделов специального назначения пенитенциарной системы с иными правоохранительными органами.

Таким образом, сущность организации взаимодействия отделов специального назначения УИС с иными особыми подразделениями при чрезвычайных ситуациях в исправительных учреждениях представляет собой совокупность согласованных принципов, прав и обязанностей, направленных на обеспечение безопасности объектов уголовно-исполнительной системы. Практика показывает, что фактически все вопросы организации взаимодействия обладают определенной отличительной чертой. При этом выделяется ряд важных вопросов, без решения которых взаимодействие не может осуществляться:

- координирование сил и средств;
- согласование порядка оповещения и взаимного информирования;
- определение мероприятий по боевому, морально-психологическому, тыловому, техническому и транспортному обеспечению;
- уточнение совместных действий и порядка оказания взаимной помощи.

Указанные выше вопросы представляют собой стратегический аспект взаимодействия, которое включает в себя и тактические элементы. Тактику взаимодействия отделов специального назначения УИС с частями и соединениями войск национальной гвардии в особых условиях следует рассматривать как множество методологических рекомендаций по осуществлению совместных действий при выполнении специальных задач в чрезвычайных ситуациях. Тактическое взаимодействие состоит из следующих элементов:

- 1) план действий;
- 2) заблаговременная подготовка управленческого решения;
- 3) практические действия личного состава.

В содержание тактики взаимодействия отделов специального назначения УИС и соединений войск национальной гвардии следует включить и непосредственный служебно-контактный компонент, который предполагает установление межличностных связей как между руководителями подразделений, так и между сотрудниками спецподразделений. Все планы взаимодействий отделов специального назначения УИС с подразделениями МВД России, а также с бойцами Российской гвардии реальны там, где есть прямой контакт между командирами отрядов, руководителями УМВД, Росгвардии, ФСИН России.

Характеризуя взаимодействие отделов специального назначения УИС с иными особыми подразделениями, нельзя не сказать о других точках их соприкосновения с подразделениями Российской гвардии (ОМОН, СОБР). Отделы специального назначения УИС тесно сотрудничают с данными структурами по следующим правоохранительным направлениям:

- 1) обеспечение следственно-оперативных мероприятий;
- 2) охрана правопорядка;
- 3) изъятие оружия, наркотических средств;
- 4) задержание вооруженных преступников;
- 5) пресечение массовых беспорядков в исправительных учреждениях.

В научной литературе нет единства мнений об объединении указанных подразделений. Некоторые предлагают объединить все подразделения специального назначения в единую структуру. Другие высказываются против такого объединения [2]. С целью сбора эмпирических данных было проведено интервьюирование сотрудников отделов специального назначения УИС, силовых подразделений МВД России и Российской гвардии. Всего было опрошено 224 сотрудника из Центрального федерального округа.

Отметим, что практические работники в основном возражают против такого объединения (67 % опрошенных). Это объясняется узкой специализацией и направлением

деятельности рассматриваемых подразделений. Например, основное назначение отделов специального назначения УИС – обеспечение безопасного функционирования уголовно-исполнительной системы, тогда как подразделения войск национальной гвардии предназначены для обеспечения государственной безопасности (охрана важных государственных объектов, сооружений, специальных грузов), а в силовых подразделениях МВД России (например «Гром») главным является обеспечение общественного порядка непосредственно в городе, районе и других населенных пунктах.

Мы полагаем, что постановка вопроса об объединении спецподразделений вполне справедлива, но только в части установления для всех них одинакового социально-правового статуса. Например, в настоящее время у военнослужащих войск национальной гвардии заработная плата на порядок выше, чем у бойца ОМОНа, хотя все они из одного ведомства – Федеральной службы войск национальной гвардии. Это объясняется тем, что сотрудники мобильного отряда особого назначения имеют специальные (не военные) звания полиции, то есть они не имеют статуса военнослужащего национальной гвардии, у которого выше оклад денежного содержания.

Основная причина нежелания объединить спецподразделения сводится к специфике их функций, а также узковедомственным интересам каждого из подразделений. Сотрудники отделов специального назначения УИС регулярно привлекаются для содействия подразделениям МВД России для задержания преступников; обеспечения безопасности оперативно-розыскных мероприятий; охраны общественного порядка (например, на выборах лиц в Государственную Думу). При этом они выполняют несвойственные им функции. Что касается привлечения полицейских подразделений для решения задач в исправительных учреждениях, то на практике это происходит крайне редко.

Таким образом, отряды специального назначения уголовно-исполнительной системы преждевременно объединять с подразделениями полиции и войсками национальной гвардии. Мы полагаем, что отделам специального назначения УИС необходимо предоставить большую самостоятельность в местах постоянной дислокации, сделав упор на взаимодействие с иными особыми подразделениями из других ведомств.

Интеграция характерных признаков (черт, особенностей) позволяет сформулировать научное определение взаимодействия подразделений специального назначения ФСИН России с другими подразделениями, под которым следует понимать основанную на нормативных актах взаимосвязанную, согласованную в пространстве и во времени правоохранительную деятельность подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы и аналогичных органов Росгвардии, МВД России, направленную на достижение общей цели, решение общих задач в сфере обеспечения безопасности объектов пенитенциарной системы России.

Библиографический список

1. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М. : Политиздат, 1982. 391 с.
2. Гришин Д. А. Административно-правовое регулирование деятельности отделов специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний: современное состояние, проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2011. № 4. С. 19–21.
3. Малков В. Д. Планирование в управлении органами внутренних дел (теоретические и организационно-методические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 2009. 907 с.

5. Организация управления в уголовно-исполнительной системе : учебник / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2002. 477 с.

6. Поникаров С. В. Классификация нормативных актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 552–557.

7. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовые и организационные аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 32 с.

8. Томин В. Т. Проблемы оптимизации сферы функционирования органов внутренних дел. Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1978. 111 с.

УДК 343.2:343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.90-100

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА БАРХАТОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Россия, ORCID 0000-0002-0381-5462,
Researcher ID ABA-3119-2020,
e-mail: solncevelvet@rambler.ru

ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Для цитирования

Бархатова, Е. Н. Вопросы регламентации механизма реализации иных мер уголовно-правового характера / Е. Н. Бархатова // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 90–100. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.90-100.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы закрепления норм о порядке применения иных мер уголовно-правового характера в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Объектом исследования выступили отношения в сфере реализации иных мер уголовно-правового характера, механизм которой урегулирован разрозненными нормативными документами. Основные задачи – анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также отраслевых нормативных актов в сфере применения иных мер уголовно-правового характера.

В ходе исследования использовался диалектический метод, как общенаучный метод познания, методы анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой метод. Изучены приговоры судов различных инстанций. Сформулированы нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, посвященные механизму реализации иных мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: меры медицинского характера, принудительное воспитательное воздействие, судебный штраф, конфискация имущества, реализация принудительных мер.

Введение

Иные меры уголовно-правового характера выступают одним из орудий воздействия государства на лиц, совершивших преступления, но по отдельным причинам не подлежащих осуждению и назначению наказания либо нуждающихся ввиду объективных обстоятельств в применении к ним наряду с наказанием дополнительных мер. Перечень

© Бархатова Е. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

иных мер уголовно-правового характера исчерпывающим образом приведен в разд. VI Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Однако Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) не содержит ни одной статьи, посвященной механизму реализации иных мер уголовно-правового характера. Такая позиция аргументирована бланкетностью норм разд. VI УК РФ и объемной сферой регулирования, включающей в себя различные по своему характеру способы государственного воздействия. Вместе с тем в документе, который позиционируется как «живое уголовное право», должны быть предусмотрены все механизмы уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, в целях удобства применения уголовно-правовых норм, единообразия правоприменительной практики и исключения возможности двусмысленного толкования норм отраслевого законодательства во взаимосвязи с нормами УК РФ.

Изучению вопросов уголовно-правового воздействия в виде иных мер уголовно-правового характера посвятили свои работы О. А. Адоевская, М. В. Бавсун, Е. В. Рогова, В. М. Степашин, Ф. Р. Сундуков. Проблема, подлежащая рассмотрению в рамках исследования, – разрозненность норм о механизме реализации отдельных мер уголовно-правового характера и подход к их формулировке в ряде случаев без учета особенностей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в отсутствие взаимосвязи с ними.

Цель исследования заключается в объединении разрозненных норм о механизмах реализации иных мер уголовно-правового характера в специальном разделе УИК РФ. Задачи исследования состоят в анализе норм отраслевого законодательства, посвященных механизму реализации иных мер уголовно-правового характера; сравнительно-правовом анализе норм отечественного и зарубежного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в рассматриваемой сфере; формулировании требуемого раздела УИК РФ, объединяющего в себе нормы о механизме реализации иных мер уголовно-правового характера.

Методы

В ходе исследования использовался диалектический метод как метод общенаучного познания. С его помощью была уяснена суть иных мер уголовно-правового характера, способов их реализации. Сравнительно-правовой метод использовался для получения представления об эффективности системы уголовных и уголовно-исполнительных норм в части реализации иных мер уголовно-правового характера в зарубежных государствах и для оценки возможности распространить на российское законодательство в данной сфере выявленный положительный опыт. Метод анализа использовался для детального изучения сути каждой меры, подходов к ее восприятию правоприменителем и законодателем, изучения ее сквозь призму отраслевого законодательства. Метод синтеза позволил получить общую концепцию уголовно-исполнительного института иных мер уголовно-правового характера.

Результаты

В ходе исследования была получена положительная оценка возможности закрепления в отдельном разделе УИК РФ норм о механизме реализации иных мер уголовно-правового характера. Предложена формулировка норм в первоначальном виде, требующая обсуждения в рамках научной дискуссии.

Обсуждение

Справедливо мнение О. М. Осадчей, отмечающей, что возникают сомнения относительно юридического основания применения каких-либо мер уголовно-правового характера к лицу, фактически освобожденному от уголовной ответственности [1, с. 3]. Статья 90 УК РФ предусматривает четыре вида таких мер: предупреждение; передача

под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Статья 91 УК РФ вкратце раскрывает содержание представленных мер. Поскольку УИК РФ не предусматривает соответствующего раздела, обратимся к иным нормативным документам. Следуя букве закона, такая мера государственного воздействия, как помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, предусмотренная в ч. 2 ст. 87 УК РФ, осталась вне рамок как наказания, так и принудительных мер воспитательного воздействия. Однако ч. 2 ст. 92 УК РФ прямо указывает на то, что такая мера применяется как принудительная мера воспитательного воздействия. Анализируя нормы в их единстве, мы приходим к выводу о том, что законодатель таким образом все же выделяет эту пятую меру в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, хотя и не включает ее в общий перечень. Такое исключение, на наш взгляд, обусловлено тем, что данная мера применяется не сама по себе в качестве альтернативной, а лишь в случае освобождения от наказания при необходимости существенных ограничений для несовершеннолетнего. Кроме того, ст. 90 УК РФ предусматривает все же такие меры, которые применяются в случае освобождения от уголовной ответственности за преступления только небольшой или средней тяжести, а помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа возможно и при совершении тяжкого преступления. Аргументация законодателя понятна, однако полагаем, подобная мера могла найти отражение в отдельной части ст. 90 УК РФ.

Предупреждение. Предупреждение носит публичный характер и объявляется несовершеннолетнему судьей в зале судебного заседания. Процессуальный порядок решения вопроса о применении к несовершеннолетнему любой принудительной меры воспитательного воздействия регламентирован ст. 427 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). В соответствии с положениями данной статьи следователь или дознаватель при наличии условий, перечисленных в ч. 1 ст. 90 УК РФ, выносит постановление о прекращении уголовного дела и возбуждает перед судом ходатайство о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия. Суд, рассматривая уголовное дело с заявленным ходатайством, принимает решение. В случае применения соответствующей меры суд вправе возложить контроль за ее исполнением на специализированное учреждение для несовершеннолетних. Решение суда направляется в подразделение по делам несовершеннолетних органа внутренних дел, сотрудник которого ставит несовершеннолетнего на профилактический учет. Далее работа по реализации принудительной меры воспитательного воздействия осуществляется в рамках профилактического учета на основании ведомственного нормативного акта – приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации». В соответствии с Инструкцией в рамках контроля за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних ОВД России проводят следующую работу:

- в течение пяти дней с момента получения соответствующих материалов из суда заводят учетно-профилактическую карточку или учетно-профилактическое дело;
- проводят беседу с несовершеннолетним, его родителями, законными представителями, опекунами, попечителями;

– собирают установочную информацию на несовершеннолетнего, обследуют его жилищно-бытовые условия;

– проводят индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними, в частности беседуют с ними и изучают характеризующие материалы.

Таким образом, в механизме реализации предупреждения как принудительной меры воспитательного воздействия задействованы суд, сотрудник подразделения по делам несовершеннолетних ОВД и родители, законные представители, опекуны или попечители несовершеннолетнего. По сути своей данная мера применяется единожды, а не системно, но предполагает последующую постановку на профилактический учет, в рамках которого будут проводиться профилактические беседы и посещение по месту жительства.

Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Данная мера также применяется по решению суда. Материалы направляются в подразделение по делам несовершеннолетних. В соответствии с ч. 2 ст. 91 УК РФ родители или лица, их заменяющие, либо администрация специализированного учреждения должны оказывать на несовершеннолетнего воспитательное воздействие. Способы оказания воспитательного воздействия не нашли отражения в нормативных документах. Со стороны подразделений по делам несовершеннолетних данная мера выражается в проведении бесед, посещениях по месту жительства, возможно, в привлечении к участию в мероприятиях культурно-просветительного, образовательного и воспитательного содержания. Под специализированными государственными органами в п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ понимаются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»). Полномочия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав регламентированы Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В частности, п. 5 ч. 2 ст. 11 предусматривает применение комиссиями мер воздействия на несовершеннолетних. В рамках надзора за несовершеннолетним комиссии наделены правом проводить разъяснительную работу, оказывать помощь в устройстве несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, проводить социальную реабилитацию. Как видим, надзор за несовершеннолетними в данном случае осуществляется в основном в рамках разъяснительной работы, профилактических бесед. Что касается родителей и лиц, их заменяющих, то перечень мероприятий, которые они могут проводить, не ограничен ничем, кроме социально-нравственных принципов построения семьи, взаимоотношений в ней. Вместе с тем в педагогике выделяют формы воспитательной работы, которых родители могут придерживаться и, возможно, которые стоит закрепить нормативно для того, чтобы родители и лица, их заменяющие, понимали, что именно им делать в ситуации передачи под их надзор несовершеннолетнего. К таким формам относятся беседа, наблюдение, реагирование на нарушения с применением наказания, использование поощрений за положительные результаты и достижения, вовлечение в занятия по интересам, моделирование проблемных ситуаций, использование критики, обучение конкретным социальным навыкам и воспитание успехом [2].

Возложение обязанности загладить причиненный вред. Эта мера применяется судом только в случае, если несовершеннолетний имеет источник дохода, иначе применение данной меры бессмысленно. Интересно в данном случае соотношение с наказанием

в виде штрафа, который за несовершеннолетнего могут выплатить родители при условии, что они согласны на это. Полагаем, в подобной ситуации исключается достижение целей наказания и нарушается принцип вины. Разумеется, родители в соответствии с семейным законодательством и морально-нравственными нормами должны заботиться о своем ребенке и оказывать ему помощь. Вместе с тем в данном случае ребенок достиг предусмотренного законом возраста уголовной ответственности и признан судом способным нести ответственность и наказание за совершенное деяние самостоятельно. Так в чем же смысл штрафа, если оплачивать его будет невиновное лицо? Надо полагать, что в воспитательном воздействии. Однако даже назначение меры воспитательного воздействия в виде наложения обязанности загладить причиненный вред не предполагает ее исполнение родителями виновного. Итак, решение о применении такой меры принимается судом с учетом наличия дохода у несовершеннолетнего. Контроль за исполнением возложенной обязанности осуществляется специализированным государственным органом – комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав. В соответствии с ч. 4 ст. 90 УК РФ комиссия может вынести представление об отмене данной меры и о направлении материалов в суд для решения вопроса об уголовной ответственности. Вместе с тем нигде не нашел отражения механизм заглаживания вреда.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Часть 4 ст. 91 УК РФ конкретизирует, какие именно запреты и требования могут устанавливаться и предъявляться несовершеннолетнему. Вместе с тем законодатель оговорился, что данный перечень открыт и по усмотрению суда могут быть установлены иные запреты и ограничения. Контроль за исполнением данных ограничений и соблюдением запретов также возложен на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Данная мера не вызывает вопросов, поскольку реализуется подростком самостоятельно под контролем родителей и вышеуказанной комиссии. Отменена она может быть в случае систематического ее невыполнения в соответствии с ч. 4 ст. 90 УК РФ. Понятие систематичности не нашло отражения в уголовном законе, но раскрывается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации: «...неоднократные (более двух раз) нарушения в течение назначенного судом срока применения принудительной меры воспитательного воздействия, которые были зарегистрированы в установленном порядке специализированным органом, осуществляющим контроль за поведением подростка» (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»). Вопрос состоит лишь в том, что не всегда все фактические нарушения избранной меры могут быть надлежащим образом зафиксированы, а прежде всего, выявлены.

Подводя промежуточный итог относительно принудительных мер воспитательного воздействия, можно заключить, что уголовно-правовая норма, закрепляющая их перечень, нуждается в корректировке, а разрозненные нормы, касающиеся реализации данных мер, требуют консолидации в УИК РФ, поскольку именно данный нормативный акт предполагает регламентацию реализации уголовно-правовых норм, нашедших отражение в решениях правоприменительных органов и предусматривающих деятельность, связанную с приведением в исполнение не только избранного наказания, но и других уголовно-правовых мер.

Принудительные меры медицинского характера. В соответствии со ст. 99 УК РФ принудительные меры медицинского характера различаются в зависимости от типа и условий избранного лечения:

- на принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях;
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа;
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа;
- принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Порядок исполнения данных мер частично регламентирован в различных нормативных документах. Так, принципы применения принудительных мер медицинского характера отражены в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», на основании которого осуществляется оказание медицинской помощи. Кроме того, ст. 13 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» посвящена принудительным мерам медицинского характера, однако особенностей механизма их реализации не раскрывает.

Статья 18 УИК РФ регламентирует порядок применения мер медицинского характера, но только к осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Порядок же применения принудительных мер медицинского характера к лицам, освобожденным судом от наказания или не подлежащим уголовной ответственности в силу невменяемости, устанавливается общими положениями, закрепленными в Законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Данный документ определяет недобровольный порядок помещения в организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

В Федеральном законе от 7 мая 2009 г. № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением» подробно регламентированы особенности деятельности сотрудников подразделений уголовно-исполнительной системы по обеспечению охраны указанных учреждений. Кроме того, порядок оказания медицинской помощи (в том числе психиатрической) лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, определен в соответствующем совместном приказе Минздравсоцразвития России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу».

Таким образом, механизм реализации принудительных мер медицинского характера заключен в разрозненных нормах документов различного уровня.

Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях. Может быть назначено как лицам, ограниченно вменяемым, так и невменяемым, но не представляющим опасности для себя и общества. Медицинское учреждение, где лицо будет проходить соответствующее наблюдение и лечение, определяется Министерством здравоохранения субъекта Российской Федерации. Наряду с вышеперечисленными документами очень важным в плане организации оказания психиатрической помощи соответствующим лицам является приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 566н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» (далее – приказ № 566н). Пункт 11 приложения к данному приказу содержит перечень медицинских организаций, которые оказывают психиатрическую помощь. Среди таковых на-

зван кабинет активного диспансерного наблюдения и принудительного лечения. Функции кабинета определены в приложении 7 к указанному приказу. Кроме того, приложения 8, 9 содержат квалификационные требования к сотрудникам кабинета, штатную численность и требования к оснащению кабинета.

Контроль за исполнением указанной меры возлагается на органы здравоохранения. В данном случае контролирующим органом будет выступать администрация соответствующей медицинской организации, где лицо проходит амбулаторное лечение. Лицо при этом проживает по месту жительства. И лишь в случае ухудшения психического состояния лица лечащий врач вправе инициировать освидетельствование, на основе результатов которого администрация медицинской организации ходатайствует перед судом об изменении принудительной меры медицинского характера на иную, предполагающую стационарное лечение.

Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа. Приказ № 566н не разделяет стационары на виды, называя их общим термином «психиатрическая больница». Разделение психиатрических стационаров на виды в соответствии с классификацией, приведенной в ст. 99 УК РФ, в отраслевых нормативных документах не проводится. Удивительно то, что приложение № 28 к приказу № 566н, регламентируя организацию деятельности психиатрических больниц и определяя их внутреннюю структуру, указывает, что в психиатрических больницах имеются отделения для принудительного лечения (в соответствии с предусмотренными законодательством видами принудительных мер медицинского характера), то есть, по сути, приказ снова отсылает нас к УК РФ. Анализируя нормы уголовного законодательства и законодательства в области здравоохранения, можно сделать вывод о том, что медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь, общего типа – это самая обычная психиатрическая больница, где проходят лечение как лица, совершившие противоправные деяния, так и обычные граждане, страдающие психическими расстройствами.

Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа. В данном случае место, куда направляется лицо, подлежащее лечению, не изменяется. Это все та же психиатрическая больница, однако отделение психиатрической больницы уже другое, и отличается оно от стационара общего типа лишь тем, что для лиц, проходящих лечение, устанавливается ряд ограничений. Исходя из отсутствия конкретных ограничений в изученных нами нормативных документах, приходим к выводу о том, что таковые устанавливаются внутренними организационными документами соответствующей медицинской организации. К числу таких ограничений могут быть отнесены:

- частичное ограничение на устное общение и переписку с близкими людьми, ограничение на посещение;
- полный и круглосуточный контроль за медицинским персоналом пациента;
- частичное ограничение на перемещение по территории частной психиатрической клиники;
- применение в лечении специальных методов лечения для более выраженного эффекта.

Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением. Определение психиатрического стационара в общем уголовно-правовом смысле предложено в Федеральном законе от 7 мая 2009 г. № 92-ФЗ: уч-

реждение здравоохранения, предназначенное для проведения по решению суда принудительного лечения лиц, совершивших деяния, предусмотренные Особой частью Уголовного кодекса Российской Федерации, в состоянии невменяемости, лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, если они по своему психическому состоянию представляют особую опасность для себя или других лиц и требуют постоянного интенсивного наблюдения. Определение интенсивного наблюдения предложено в этом же Федеральном законе: усиленное наблюдение за состоянием и поведением лиц, находящихся на принудительном лечении в психиатрическом стационаре, осуществляемое медицинским персоналом при содействии сотрудников подразделения охраны психиатрического стационара, в том числе с использованием технических средств.

Таким образом, уголовно-исполнительная составляющая принудительных мер медицинского характера состоит в наличии, отсутствии либо степени интенсивности применяемых к лицам, совершившим противоправные деяния, мер контроля в ходе принудительного лечения. Полагаем, во избежание путаницы в нормах, регламентирующих порядок реализации принудительных мер медицинского характера, а также в целях их упорядочения и облегчения для восприятия правоприменителем следует объединить основные положения в УИК РФ, не ограничиваясь в нем лишь принудительными мерами медицинского характера, применяемыми к осужденным.

Менее сложно, чем с предыдущими видами иных мер уголовно-правового характера, решается вопрос о порядке исполнения конфискации имущества. Данный вопрос урегулирован одним нормативным актом – Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Имущество, подлежащее конфискации, определено в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Порядок исполнения исполнительного документа о конфискации имущества определен в ст. 104 Федерального закона «Об исполнительном производстве», причем достаточно подробно, в связи с чем дополнительная правовая регламентация не требуется. Вместе с тем с целью унификации подхода к исполнению всех уголовно-правовых норм считаем необходимым внести соответствующую бланкетную норму в УИК РФ.

Аналогичным образом, на наш взгляд, следует решить вопрос о регламентации механизма исполнения судебного штрафа, поскольку последний нашел отражение в ст. 103.1 УК РФ.

Выводы

Подводя итог, попытаемся отразить собственное видение норм УК РФ и УИК РФ, касающихся проблемных вопросов регламентации механизма реализации иных мер уголовно-правового характера.

Возвращаясь к вопросу о содержании принудительных мер воспитательного воздействия и включении в их состав помещения несовершеннолетнего в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, предлагаем дополнить ст. 90 УК РФ частью 21 следующего содержания:

«21. К несовершеннолетнему, совершившему преступление средней тяжести или тяжкое преступление и освобожденному от наказания, может быть применена принудительная мера воспитательного воздействия в виде помещения в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.»

С целью упрощения процедуры определения порядка исполнения иных мер уголовно-правового характера предлагаем законодателю рассмотреть возможность внесения

изменений в УИК РФ, дополнив его разделом IX «Исполнение иных мер уголовно-правового характера» в следующей редакции:

«Раздел IX. Исполнение иных мер уголовно-правового характера

Глава 25. Исполнение принудительных мер воспитательного воздействия

Статья 191. Порядок исполнения предупреждения

1. Предупреждение выносится судом в зале судебных заседаний. Несовершеннолетнему разъясняется общественная опасность и вред совершенного им деяния, последствия совершения преступлений. Судом могут быть даны рекомендации, касающиеся поведения несовершеннолетнего, в целях формирования у него активной гражданской позиции и уважения к закону.

2. Предупреждение влечет за собой постановку несовершеннолетнего на профилактический учет в органе исполнительной власти в сфере внутренних дел по месту жительства несовершеннолетнего.

Статья 192. Порядок исполнения передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа

1. Несовершеннолетний, к которому применена мера в виде передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, проживает совместно с указанными лицами, неукоснительно выполняя их законные требования к поведению несовершеннолетнего, соблюдению им распорядка дня, ведению законопослушного образа жизни.

2. К мерам воспитательного воздействия, которые могут быть применены к несовершеннолетнему, относятся профилактические беседы, наблюдение за поведением несовершеннолетнего и его корректировка по результатам наблюдения, совместное проведение досуга, направленное на формирование у несовершеннолетнего активной гражданской позиции, законопослушного поведения, здорового образа жизни, общественно полезных целей своей деятельности, уважения к обществу и общественным ценностям.

3. Несовершеннолетний, к которому применена мера в виде передачи под надзор специализированного государственного органа, проживает по месту жительства, неукоснительно выполняя законные требования указанного органа к поведению несовершеннолетнего, соблюдению им распорядка дня, ведению законопослушного образа жизни.

4. Обязанности специализированного государственного органа по осуществлению надзора за несовершеннолетним регламентируются федеральным законодательством.

Статья 193. Порядок исполнения обязанности загладить причиненный вред

Несовершеннолетний обязан загладить причиненный вред в максимально короткий срок со дня вступления решения суда в законную силу. Срок определяется с учетом характера причиненного вреда, имущественного положения несовершеннолетнего, наличия объективной возможности исполнения данной меры.

Статья 194. Порядок исполнения ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего

Ограничение досуга и соблюдение требований к поведению осуществляется несовершеннолетним самостоятельно под наблюдением родителей или лиц, их заменяющих.

Статья 195. Контроль за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия

1. Контроль за несовершеннолетним в рамках профилактического учета как последствия принудительной меры воспитательного воздействия в виде предупреждения осуществляется ответственным сотрудником соответствующего подразделения органа

исполнительной власти в сфере внутренних дел и регламентируется ведомственными нормативными актами.

2. Контроль за исполнением принудительной меры воспитательного воздействия в виде передачи под надзор родителей или лиц, их заменяющих, возлагается на соответствующее подразделение органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и регламентируется ведомственными нормативными актами.

3. Специализированным государственным органом, на который может быть возложена обязанность по надзору за несовершеннолетним, является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, осуществляющая свою деятельность в соответствии с федеральным законодательством.

4. Контроль за исполнением принудительной меры воспитательного воздействия в виде возложения обязанности загладить причиненный вред осуществляется специализированным государственным органом – комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав.

5. Контроль за соблюдением возложенных ограничений по проведению досуга и требований к поведению несовершеннолетнего осуществляется специализированным государственным органом – комиссией по делам несовершеннолетних.

Глава 26. Исполнение принудительных мер медицинского характера

Статья 196. Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера

1. Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, применяемых к лицам, осужденным за совершение преступления и отбывающим наказание в исправительных учреждениях, регламентирован статьей 18 настоящего Кодекса.

2. Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, применяемых к лицам, освобожденным судом от наказания или не подлежащим уголовной ответственности в силу невменяемости, определяется федеральным законодательством в сфере оказания психиатрической помощи гражданам.

3. Вид медицинской организации, в которую будет направлено лицо, определяется органом исполнительной власти в сфере здравоохранения.

4. С целью обеспечения безопасности при реализации принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением органом исполнительной власти в сфере исполнения наказаний в соответствии с федеральным законодательством осуществляется охрана соответствующей медицинской организации.

Статья 197. Контроль за исполнением принудительных мер медицинского характера

1. Контроль за исполнением принудительных мер медицинского характера осуществляется органом исполнительной власти в сфере здравоохранения.

2. Контроль за надлежащим обеспечением возможности применения принудительных мер медицинского характера в исправительных учреждениях осуществляется администрацией соответствующего исправительного учреждения.

Глава 27. Исполнение конфискации имущества и судебного штрафа

Статья 198. Порядок исполнения конфискации имущества и судебного штрафа

1. Конфискация имущества осуществляется в соответствии с федеральным законодательством органами принудительного исполнения.

2. Судебный штраф оплачивается лицом, освобожденным от уголовной ответственности, самостоятельно в установленные законодательством об исполнительном производстве сроки.

Статья 199. Контроль за исполнением конфискации имущества

Контроль за исполнением конфискации имущества и оплатой судебного штрафа осуществляется органами принудительного производства».

Предложенный проект раздела, на наш взгляд, позволит сориентировать правоприменителя по нормативным актам, к которым ему следует обратиться, тем самым упростит правоприменительную деятельность. Кроме того, отдельные положения указанного проекта раздела восполнят отдельные пробелы в законодательстве.

Библиографический список

1. Осадчая О. М. Принудительные меры воспитательного воздействия в Уголовном кодексе Российской Федерации среди способов государственного реагирования на преступления несовершеннолетних // Концепт. 2015. № 3. С. 1–8.

2. Микаелян А. А. Организация индивидуальной воспитательной работы. URL : <https://urok.1sept.ru/articles/413989> (дата обращения: 03.11.2020).

УДК 343.85

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.101-106

СТАНИСЛАВ СТАНИСЛАВОВИЧ ЕПИФАНОВ,

доктор юридических наук, доцент,

профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0003-4560-260,

e-mail: ess-rzn@mail.ru

СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ ПОСРЕДСТВОМ НЕЗАКОННОГО ПРИМЕНЕНИЯ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

Для цитирования

Епифанов, С. С. Система предупреждения преступлений, совершаемых осужденными посредством незаконного применения мобильной связи (криминологический и уголовно-исполнительный аспекты) / С. С. Епифанов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 101–106. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.101-106.

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью повышения результативности системы специально-криминологических и иных мер предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях посредством незаконного применения мобильной сотовой связи. Результаты проведенных исследований указывают на имеющуюся криминальную активность осужденных в подготовке и осуществлении противоправных деяний, создающих угрозы криминологической безопасности в исправительных учреждениях. Незаконное использование средств мобильной связи в криминальных целях развивается параллельно с научно-техническим прогрессом общества, перерастает в межведомственную проблему, требует адекватных мер реагирования по недопущению совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, нейтрализации причин и условий, способствующих данным деяниям в исправительных учреждениях. По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что на основании норм статей 83, 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации представляется законным и допустимым гласное режимное применение в исправительных учреждениях специальных технических средств для получения информации о номерах SIM-карт, идентификационных номерах сотовых телефонов, незаконно используемых на режимной территории. Получение информации о номерах

© Епифанов С. С., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

SIM-карт и идентификационных номерах мобильных телефонов путем применения в пределах территории исправительного учреждения технических средств радиопоиска имеет социально значимую цель – обеспечение правопорядка и безопасности, выявление и пресечение противозаконного функционирования мобильного информационно-телекоммуникационного оборудования.

Ключевые слова: исправительные учреждения, средства мобильной связи, система предупреждения преступлений, специально-криминологические меры, средства предупреждения преступлений.

В криминологии реализация мер предупреждения связана с недопущением конкретных преступлений, устранением (блокированием) влияния криминогенных факторов. К числу таких общих факторов можно отнести упущения в режимной деятельности исправительных учреждений, недостатки в организации трудовой занятости лиц, отбывающих наказание, слабую результативность надзора, недостатки в оперативно-розыскной и профилактической работе. Совершение осужденным нового преступления, да еще и с применением мобильных информационно-телекоммуникационных средств, в период пребывания в исправительном учреждении свидетельствует о том, что назначенное наказание не выполнило своего предназначения. В этом смысле можно говорить о неэффективности исполнения наказания, недостаточности общепредупредительного и частнопредупредительного воздействия. Вместе с тем актуальные вопросы повышения эффективности борьбы с незаконным использованием осужденными мобильного информационно-телекоммуникационного оборудования приобрели характер межотраслевой, междисциплинарной научной проблемы, решение которой связано с выполнением задач комплексного научного исследования криминологических, правовых, организационно-методических мер, практической реализацией новых подходов к использованию технических средств и информационных технологий.

Следует отметить, что нами проводилась научно-исследовательская работа, направленная на разработку и внедрение практических рекомендаций в рамках совершенствования методов деятельности по предупреждению мошенничества осужденных, совершаемого с использованием мобильных сотовых телекоммуникационных устройств. Проведенное исследование показало, что совершение преступления путем несанкционированной эксплуатации аппаратов сотовой связи происходит вследствие:

- существования каналов поставки осужденным указанных средств, ненадлежащей режимной и оперативно-профилактической работы по их пресечению, неэффективности обысково-досмотровых мер, особенно по обнаружению SIM-карт, тайников с мобильными устройствами, несанкционированными розетками для зарядки аккумуляторов;
- упущений в режимной деятельности, недостатков в организации занятости лиц, отбывающих наказание, слабой результативности надзора;
- низкого эффекта от использования радиоблокираторов, отсутствия стационарной и переносной техники для обнаружения полупроводниковых электронных средств;
- недостатков в оперативно-розыскной деятельности, проведении оперативно-предупредительной работы и др.

Очевидно, что для предупреждения преступлений, совершаемых осужденными посредством незаконного применения мобильных устройств, большое значение имеет оказание на данных субъектов своевременного корректирующего воздействия и недопущение этими лицами криминальных действий. Индивидуальное превентивное анти-

криминогенное воздействие должно быть оперативным в принятии мер реагирования на начавшееся преступное поведение. В случаях, когда те или иные обстоятельства возникают внезапно либо не были своевременно выявлены, должны приниматься незамедлительные меры к их устранению.

На основе анализа криминологической обстановки необходимо разработать мероприятия, направленные на повышение уровня предупредительной работы, устранение выявленных негативных процессов и явлений, способствующих совершению рассматриваемых правонарушений. В области укрепления режима нужно сосредоточить внимание на недопущении проникновения мобильного оборудования к осужденным. Для этого необходимо усилить изоляцию между производственной и жилой зонами, повысить выявляемость мобильных устройств и SIM-карт при осуществлении обысков осужденных, как общих, так и выборочных, улучшить результативность в пресечении перебросов сотовых телефонов, выявлять и пресекать их доставку через квадрокоптеры, оборудовать в уязвимых местах заградительные устройства. В этих целях необходимо постоянно внедрять в практику предупредительной деятельности соответствующие технические средства, совершенствовать методику реализации оперативно-профилактических мероприятий, улучшить работу по установлению осужденных, имеющих умысел на подготовку и совершение преступлений посредством незаконного применения мобильной связи, с постановкой их на профилактический учет. При этом следует дифференцировать исправительно-воспитательное воздействие на основе изучения личности осужденных, повысить уровень индивидуальной воспитательной работы, особенно со злостными нарушителями режима, применяя методы как убеждения, так и принуждения. Требуется оптимальное сочетание воспитательных и специальных оперативно-розыскных средств профилактики.

Система мероприятий по предупреждению преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях посредством незаконного применения мобильной сотовой связи, включает в себя комплекс мер воспитательного, режимного, организационного, технического и оперативно-розыскного характера. К профилактическим мерам воспитательного характера можно отнести беседы, лекции, наглядную информацию для осужденных о неотвратимости наказания, об ответственности за приобретение, хранение, использование средств мобильной связи и административной ответственности родственников за передачу указанных запрещенных предметов, о фактах успешного раскрытия преступлений осужденных, приговорах суда по уголовным делам, назначенных при этом наказаниях по совокупности приговоров к длительным срокам. Важной профилактической мерой является правильная дисциплинарная практика. Не следует допускать случаев безнаказанности осужденных, мера наказания должна соответствовать тяжести проступка. Положительный результат может дать работа по укреплению социальной связи с родственниками осужденных, использованию их влияния.

С персоналом исправительных учреждений проводится разъяснительная работа о недопустимости вступления в неслужебные связи с осужденными. Вновь принятые сотрудники под подпись предупреждаются о недопустимости вступления в неслужебные связи с осужденными. Рекомендуется психологическое тестирование с целью выявления психологических особенностей и степени склонности сотрудника к вступлению в неслужебные связи с осужденными. С данными сотрудниками дополнительно проводится индивидуально-воспитательная работа. Целесообразны систематические публикации в средствах массовой информации региона (в том числе телевидение, радио, Интернет) сведений о вскрытых и пресеченных фактах незаконного применения осужденными

мобильной сотовой связи, наказаний за содеянное, в том числе наказаний за доставку этих запрещенных средств осужденным.

Должны быть приняты меры по недопущению (предотвращению, пресечению) поступления к осужденным средств мобильной связи. Профилактические меры режимного и организационного характера предусматривают: проведение общих обысков, исключение безнадзорного передвижения осужденных по территории исправительного учреждения; выявление действий, выраженных в незаконном хранении запрещенных предметов, включая средства сотовой связи; круглосуточные досмотры транспорта и всех лиц, входящих на территорию исправительного учреждения; тщательный досмотр содержимого посылок и передач, поступающих к осужденным, на наличие запрещенных предметов, в том числе средств мобильной связи, и др. Персоналу исправительных учреждений целесообразно изучение ухищрений, применяемых осужденными и иными лицами для хранения и доставки средств мобильной связи. Необходимо использовать данную информацию при проведении инструктажей сотрудников, заступающих на дежурство, а также в системе служебной подготовки персонала. Требуется повышение профессионального мастерства сотрудников, обучение их передовым формам и методам работы по результатам анализа и обобщения практики, изучение научных рекомендаций и методик по данной проблематике.

Успешность функционирования системы предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях посредством незаконного применения мобильной сотовой связи, немыслима без глубокого знания и правильной оценки криминологической обстановки [1, с. 5–7], повседневного анализа причин и факторов, влияющих на ее изменение, и надлежащего реагирования на сигналы о правонарушениях, в том числе поступающих от субъектов как внутреннего (структурные подразделения), так и внешнего (правоохранительные органы, учреждения связи) взаимодействия.

Предупредительную работу следует ориентировать на осуществление контроля за поведением лиц, склонных к совершению преступлений посредством незаконного применения мобильной сотовой связи, своевременное выявление преступных замыслов осужденных за счет развития оперативно-розыскных возможностей и материально-технической базы. Оперативное обслуживание объектов является самостоятельным направлением в реализации системы предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях посредством незаконного применения мобильной сотовой связи. От правильной организации и тактически грамотного проведения оперативного обслуживания зависит результативность системы предупреждения. Своевременное обнаружение признаков замаскированных преступных деяний, выявление конкретного лица, заподозренного в преступлении, совершенном в условиях неочевидности, посредством незаконного применения мобильных устройств, обуславливает необходимость получения определенного минимума сведений для осуществления надлежащих мероприятий. Получение указанных сведений обеспечивается путем использования оперативно-розыскных методов, сил и средств. В силу различных факторов в одних случаях поступившие сведения оказываются недостаточными, неполными для принятия определенного решения, что, естественно, требует их дополнения или уточнения, в других – вызывает сомнение достоверность использованной поступившей информации, а следовательно, исключается возможность реализации поступившей информации без ее проверки. Требуются проверенные фактические данные для уточнения субъекта и характера деяния, поведения лица, степени социальной опасности. Практика показывает, что лица, склонные к совершению указанных преступлений, не

только не высказывают своих намерений продолжать преступную деятельность, но и стремятся убедить окружающих в том, что никаких преступных намерений у них нет. В связи с этим успех предупреждения зависит от оперативного выявления субъектов, имеющих намерения совершения преступлений посредством мобильного информационно-телекоммуникационного оборудования, готовящихся либо уже подготовившихся к их совершению.

В криминологическом аспекте необходимо разработать и внедрить в практику научно обоснованную методику диагностирования личности осужденных, склонных к совершению преступлений посредством незаконного применения мобильной сотовой связи, и систему комплексного воспитательно-предупредительного воздействия с учетом особенностей типологии личности. Использование криминологических структурированных данных в ориентации оперативно-розыскных сил и средств на выявление указанных лиц дает позитивные результаты, способствует своевременному реагированию на поступающую информацию о криминальных умыслах, не допуская их перерастание в преступные проявления. Оценка полученных сведений о личности дает возможность своевременно предположить вероятное поведение, упредить его противоправные намерения.

Технические методы основаны на применении инженерно-технических средств и специальной техники для выявления наличия аппаратуры сотовой связи и их комплекующих, пресечения канала доставки указанных запрещенных предметов осужденным, подавления сигналов сотовой связи. Большое значение имеет организация взаимодействия исправительных учреждений с операторами компаний сотовой связи, функционирующих в регионе. В результате налаженного взаимодействия обеспечивается возможность предоставления операторами сотовой связи оперативному отделу информации об активных SIM-картах и мобильных телефонах, работающих в местах дислокации исправительных учреждений, и ограничения их пользования путем приостановления оказания услуг связи.

Специальные, инженерно-технические, иные средства выполняют вспомогательную, обеспечивающую функцию. Их надлежащее применение создает условия для качественного решения задачи предупреждения преступлений. Внедрение научно-технических средств для обеспечения предупредительной деятельности подразумевает эффективную реализацию в профилактической работе информации о поведении осужденных, поступающей с данных средств. Указанное обуславливает организацию не формальной (в том числе в количественном отношении), а действенной научно-технической системы для выявления, предотвращения, пресечения преступлений, совершаемых путем незаконного применения осужденными мобильного информационно-телекоммуникационного оборудования, и для этого требуется постоянное решение научных, организационных, правовых, кадровых, методологических вопросов оптимального применения системы научно-технического обеспечения предупредительной работы.

Однако указанная проблема в рамках пенитенциарной криминологии недостаточно проработана. В большинстве изданий по криминологии, а также учебнике по пенитенциарной криминологии отсутствуют главы о применении научно-технических средств в предупреждении пенитенциарной преступности, в том числе в целях недопущения криминального использования осужденными мобильного информационно-телекоммуникационного оборудования. С одной стороны, эти вопросы справедливо отдаются на рассмотрение криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, других прикладных наук, с другой – представляется достаточно сложным обосновать в теории самостоятельное криминологическое направление, основанное на применении научно-

технических средств и методов в предупреждении преступлений в уголовно-исполнительной системе. Кроме того, это неизбежно обусловит выход за пределы предмета криминологии. Дело в том, что научно-технические средства в учреждениях уголовно-исполнительной системы в общем случае применяются для предупреждения и раскрытия не только преступлений, но и иных правонарушений: нарушений установленного порядка отбывания наказания, режима, административных правонарушений, дисциплинарных проступков.

В рамках предмета пенитенциарной криминологии научно-технический метод, его применение следует воспринимать как прогрессивный способ предупреждения рассматриваемых преступлений в системе исполнения наказаний. Регламентируемые Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (УИК РФ) возможности использования технических средств в предупреждении преступлений обеспечивают антикриминогенное воздействие на осужденных и расширяют возможности реализации средств сбора, фиксации, хранения, обработки информации в отношении профилактируемых лиц. Научно-технические методы должны изучаться и активно применяться в предупреждении преступлений, совершаемых путем незаконного использования осужденными мобильного информационно-телекоммуникационного оборудования, предусматривать рациональное использование радиоблокираторов с регулируемым и направленным (внутри территории учреждения) радиусом действия, позволяющих свести к минимуму места использования мобильной связи на объектах учреждения уголовно-исполнительной системы, усиленный надзор и видеоконтроль нахождения осужденных в данных местах, а также активное внедрение новых, прогрессивных средств.

Получение информации о незаконно находящихся у осужденных SIM-картах и сотовых телефонах является одной из важных и актуальных задач по обеспечению режима в исправительных учреждениях. Это связано с необходимостью своевременного выявления и пресечения использования осужденными запрещенных предметов.

Получение информации о номерах SIM-карт, а также идентификационных номерах (IMEI) мобильных телефонов, которыми незаконно пользуются осужденные, содержащиеся в исправительных учреждениях, не может рассматриваться как ограничение осужденных, поскольку они не имеют права пользоваться мобильным информационно-телекоммуникационным оборудованием.

На основании норм ст. 83, 84 УИК РФ представляется законным и допустимым гласное режимное применение в исправительных учреждениях специальных технических средств для получения информации о номерах SIM-карт, IMEI сотовых телефонов, незаконно используемых на режимной территории. Получение информации о номерах SIM-карт и идентификационных номерах мобильных телефонов путем применения в пределах территории исправительного учреждения технических средств радиопоиска имеет социально значимую цель – обеспечение правопорядка и безопасности, выявление и пресечение противозаконного функционирования мобильного информационно-телекоммуникационного оборудования.

Библиографический список

1. Горяинов К. К. Теория и практика познания криминологической обстановки : дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функцию автореферата. М., 1991. 64 с.

УДК 343.852:343.819.1

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.107-111

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ОВСЯННИКОВ,

доктор юридических наук, доцент,

главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0003-4226-5958,

e-mail: ivover@mail.ru

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО ПОД СТРАЖУ И НАПРАВЛЕНИЯ В КОЛОНИЮ-ПОСЕЛЕНИЕ ПОД КОНВОЕМ

Для цитирования

Овсянников, И. В. Об обстоятельствах, необходимых для заключения осужденного под стражу и направления в колонию-поселение под конвоем / И. В. Овсянников // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 107–111. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.107-111.

Аннотация. В статье рассматриваются предусмотренные уголовно-исполнительным законом обстоятельства, наличие которых позволяет суду принять решение о заключении осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении под стражу и направлении его в колонию-поселение под конвоем: уклонение осужденного от следствия или суда, нарушение им меры пресечения. Констатируется неясность и лаконичность закона в этой части; формулируется и анализируется вызванная этим проблема понимания того, в какой период или на какой стадии уголовного судопроизводства должны существовать указанные обстоятельства, чтобы они могли повлечь за собой правовое последствие в виде судебного решения о направлении осужденного в колонию-поселение под конвоем. Отмечается, что до постановления судом приговора обвиняемый осужденным не является. В связи с этим обосновывается возможность и необходимость в рассматриваемом случае расширительного (распространительного) толкования закона и такого его понимания, согласно которому следует учитывать негативное поведение осужденного (уклонение от следствия или суда, нарушение меры пресечения) не на стадии исполнения приговора, а в период производства по уголовному делу до постановления судом приговора. Наличие или отсутствие обстоятельств, необходимых для заключения осужденного под стражу и его направления в колонию-поселение под конвоем, суд, постановляющий обвинительный приговор, может установить на основании исследования документов и иных доказательств, которые имеются в материалах уголовного дела. Приводятся

© Овсянников И. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

примеры из современной судебной практики. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного закона.

Ключевые слова: осужденный, заключение под стражу, направление в колонию-поселение под конвоем, уклонение от следствия или суда, нарушение меры пресечения.

По общему правилу осужденный к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении должен следовать туда за счет государства, но самостоятельно (ч. 1, 2 ст. 75.1 УИК РФ). В то же время в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ предусмотрены три случая, когда этот осужденный по решению суда может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75, 76 УИК РФ. Такими случаями являются следующие обстоятельства:

- 1) уклонение осужденного от следствия или суда;
- 2) нарушение осужденным меры пресечения;
- 3) отсутствие у осужденного постоянного места жительства на территории Российской Федерации.

Для заключения осужденного под стражу и направления его в колонию-поселение под конвоем необходимо установить хотя бы одно из трех указанных обстоятельств. Однако особенности использованной законодателем языковой формы и лаконичность нормы, закрепленной в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ, затрудняют точное и единообразное понимание правоприменителями ее смысла. Так, в уголовно-исполнительном законе не раскрывается понятие «уклонение от следствия или суда», в связи с чем не вполне ясно, что следует понимать под таким уклонением. В научной литературе справедливо отмечается, что в процессе толкования особые трудности обусловлены недостатками законодательной техники, пробелами в праве, несовершенством законодательства, юридическими коллизиями, отсутствием точного, понятного языка нормативного акта, то есть причинами, вызванными противоречием между словесной формой нормы и ее содержанием [1].

Одна из проблем, связанных с закрепленной в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ нормой, заключается в следующем: из содержания этой нормы не вполне понятно, в какой период или на каком этапе или стадии уголовного судопроизводства идет речь о негативном поведении осужденного (о его уклонении от следствия или суда и нарушении им меры пресечения). Дело в том, что в уголовно-процессуальном законе осужденным именуется обвиняемый, в отношении которого уже вынесен обвинительный приговор (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). При этом одной из целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является исправление осужденных (ч. 1 ст. 1 УИК РФ), а одной из его задач – регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний (ч. 2 ст. 1 УИК РФ). Кроме того, ст. 75.1 находится в гл. 11 УИК РФ «Общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы». Однако после вступления приговора в законную силу логичнее говорить об уклонении осужденного не от следствия или суда, а от отбывания наказания, что предусмотрено в ч. 2 ст. 83 УК РФ.

Попытка буквального толкования закрепленной в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ нормы закона приводит к выводу о том, что законодатель говорит об уклонении от следствия или суда лица, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, причем этот приговор уже вступил в законную силу и подлежит исполнению, а также о нарушении этим лицом меры пресечения на стадии исполнения приговора. В связи с этим В. В. Николюк, анализируя данную норму, подвергает ее обоснованной критике с позиций законодательной техники и считает правовой фикцией [2].

С учетом изложенного имеет право на существование и другое понимание нормы, закрепленной в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ, возможное при ее не буквальном, а несколько расширительном (распространительном) толковании. Можно предположить, что в этой норме законодатель говорит о негативном поведении осужденного (о его уклонении от следствия или суда и нарушении им меры пресечения) не на текущей стадии исполнения вступившего в силу приговора, а в прошлом – в ходе производства по уголовному делу до постановления судом приговора, хотя до постановления судом приговора обвиняемый осужденным еще не является.

В пользу такого толкования и понимания говорит то обстоятельство, что при назначении осужденному отбывания лишения свободы в колонии-поселении уголовно-процессуальный закон предписывает суду указать в резолютивной части обвинительного приговора в том числе решение о порядке следования этого осужденного к месту отбывания наказания (п. 11 ч. 1 ст. 308 УПК РФ). В п. 19 ранее действовавшего постановления от 29 октября 2009 г. № 20 Пленум Верховного Суда РФ разъяснял судам, что в случае, если осужденному назначено отбывание лишения свободы в колонии-поселении, в резолютивной части приговора суд должен указать, в частности, свое решение об этом порядке: надлежит ли осужденному следовать к месту отбывания наказания в порядке, предусмотренном ч. 1, 2 ст. 75.1 УИК РФ (самостоятельно за счет государства), или под конвоем, то есть принять решение о конкретном порядке следования суд должен уже при постановлении приговора, хотя на этапе постановления приговора обвиняемый является лишь подсудимым, но еще не осужденным (ч. 2 ст. 47 УПК РФ). В связи с этим отметим, что и ст. 75.1 УИК РФ, и п. 11 ч. 1 ст. 308 УПК РФ введены федеральным законом от 22 декабря 2008 г. № 271-ФЗ, причем в пояснительной записке, содержащейся в паспорте проекта федерального закона № 489055-4 (внесен депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации О. И. Аршбой, В. А. Васильевым, А. М. Розуваном), инициаторы этих нововведений обосновывают целесообразность самостоятельного следования в колонию-поселение тех осужденных, которые не содержались под стражей до вынесения приговора, и необходимость направления в колонию-поселение под конвоем тех осужденных, которые до вынесения приговора содержались под стражей. В этой же пояснительной записке указывается, что суд может вынести решение о заключении осужденного под стражу, «если осужденный не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, скрывался от органов предварительного расследования или от суда, им была нарушена избранная мера пресечения, а также с учетом его личностных характеристик», и резюмируется: «Таким образом, положения законопроекта о самостоятельном следовании в колонию-поселение предлагается распространить на наиболее законопослушную часть осужденных, в отношении которых отсутствуют основания предполагать, что они уклоняются от отбывания наказания» [3].

Следовательно, авторы законопроекта ставят принятие судом решения о порядке следования осужденного в колонию-поселение в зависимость, в частности, от поведения осужденного в прошлом до вынесения приговора, в том числе в период производства предварительного расследования. Наличие или отсутствие обстоятельств, необходимых для заключения осужденного под стражу и его направления в колонию-поселение под конвоем, суд, постановляющий обвинительный приговор, может установить на основании исследования документов и иных доказательств, которые имеются в материалах уголовного дела.

Предлагаемое толкование и понимание нормы, закрепленной в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ, используется и в судебной практике. Так, по приговору Мазановского районного суда Амур-

ской области Ф. назначено отбывание наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении, отменена избранная в отношении ее мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, осужденная взята под стражу. Амурский областной суд этот приговор изменил, исключил указание суда об отмене ранее избранной меры пресечения о взятии под стражу в зале суда, указал о следовании осужденной Ф. в колонию-поселение самостоятельно. Мотивируя свое решение, Амурский областной суд указал, что «Ф. до постановления приговора под стражей не содержалась, данных о ее уклонении от следствия и суда, о нарушении ею ранее избранной в отношении ее меры пресечения – подписки о невыезде и надлежащем поведении или отсутствии у нее постоянного места жительства на территории Российской Федерации, в материалах дела не содержится» (кассационное определение Амурского областного суда от 12 января 2012 г. по делу № 22-2545/11).

Приговором Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга К. А. Г. назначено 2 года лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, мера пресечения изменена с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу, он взят под стражу в зале суда. Свердловский областной суд подтвердил правильность назначения осужденному К. А. Г. отбывания наказания в колонии-поселении, но приговор изменил, отменил меру пресечения в виде заключения под стражу, освободил К. А. Г. из-под стражи и, сославшись на положения ч. 2, 4 ст. 75.1 УИК РФ, указал: «Однако, суд, не приняв во внимание, что К. А. Г. имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, отсутствие в материалах уголовного дела сведений о том, что он уклонялся от следствия и суда, нарушал меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, без мотивировки принятого решения изменил осужденному меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу» (апелляционное постановление Свердловского областного суда от 3 июля 2018 г. по делу № 22-4814/2018).

В обзоре кассационной практики Верховного Суда Республики Коми указано: «Р. осужден по ч. 1 ст. 166, ст. 70 УК РФ на 1 год 6 месяцев лишения свободы в колонии-поселении. Мера пресечения осужденному изменена с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу. Судебной коллегией приговор в части изменения меры пресечения осужденному отменен с немедленным освобождением Р. из-под стражи. Из материалов дела следует, что Р. ранее избранную меру пресечения не нарушал, от следствия и суда не уклонялся, имеет постоянное место жительства и при таких обстоятельствах в соответствии с положениями ч. 2 ст. 75.1 УИК РФ осужденный в колонию-поселение должен следовать самостоятельно» (обзор кассационной практики Верховного Суда Республики Коми по уголовным делам за сентябрь 2010 г.).

Таким образом, если понимание закрепленной в ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ нормы, согласно которому в ней идет речь о негативном поведении осужденного не после постановления приговора, а ранее – в период до постановления приговора, правильно отражает волю законодателя, то можно предложить законодателю уточнить формулировку данной нормы, чтобы она стала более ясной и определенной.

Библиографический список

1. Беляева О. М. Понятие и сущность толкования права // Российская юстиция. 2012. № 10. С. 35–37.

2. Николук В. В. Особенности рассмотрения судом вопроса о заключении под стражу осужденного, уклоняющегося от прибытия в колонию-поселение // Уголовное право. 2015. № 4. С. 93–99.

3. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части порядка направления осужденных в колонию-поселение) : паспорт проекта федерального закона № 489055-4 (внесен депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации О. И. Аршбой, В. А. Васильевым, А. М. Розуваном) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.232

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.112-122

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ИЛИДЖЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного права,
административной деятельности и управления ОВД,
Казанский юридический институт МВД России,
г. Казань, Российская Федерация,
e-mail: ilidsasha@yandex.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОСОБНИКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Илиджев, А. А. Преступления пособника и их отражение в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А. А. Илиджев // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 112–122. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.112-122.

Аннотация. В статье исследуется юридическая природа пособничества, проводится сравнительно-правовой анализ положений Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующих институт пособничества и составов преступлений, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, которые могут представлять собой преступления пособника. Цель исследования – разработка различных элементов теоретико-правовой модели пособничества в уголовном праве и предложений по совершенствованию практики их реализации. В качестве объекта исследования выступает институт пособничества как уголовно-правовая конструкция. Методика исследования основывается на диалектическом методе познания. При решении определенных задач используются и другие исследовательские методы, в частности сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, лингвистический. Констатируется, что местом отражения преступлений пособника является не только Общая, но и Особенная часть уголовного закона. Критически оценивается существующая в теории уголовного права классификация пособничества на интеллектуальное и физическое. В данном случае разграничивается лишь пособническое содействие совершению преступления, но не пособническое обещание. При определении пределов, в которых допустимо содействие, подчеркивается, что содействие совершению преступления, как и пособнические обещания, возможны только до его фактического окончания. С учетом анализа положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также разъяснений по вопросам судебной практики в этой области исследуются

© Илиджев А. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

пособнические обещания как разновидность исключительно интеллектуального пособничества с учетом их различий по характеру действия и предмету приложения. При определении юридической природы пособничества отмечается, что перечень пособнических действий, содержащийся в части 5 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации, является исчерпывающим. В то же время подчеркивается, что содействие и дача обещаний в некоторых случаях (статьи 110.1, 230.1, 233, 275, 276 Уголовного кодекса Российской Федерации) криминализованы в качестве самостоятельных преступлений, совершаемых вне соучастия. При определении диалектической взаимосвязи между положениями Общей части, раскрывающими пособнические действия, и статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации отмечается, что в случае их отражения в последней с юридической точки зрения они должны признаваться преступлениями исполнителя, но фактически являются преступлениями пособника и никакого отношения к собственно преступлениям пособника не имеют. С учетом различных взглядов в теории уголовного права приводится авторское определение фактического преступления пособника. При решении вопроса об отнесении деяния к фактическому преступлению пособника предлагается использовать метод мысленного исключения соответствующих предписаний из уголовного закона. Применение данного метода продемонстрировано на примере составов преступлений, содержащихся в части 1 статьи 173.2, частях 1 и 2 статьи 185.6, частях 1, 1.1 и 3 статьи 205.1, части 1 статьи 234, части 1 статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые, на наш взгляд, представляют собой исчерпывающий перечень вариантов отражения фактических преступлений пособника в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: пособник, соучастие в преступлении, содействие, фактическое преступление, исполнитель.

Несмотря на то что в системе уголовного законодательства местом отражения преступлений пособника является Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), в литературе подчас утверждается, что это делается и в Особенной части. Так, Н. Д. Эриашвили называет ст. 127.1, 205 УК РФ; С. А. Ершов – ст. 127.1, 173.2, 185.6, 205.1, 208, 232, 241, 275, 291.1, 359; М. А. Саблина – ст. 127.1, 141.1, 184, 204.1, 205.1, 212, 232, 233, 241, 282.3, 291.1, 327 и 359; А. В. Липезин – ст. 173.2, 185.6, 205.1, 234, 238 УК РФ [15, с. 90; 7, с. 10; 16, с. 11; 12, с. 317]. Для выяснения вопроса, имеются ли в Особенной части УК РФ деяния, могущие быть признанными преступлениями пособника, необходимо исследовать, что собой представляет пособничество.

На основании ч. 5 ст. 33 УК РФ преступления пособника заключаются в содействии совершению преступления, заранее данном обещании. Следовательно, абсолютно правы те, кто различает пособническое содействие совершению преступления и пособнические обещания [3, с. 174; 7, с. 56]. Вместе с тем, по нашему мнению, совершенно не правы как те, кто полагают, что «пособник – это в любом случае лицо, содействовавшее совершению преступления», а «при заранее данном обещании совершить перечисленные в ч. 5 ст. 33 УК РФ действия содействие оказывается именно этим обещанием» [15, с. 87; 17, с. 174], так и те, кто считают, что пособничество «может выражаться как в содействии совершению преступления, так и в сокрытии его следов» [1, с. 246; 19, с. 41].

Под содействием в русском языке понимается помощь, поддержка в какой-нибудь деятельности, причем приставка «со-» означает общее совместное участие в чем-нибудь, а обещание рассматривается как добровольное обязательство что-нибудь сделать [14, с. 427, 743]. Очевидно, что обязательство что-нибудь сделать, во-первых, явно не является помощью, поддержкой в совершении преступления, ибо участия в последнем не предполагает; во-вторых, предполагает сокрытие преступника, средств или орудий совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, приобретение или сбыт таких предметов, то есть не само преступление; в-третьих, не означает сокрытия следов преступления, которое если и происходит, то после совершения преступления и юридического значения для признания пособничества не имеет [7, с. 48; 20, с. 185].

Варианты пособнических действий альтернативны, о чем свидетельствует использование в ч. 5 ст. 33 УК РФ присоединительного союза «а также». Тем самым для признания пособничеством требуется совершение всего одного из названных в законе действий.

Пособничество обычно делится на интеллектуальное и физическое [1, с. 243; 2, с. 58; 9, с. 152; 15, с. 87]. В то же время такое деление не совсем корректно. На самом деле подобным образом разграничивается лишь пособническое содействие совершению преступления, но не пособнические обещания [8, с. 257–258]. Они не могут быть физическим пособничеством по определению.

К интеллектуальному содействию относятся советы, указания, предоставление информации, к физическому – предоставление средств или орудий совершения преступления, устранение препятствий.

Способы физического содействия совершению преступления альтернативны, о чем свидетельствует применение разделительных союзов «или» и «либо». Отсюда для признания пособничеством достаточно содействия совершению преступления хотя бы одним из названных в законе способов.

При определении пределов, в которых допустимо содействие, следует отметить, что оно возможно и до начала совершения преступления, и в процессе совершения. Очевидно, что после совершения преступления содействовать уже нечему.

Пособнические обещания – только интеллектуальное пособничество. Они различаются по характеру действия и предмету приложения. По характеру действия обещания включают в себя обязательства скрыть, приобрести или сбыть соответствующие предметы. Такие обязательства альтернативны, о чем свидетельствует применение присоединительного союза «а равно» и разделительного союза «или». Иначе говоря, для признания пособничеством хватит дачи одного из предусмотренных законом обещаний.

По предмету приложения обещания относятся к преступнику, средствам или орудиям совершения преступления, следам преступления и предметам, добытым преступным путем, причем все это может быть обещано скрыть, но только последнее – приобрести или сбыть.

Предметы приложения обещания альтернативны, о чем свидетельствуют использованные при их перечислении разделительные союзы «или» и «либо». Тем самым для признания пособничеством довольно дачи обещания в отношении одного из приведенных в законе предметов.

Пособнические обещания должны быть даны заранее. Заранее в русском языке означает за некоторое время до чего-нибудь, раньше [14, с. 217]. Однако кроме ч. 5 ст. 33 УК РФ, в которой предусмотрено как пособничество заранее данное обещание, в УК РФ регламентирована ответственность за заранее не обещанные соответственно

приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175), и укрывательство преступлений (ст. 316). Для разграничения пособничества и упомянутых преступлений необходимо установить, за какое время до чего даются обещания в каждом случае.

Признак «заранее» получил неоднозначное, но единообразное толкование на практике. Так, еще Пленум Верховного Суда СССР в п. 2 постановления от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» дал поддержанное в п. 17 постановления от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» разъяснение, что укрывательство, а также приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могут быть признаны соучастием, если эти действия были обещаны исполнителю до или во время совершения преступления.

Одни авторы (Т. А. Косарева, С. А. Ершов, Д. А. Безбородов и т. д.) позицию практики поддерживают [10, с. 76; 7, с. 47–48; 2, с. 57], другие (С. И. Никулин, С. А. Шатов и т. д.) считают, что при пособничестве обещание должно даваться лишь до совершения преступления [20, с. 180–181; 18, с. 64]. Так, А. П. Козлов аргументировал последнюю позицию следующим образом: «Учитывая, что на данном обещании базирует свои действия другой соучастник, под заранее данным обещанием следует понимать возложенное на себя до начала поведения другого соучастника обязательство совершить определенные действия по укрывательству, приобретению, сбыту. Если другой соучастник начал свои действия до обещания укрыть, приобрести, сбыть, то подобное означает, что свои действия он базирует не на данном обещании, а на чем-то ином, из-за чего указанное обещание не может быть признано пособничеством, оно становится криминально незначимым, поскольку является только мыслью, не оформленной в действии» [9, с. 158].

А. М. Зацепин выступил с обоснованной критикой приведенной А. П. Козловым аргументации в пользу отличающейся от практики позиции: «То, что обещание является заранее данным, если оно дается до начала совершения другим соучастником соответствующих действий, аксиоматично. Вместе с тем в укрывательстве, приобретении, сбыте необходимость может появиться и в ходе совершения преступления. Продолжение его совершения после соответствующего обещания, несомненно, делает последнее заранее данным. Причем никакое обещание не способно являться «только мыслью, не оформленной в действии». Раз оно высказано, это уже действие, иначе нельзя устанавливать уголовную ответственность ни за одно деяние, совершаемое путем высказывания» [8, с. 256]. Ведь вполне понятно, что и на обещании, данном в ходе совершения преступления, может базировать свои действия другой соучастник. Иначе говоря, его никак нельзя назвать криминально незначимым. Мы солидарны с теми, кто по затронутому вопросу не расходится с приведенной позицией практики. Как и в случае с содействием совершению преступления, дача обещаний может происходить до момента фактического окончания преступления [7, с. 48].

Следует отметить, что мы не поддерживаем взгляды о пособничестве после совершения преступления (А. П. Козлов, А. А. Арутюнов и др.) [9, с. 153; 1, с. 246] наряду с пособничеством до и во время совершения преступления. При этом имеется в виду ранее упомянутое выполнение заранее данных обещаний. В то же время согласно букве закона для пособничества, как такового, важна именно дача обещаний, а не их выполнение. Пособничество преступлению после его совершения исключено по определению.

С учетом изложенного, по нашему мнению, смещены акценты в отношении пособничества в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, в котором отражено, что «лица, непосредственно не участвовавшие в незаконной охоте, но... приобретающие... или сбывающие продукцию незаконной охоты по заранее данному обещанию, привлекаются к уголовной ответственности в качестве пособников со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ...». Как отмечалось, в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ для уголовной ответственности в качестве пособника достаточно дачи заранее соответствующего обещания.

В ч. 5 ст. 33 УК РФ не отражено, кому из соучастников оказывает содействие в совершении преступления или заранее дает обещание пособник. В литературе имеются различные мнения. Некоторые ученые (В. С. Комиссаров, С. А. Шатов и т. д.) считают, что пособничество возможно лишь исполнителю [11, с. 413; 18, с. 60–65], другие (Н. Д. Эриашвили, С. А. Ершов и т. д.) – всем соучастникам [15, с. 87; 7, с. 46]. Между тем из числа последних порой исключаются или подстрекатели, или пособники [8, с. 257; 20, с. 180–181]. На наш взгляд, непоследовательную позицию в данном вопросе занимает В. Ю. Шубина. Она хотя и указывает, что пособничество может осуществляться по отношению к любому из соучастников преступления, но отмечает – «не только исполнителю, но и организатору и подстрекателю» [19, с. 9]. Другими словами, у нее пособничество другому пособнику почему-то пропадает.

В законе не говорится о содействии именно исполнению преступления или даче обещания именно исполнителю, поскольку свою часть преступления совершает каждый соучастник, а любой из них преступник, то пособничать можно всякому соучастнику. Вопрос может заключаться только в объеме допустимого пособничества. Так, применительно к иным соучастникам сомнительно содействие совершению преступления путем устранения препятствий. Наоборот, даче обещания скрыть данных соучастников никаких препятствий мы не видим.

Однако нужно иметь в виду, что соучастие – это совместное умышленное участие в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Пока соответствующий соучастник не появился, пособничество ему просто немыслимо.

К перечню пособнических действий, содержащемуся в ч. 5 ст. 33 УК РФ, отношение сложное. В теории он подчас считается неполным [15, с. 89]. На практике нередко признаются пособничеством действия, не предусмотренные уголовным законом [4, с. 156–158; 8, с. 271–273].

В действительности перечень пособнических действий изложен в ч. 5 ст. 33 УК РФ так, что явно должен рассматриваться как исчерпывающий [1, с. 235; 7, с. 57; 11, с. 415; 19, с. 39–40], ибо в нем нет ничего подобного хотя бы перечню способов склонения к совершению преступления в ч. 4 названной статьи. Данный вывод в плане нашего исследования особенно важен, поскольку С. А. Ершов различает дублирующее и расширяющее пособничество. По его мнению, в дублирующее пособничество входят способы, повторяющие те, которые изложены в ч. 5 ст. 33 УК РФ и представлены в ст. 173.2, 185.6, 205.1; в расширяющее пособничество входят способы, которые отвечают смыслу ч. 5 ст. 33 УК РФ и представлены в ст. 127.1, 205.1, 208, 232, 241, 275, 291.1, 359 [7, с. 129, 171].

Думается, что с С. А. Ершовым трудно согласиться. Если перечень пособнических действий изложен в законе исчерпывающим образом, то все, что находится за пределами нормативного регулирования, пособничеством признаваться не должно. Тем самым расширяющего пособничества в рамках современного законодательства не может

быть по определению. Не случайно Д. М. Молчанов пишет, что вследствие закрытого перечня «действий, которые можно рассматривать как пособнические», «уголовно-правовая оценка фактического пособничества совершению преступления, которое может выражаться в действиях, не указанных УК РФ в качестве пособничества (например, «финансирование преступной деятельности»), может не иметь под собой вообще никакой уголовно-правовой базы» [13, с. 99].

Следует иметь в виду, что содействие и дача обещаний в некоторых случаях криминализованы в качестве самостоятельных преступлений, совершаемых вне соучастия. Так, в ст. 110.1 УК РФ регламентировано содействие совершению не являющегося преступлением самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства (в контексте рассмотренного выше неубедительно указание на содействие совершению самоубийства обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства; обещание, если и должно быть криминализовано, то наряду с содействием, а не как разновидность последнего); в ст. 230.1 – склонение спортсмена к не являющемуся преступлением использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, путем советов, указаний, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов (неясно, почему способы содействия, в принципе характерные для пособничества, включены в склонение, характерное для подстрекательства; если эти способы и должны быть криминализованы, то наряду со склонением, а не как его разновидности); в ст. 233 – незаконная выдача документов (то есть предоставление средств), дающих право на не являющееся преступлением получение наркотических средств или психотропных веществ; в ст. 275 – выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну (предоставление информации), а также оказание помощи (предоставление средств) иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в не являющейся преступлением деятельности, направленной против безопасности РФ; в ст. 276 – передача сведений, составляющих государственную тайну, а также передача по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений (предоставление информации) для не являющегося преступлением использования их против безопасности РФ.

Вместе с тем действия, подобные изложенным в ч. 5 ст. 33 УК РФ, предусматриваются и в Особенной части. Конечно, юридически они должны считаться преступлениями исполнителя, но фактически являются преступлениями пособника, причем последние уже никакого отношения к собственно преступлениям пособника, по нашему мнению, не имеют. Под фактическим преступлением пособника мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы.

А. С. Горелик считает, что существует конкуренция общей и специальной нормы, «когда в содеянном имеются одновременно признаки исполнения одного преступления и... пособничества в другом преступлении» [6, с. 50]. Такой подход уже подвергался, по нашему мнению, обоснованной критике. Так, отмечено, что соответствующие статьи Особенной части УК РФ не конкурируют со ст. 33, поскольку лишь по ней, в отличие от статей Особенной части, преступление не квалифицируется, ибо на основании ч. 3 ст. 34 деяния пособника квалифицируются «по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса...». При этом добавлено, что, описав в качестве исполнительства поведение, по существу, являющееся пособническим, законодатель вывел его из института соучастия, и оно стало самостоятельно исполняемым преступлением, а не участием в каком-то преступлении [5, с. 144–145].

При определении предписаний Особенной части УК РФ, действительно отражающих фактическое преступление пособника, необходимо понимать, что в них должно быть установлено содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы; причем данное преступление также должно быть отражено в Особенной части УК РФ [12, с. 316]. В противном случае об указанном содействии совершению именно преступления или обещании в отношении его не может быть и речи.

Представляет ли определенное деяние фактическое преступление пособника, на наш взгляд, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление пособника. Если деяние не может быть квалифицировано по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 173.2 УК РФ установлены предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. Названные действия в отношении отраженного в ч. 1 ст. 173.1 УК РФ представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшие за собой внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, несомненно, могут быть содействием совершению преступления предоставлением средств его совершения.

Если из ч. 1 ст. 173.2 УК РФ исключить приведенные предписания, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 173.1. Следовательно, исключаемые предписания в данном случае описывают фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 185.6 УК РФ установлено использование инсайдерской информации путем дачи рекомендаций третьим лицам к приобретению или продаже финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров. Названное действие в отношении отраженного в той же части статьи использования инсайдерской информации для осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится такая информация, за свой счет или за счет третьего лица, несомненно, может представлять собой содействие совершению преступления советами.

Если из ч. 1 ст. 185.6 УК РФ исключить использование инсайдерской информации путем дачи рекомендаций, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и оставшимися положениями ч. 1 ст. 185.6. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 2 ст. 185.6 УК РФ установлено использование инсайдерской информации путем ее неправомерной передачи другому лицу. Названное действие в отношении отраженного в ч. 1 действия с инсайдерской информацией для осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится такая информация, за свой счет или за счет третьего лица, может быть содействием совершению преступления предоставлением информации.

Если из ч. 2 ст. 185.6 УК РФ исключить приведенное предписание, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 185.6. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 205.1 УК РФ установлено вооружение лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.2, ч. 1, 2 ст. 206, 208, ч. 1–3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360. Названное действие в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 понимается как «снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой и т. п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье». Отсюда вооружение лица в отношении отраженных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ преступлений, несомненно, может представлять собой содействие совершению преступления предоставлением средств их совершения.

Если из ч. 1 ст. 205.1 УК РФ исключить приведенное предписание, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и статьей о преступлении, указанном в ч. 1 ст. 205.1. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

Аналогичная ситуация отражена в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. В законе установлено вооружение лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211. Отсюда вооружение лица в отношении отраженных в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ преступлений, несомненно, может представлять собой содействие совершению преступления предоставлением средств их совершения.

Если из ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ исключить приведенное предписание, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и статьей о преступлении, указанном в ч. 1.1 ст. 205.1. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 3 ст. 205.1 УК РФ установлено пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208. В примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ под пособничеством понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы.

Примечание 1.1 к ст. 205.1 УК РФ отличается от ч. 5 ст. 33 тремя признаками: во-первых, в примечании 1.1 дано понятие пособничества, а в ч. 5 ст. 33 – пособника; во-вторых, в примечании 1.1 содержится указание на умысел, которое отсутствует в ч. 5 ст. 33, в-третьих, в ч. 5 ст. 33 применительно к обещанию содержится указание на заранее, которое отсутствует в примечании 1.1. Все эти отличия, на наш взгляд, не являются существенными. Одно – ввиду того, что пособничество – функция лишь пособника, другое – ввиду того, что указание на умысел содержится в ст. 32 УК РФ, а участие пособника в совершении преступления относится именно к соучастию, последнее – ввиду того, что в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ говорится о пособничестве в совершении преступления, а следовательно, все происходящее после совершения преступления не может образовывать пособничества. Следовательно, обещание в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ нужно понимать ограничительно – только как заранее данное [12, с. 317]. Мнение о том, что обещание в названном примечании должно признаваться пособничеством независимо от того, в какое время оно дается [7, с. 119], не соответствует смыслу закона, хотя, конечно, его буква была бы предпочтительнее смысла. В итоге пособничество в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, несомненно, может представлять собой и содействие совершению преступления, и заранее данное обещание, приведенные в ч. 5 ст. 33.

Если из ст. 205.1 УК РФ исключить ч. 3, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и статьей о преступлении, указанном в ч. 3 ст. 205.1. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 234 УК РФ установлен незаконный сбыт оборудования для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами. Названные действия в отношении отраженных в той же части статьи незаконного изготовления сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическим средством или психотропным веществом, могут представлять собой содействие совершению преступления предоставлением средств его совершения.

Если из ч. 1 ст. 234 УК РФ исключить предписание о незаконном сбыте оборудования, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и положениями ч. 1 ст. 234 о незаконном изготовлении, переработке сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывают фактическое преступление пособника.

Схожая ситуация и с ч. 1 ст. 238 УК РФ, анализ которой также позволяет вести речь о содействии совершению преступления предоставлением средств его совершения.

Если из ч. 1 ст. 238 УК РФ исключить неправомерную выдачу официального документа, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и положениями ч. 1 ст. 238 о производстве, хранении или перевозке в целях сбыта либо сбыте товаров и продукции, выполнении работ или оказании услуг. Стало быть, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

Других вариантов отражения фактических преступлений пособника в Особенной части УК РФ мы не обнаружили. На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

– пособничество, предусмотренное ч. 5 ст. 33 УК РФ, правильнее делить не на интеллектуальное и физическое, а на содействующее совершению преступления и заранее дающее обещание;

– в Особенной части УК РФ в качестве преступления исполнителя подчас отражается фактическое преступление пособника, которое к соучастию в преступлении уже никакого отношения не имеет;

– под фактическим преступлением пособника понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы;

– при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление пособника, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление пособника. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление пособника;

– фактическое преступление пособника получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 173.2, 185.6, 205.1, 234, 238 УК РФ.

Библиографический список

1. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. 408 с.
2. Безбородов Д. А. Виды соучастников преступления : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 64 с.
3. Благоев Е. В. Тридцать пять лет служения Афине : сб. ст. и тез. М. : Проспект, 2017. 288 с.
4. Благоев Е. В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность : монография. М. : Юрлитинформ, 2021. 320 с.
5. Благоев Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 505 с.
6. Горелик И. С. Конкуренция уголовно-правовых норм : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1998. 106 с.
7. Ершов С. А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. 226 с.
8. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы : монография. М. : Проспект, 2016. 303 с.
9. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
10. Косарева Т. А. Пособничество совершению преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 194 с.

11. Курс уголовного права : учеб. для вузов : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении. 624 с.
12. Липезин А. В. Действия пособника как самостоятельное преступление // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 315–317.
13. Молчанов Д. В. Актуальные проблемы уголовного права. Общая часть : учеб. пособие / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2015. 144 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ТЕМП, 2006. 944 с.
15. Павлухин А. Н., Рыжов Р. С., Эриашвили Н. Д. Виды и ответственность соучастников преступления : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 142 с.
16. Саблина М. А. Исполнитель преступления в институте соучастия : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.
17. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания : монография / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М. : РГУП, 2019. 507 с.
18. Шатов С. А. Соучастие в преступлении. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2012. 213 с.
19. Шубина В. Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 182 с.
20. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. СПб. : СПб ГКЛ, 2007. Т. 6. 564 с.

УДК 159.9:343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.123-128

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ МИШИН,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры пенитенциарной психологии
и пенитенциарной педагогики,

Кузбасский институт ФСИН России,
г. Новокузнецк, Российская Федерация,
e-mail: mishin87@mail.ru;

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОБЬЕВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-0734-7456, Researcher ID 735221,
e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Для цитирования

Мишин, А. А. Социально-демографическая характеристика осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / А. А. Мишин, С. М. Воробьев // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 123–128. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.123-128.

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения особенностей личности осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности в период с 2017 по 2019 год. Изменения политической и экономической ситуации в современной России неизбежно приводят к изменению портрета современных осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях. С целью организации процесса исправления осужденных, совершивших преступления экстремистской и террористической направленности, сотрудники уголовно-исполнительной системы должны обладать необходимыми знаниями, в том числе знанием основных социально-демографических характеристик лиц данной категории. Эффективное исправление осужденных невозможно представить без организации индивидуального подхода к личности осужденного. В связи с этим выявление типичных особенностей личности осужденных представляет собой проблему, требующую внимания со стороны исследователей. Статья содержит результаты изучения социально-демографических характеристик осужденных за преступления экстремистской и террористической направ-

© Мишин А. А., Воробьев С. М., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ленности. Проведенный анализ позволил создать обобщенный портрет осужденного за преступления экстремистской и террористической направленности. Это лица мужского пола, возрастной группы от 18 до 24 лет или от 30 до 49 лет, имеющие среднее общее, среднее профессиональное образование, трудоспособные, но не имеющие на момент совершения преступления определенного рода занятий.

Ключевые слова: осужденный, терроризм, экстремизм, портрет осужденного, уголовно-исполнительная система.

Исследования, посвященные проблемам экстремизма и терроризма, находят все большее отражение в научных публикациях таких ученых, как: Ю. С. Бузыкина, П. Н. Казберов, Г. Б. Магомедов, В. Ю. Мельников, Я. Н. Полякова, С. С. Оганесян, Ф. И. Ушков, Ю. Р. Хамзяева и др. В связи с изменением политической и экономической ситуации в современной России происходит трансформация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Для сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) становится актуальной задачей работа с осужденными, отбывающими наказание за преступления террористической и экстремистской направленности. Тенденция роста числа преступлений в данной сфере характерна не только для России, но и для других стран [1, с. 62].

Основная задача сотрудников УИС – исправление осужденных, под которым понимается формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения [4]. Исправление осужденных невозможно представить без организации индивидуального подхода к личности осужденного. В связи с этим выявление типичных особенностей личности осужденных является актуальной проблемой [5]. Отдельную категорию составляют осужденные, отбывающие наказания за преступления экстремистской и террористической направленности.

Понятие «экстремистская деятельность» определено Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и имеет широкое толкование. Исходя из данного определения, можно выделить основные аспекты этой деятельности:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии.

Таким образом, понятие «экстремистская деятельность» охватывает следующие составы преступлений: п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «б» ч. 2 ст. 119; ч. 1 ст. 213, ст. 280, 282, 282.1, 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Понятие «терроризм» определяется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Ответственность за преступления террористической направленности определяется следующими статьями: ст. 205, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360, 361 УК РФ.

Несмотря на то что доля данных преступлений относительно небольшая от общей массы осужденных, они обладают определенной спецификой и особенностями [4]. Анализ статистических данных Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации за 2017 – 1-е полугодие 2019 г. (URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>) за экстремистскую деятельность (ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ) были осуждены 1276 чел., за террористическую деятельность (ст. 205, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360, 361 УК РФ) –1197 чел. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика количества осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности (2017–2019 гг.)

Год	Осужденные за экстремизм	Осужденные за терроризм	Всего
2017	605	539	1144
2018	553	461	1014
1-е полугодие 2019 г.	109	197	306
Всего	1267	1197	2464

Анализ судебной практики позволяет говорить о тенденции снижения количества осужденных, совершающих преступления экстремистской и террористической направленности в современной России. Согласно информационно-аналитическому сборнику «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь – июнь 2019 г.» (Тверь, 2019) в исправительных учреждениях содержались 1986 осужденных за преступления террористического характера и 404 осужденных за преступления экстремистской направленности. На профилактическом учете на конец отчетного периода состояли 3078 осужденных, изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию.

Сравним основные социально-демографические показатели осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности.

Пол осужденных (табл. 2). Преступления экстремистской и террористической направленности совершаются в основном лицами мужского пола (95,9 и 95,1 % соответственно). Среди женщин данный вид преступлений не имеет широкого распространения.

Таблица 2

Возрастные особенности осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности (2017–2019 гг.), %

Осужденные	Пол	2017 г.	2018 г.	1-е полугодие 2019 г.	Среднее значение
За преступления экстремистской направленности	Мужской	94,9	93,9	99,1	95,9
	Женский	5,1	6,1	0,9	4,1
За преступления террористического характера	Мужской	95,7	94,1	95,4	95,1
	Женский	4,3	5,9	4,6	4,9

Возраст осужденных (табл. 3). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что преступления экстремистского и террористического характера совершаются людьми преимущественно в возрасте от 18 до 24 лет. При совершении преступлений экстремистской

направленности высокие показатели характерны для возрастного периода 30–49 лет. Данные проявления скорее всего связаны с возрастными психологическими особенностями, а именно с особенностями переживания психологических кризисов [3]. Стоит отметить необходимость эмпирического подтверждения этой гипотезы в рамках отдельного исследования. На протяжении последних лет общая картина возрастного состава осужденных не изменилась.

Таблица 3

Возрастные особенности осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности (2017–2019 гг.), %

Осужденные	Возраст	2017 г.	2018 г.	1-е полугодие 2019 г.	Среднее значение
За преступления экстремистской направленности	14–17	13,6	12,8	6,4	10,9
	18–24	44,0	33,6	36,7	38,1
	25–29	16,7	18,1	10,1	15,0
	30–49	21,7	29,3	34,9	28,6
	Более 50	4,1	6,1	11,9	7,4
За преступления террористического характера	14–17	3,2	4,1	4,6	4,0
	18–24	44,3	39,5	41,1	41,6
	25–29	29,3	33,6	27,4	30,1
	30–49	21,0	21,7	25,9	22,9
	Более 50	2,2	1,1	1,0	1,4

Уровень образования осужденных (табл. 4). По результатам анализа можно сделать вывод о том, что преступления экстремистской направленности совершаются преимущественно лицами со средним общим (36,4 %) и средним профессиональным (31,4 %) образованием. Преступления террористической направленности совершаются людьми, имеющими среднее общее образование (48,5 %). Наименьшая вероятность совершения данного вида преступлений имеется у лиц с высшим профессиональным образованием или имеющим основное общее, начальное образование, без образования.

Таблица 4

Уровень образования осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности (2017–2019 гг.), %

Осужденные	Образование	2017 г.	2018 г.	1-е полугодие 2019 г.	Среднее значение
1	2	3	4	5	6
За преступления экстремистской направленности	Высшее профессиональное образование	14,9	14,8	21,1	16,9
	Среднее профессиональное	32,6	35,1	26,6	31,4
	Среднее общее	36,2	34,5	38,5	36,4
	Основное общее, начальное или без образования	16,4	15,6	13,8	15,3

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5	6
За преступления террористического характера	Высшее профессиональное образование	17,1	21,3	12,7	17,0
	Среднее профессиональное	14,5	17,8	22,8	18,4
	Среднее общее	52,3	45,1	48,2	48,5
	Основное общее, начальное или без образования	16,1	15,8	16,2	16,0

Род занятий осужденных (табл. 5). Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что преступления экстремистской и террористической направленности совершаются осужденными, которые являются трудоспособными, но в силу различных обстоятельств на момент совершения преступления были без определенного рода занятий (49,7 и 62,6 % соответственно). Среди работающих граждан 24,2 % совершили преступления экстремистской и 11,1 % террористической направленности. Доля учащихся и студентов в указанных преступлениях составила 10,7 и 3,7 % соответственно.

Таблица 5

Род занятий (социальное положение) осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности (2017–2019 гг.), %

Осужденные	Род занятий	2017 г.	2018 г.	1-е полугодие 2019 г.	Среднее значение
За преступления экстремистской направленности	Трудоспособные лица без определенного рода занятий	46,3	47,7	55,0	49,7
	Рабочие	26,6	27,7	18,3	24,2
	Учащиеся и студенты	14,0	10,8	7,3	10,7
	Нетрудоспособные (неработающие)	1,3	4,0	5,5	3,6
	Отбывающие лишение свободы или имеющие неисполненный приговор к лишению свободы (реально)	2,1	2,0	0,9	1,7
	Иное	9,6	7,8	12,8	10,1
За преступления террористического характера	Трудоспособные лица без определенного рода занятий	62,2	61,6	64,0	62,6
	Рабочие	6,7	10,4	16,2	11,1
	Учащиеся и студенты	5,0	3,0	3,0	3,7
	Нетрудоспособные (неработающие)	13,5	12,6	0,0	8,7
	Отбывающие лишение свободы или имеющие неисполненный приговор к лишению свободы (реально)	2,4	3,5	5,6	3,8
	Иное	10,2	8,9	11,2	10,1

Таким образом, проведенный анализ социально-демографических характеристик осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности в период с 2017 по 1-е полугодие 2019 г. позволяет составить их обобщенный портрет. Осужденные за преступления экстремистской направленности – это лица мужского пола, возрастной группы от 18 до 24 лет или от 30 до 49 лет, имеющие среднее общее, среднее профессиональное образование, трудоспособные, но не имеющие на момент совершения преступления определенного рода занятий. Осужденные за преступления террористической направленности имеют сходные социально-демографические характеристики: мужчины, возраст преимущественно от 18 лет до 24 лет, образование среднее общее, трудоспособные, без определенного рода занятий.

Библиографический список

1. Казберов П. Н. Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 61–66.
2. Казберов П. Н., Новиков В. В. Социально-психологический портрет лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 4(155). С. 6–9.
3. Казберов П. Н. Типологизация уголовно-исполнительных, психологических и социально-демографических характеристик лиц, осужденных за преступления террористической направленности // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, № 5. С. 115–120.
4. Сочивко О. И. Психологическое сопровождение осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3(48). С. 99–103.
5. Филиппов Р. А. Особенности учета личности осужденного к лишению свободы в уголовно-исполнительном праве // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 131–136.

УДК 159.9:343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.129-144

ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА ЛИСНИК,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-1159-9883,
e-mail: julia.lis93@mail.ru;

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ ГОРНОСТАЕВ,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-5259-0258,
e-mail: stanislavrz@yandex.ru

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДИРА ВЗВОДА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Лисник, Ю. С. Анализ и интерпретация личностных черт заместителя командира взвода образовательной организации Федеральной службы исполнения наказаний / Ю. С. Лисник, С. В. Горностаев // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 129–144. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.129-144.

Аннотация. Достижение высоких результатов в деятельности курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний напрямую зависит от руководства их коллективами. Первым непосредственным руководителем каждого курсантского коллектива является заместитель командира взвода из числа курсантов. Особенности его личностных черт и их проявление в управлении учебной группой оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности курсантов: служебную деятельность, учебу, общественную работу, межличностное общение. Объектом исследования являются личностные черты заместителей командиров взводов. Цель исследования – выявить личностные характеристики заместителей командиров взводов, значимые для успешного управления учебными группами. Эмпирическое исследование проведено в Академии ФСИН России. В нем приняли участие курсанты и заместители командиров взводов мужского и женского пола. В качестве методов и материалов использовались: анкетирование, методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (16-факторный опросник), методика «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина, методика исследования акцентуаций характера Х. Смишека, многоуровневый личностный опросник

© Лисник Ю. С., Горностаев С. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

«Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина. Корреляционный и факторный анализ производился в программе Psychometric Expert (версия 9.0.7). Статистически значимые связи с показателями успешности были выявлены у десяти шкал указанных тестов. Путем факторизации данных шкал были получены четыре укрупненных фактора. Два из этих факторов – «способность к адаптации» и «увлеченность деятельностью» ранее выделялись исследователями как значимые для других категорий младших командиров, два других – «эмоциональность реагирования» и «мнительность» были интерпретированы как специфические личностные черты, присущие успешным заместителям командиров взводов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний. Полученные результаты имеют практическую значимость в контексте использования их психологами образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний для определения курсантов, которые смогут успешно справляться с деятельностью заместителя командира взвода. Перспективным направлением последующих исследований является увеличение количества выборочной совокупности респондентов и разработка профессиограммы заместителя командира взвода.

Ключевые слова: личностные черты, заместитель командира взвода, младшие командиры, образовательные организации, Федеральная служба исполнения наказаний, профессиональная пригодность.

Введение

Активность курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) в учебной, служебной, научно-исследовательской и творческой деятельности, постоянная готовность к выполнению поставленных задач, социально-психологический климат в коллективе напрямую связаны с деятельностью заместителя командира взвода. В силу этого актуальность исследования профессионально значимых личностных черт заместителя командира взвода определяется влиянием, которое он оказывает на подчиненный личный состав – курсантов.

Личностные особенности успешных младших командиров, отличающие их от личностных особенностей успешных курсантов, предопределяются особенностями положения и деятельности младших командиров, а именно: расширенным по сравнению с другими курсантами перечнем должностных полномочий [1]; маргинальностью статуса, предполагающего исполнение и курсантских, и руководящих функций [2]; групповой динамикой в коллективе курсантов [3]; развитием лидерских качеств в процессе руководства учебной группой [4].

Личностные черты заместителя командира взвода военизированных вузов в некоторой степени описываются в диссертационных исследованиях таких авторов, как С. А. Иванов [3], О. Я. Безушко [5], В. С. Веркин [6], А. А. Головачев [7], А. Г. Денисенко [8], А. Е. Красовская [9], А. В. Колесник [10], И. Б. Марьясис [11], Р. К. Резникова [12], Н. А. Токарев [13], М. М. Трягин [14], а также в научных статьях О. В. Евтихова [4], С. Н. Федотова [15], М. Ф. Гацко [16], В. В. Капустина [17], А. Г. Караяни [18], М. Ю. Касавцева [19], Ю. С. Мигуновой [20], Е. П. Ревенко [21], Л. И. Холиной [22]. В своих исследованиях авторы затрагивают вопрос личностных черт командиров подразделений МВД России, МЧС России, Вооруженных Сил РФ и их взаимосвязь с ролевым поведением, морально-психологиче-

ским климатом, межличностными отношениями в группе курсантов, профессионально-управленческой компетентностью.

С. А. Иванов в своей работе отмечает, что процесс обучения у курсантов и младших командиров в ведомственном вузе «отличается сложностью становления личностных черт» [3, с. 113], к которым автор относит: авторитетность младшего командира, его личный пример и осознанное отношение при выполнении воинского долга.

О. Я. Безушко описывает влияние индивидуального стиля руководства (базирующегося на личных качествах) на управление коллективом курсантов военного института связи, которое основывается на повышении адаптированности младшего командира к роли руководителя [5]. В. С. Веркин в исследовании также затрагивает проблему управленческой деятельности младшего командира как вида социального управления, влияющего на морально-психологическую подготовку и совместную деятельность [6].

А. А. Головачев обосновывает методiku оценки уровня ролевого конфликта в деятельности как элемента аттестации личных и деловых качеств младшего командира [7]. По мнению М. М. Трягина, ролевое поведение младшего командира подразделения связи зависит от его индивидуальных черт личности [14].

А. Г. Денисенко предлагает практико-ориентированные рекомендации для претендентов на должность командиров курсантских подразделений военного института МВД России с учетом такой личностной черты, как агрессивность [8].

А. Е. Красовская в процессе изучения психологической совместимости отмечает влияние профессиональных мотивов и коммуникативных паттернов младших командиров на отношение к курсантам [9].

А. В. Колесник раскрывает компетенцию и личные способности младших командиров, которые способствуют приобретению психологических умений и навыков для руководства коллективами курсантов [10].

И. Б. Марьясис указывает на психологические особенности личности младшего начальствующего состава, которые характерны для эффективного стиля руководства курсантами в образовательных организациях МВД России. Автором при изучении личности командиров отделений отмечаются составные элементы психологического портрета: адекватность самооценки, авторитет, компетентность, справедливость, эмоциональная зрелость, познавательная активность, на основе которых строится директивный, коллегиальный, попустительский и комбинированный стиль руководства [11].

Р. К. Резникова в рамках диссертационного исследования подчеркивает необходимость формирования и развития педагогических способностей у младших командиров [12].

Н. А. Токарев отмечает важность развития самообладания и стрессоустойчивости у рядового и младшего начальствующего состава [13].

О. В. Евтихов и А. В. Жильцов изучают профессионально-управленческую компетентность младших командиров в учебных взводах вузов МВД России. В ее структуре исследователи выделяют профессионально-психологические характеристики (комплекс социальных, личностных, профессиональных качеств). В частности, делается акцент на лидерском потенциале, который обеспечивает лидерские качества и эффективность управленческой деятельности младшего командира [4].

По мнению С. Н. Федотова, Ю. Д. Милюковой, коммуникативная компетентность выступает как профессионально важное качество младшего командира учебного взвода в образовательной организации МВД России. По их убеждению, повышение уровня коммуникативной компетентности младшего командира ведет к успешности и эффек-

тивности уровня взаимоотношений с руководством, профессорско-преподавательским составом и подчиненными курсантами [15]. В. В. Капустин также указывал компетентность как целостное качество личности младших командиров подразделений Сухопутных войск ВС РФ [17].

А. Г. Караяни, В. Я. Гожигов и В. Б. Ларин при изучении служебной деятельности курсантов и сержантов военных вузов описывают целевой психологический ресурс, в составе которого в том числе присутствуют и личностные черты: уверенность в собственных возможностях, оптимизм, психологическая устойчивость к стресс-факторам [18].

М. Ю. Касавцев при изучении военнослужащих отмечал важность совершенствования педагогического мастерства как личностной черты командиров подразделений (курсантских и учебных) [19].

Ю. С. Мигунова и В. И. Назаров при анализе межличностных отношений в курсантском коллективе образовательной организации МЧС России отмечали направленность в поведении, в основе которой находятся индивидуальные черты младшего командира [20].

Е. П. Ревенко и И. В. Семчук в процессе изучения Я-концепции, стиля руководства и имиджа младшего командира отмечают важность профессиональных личностных качеств. Авторами были выработаны общие требования, предъявляемые к младшему командиру образовательных учреждений МВД России, в которые вошли такие личностные черты, как доброжелательность, справедливость, требовательность [21].

Л. И. Холина и И. В. Татаров рассматривали профессиональную подготовку как процесс формирования или совершенствования профессионально важных качеств, в числе которых высокие морально-боевые качества младших командиров [22].

М. Ф. Гацко в процессе изучения младшего командного состава зарубежных армий указывает на необходимость развития командирских и лидерских качеств в процессе подготовки [16].

Зарубежными учеными в процессе исследования личностных особенностей младшего командира при изучении прогностических факторов стресса было выявлено, что понимание своей роли, самоэффективность, вовлеченность в работу в личности командира снижает неблагоприятные последствия стресса у подчиненных [23]. Служебная мотивация, внимание к другим, делегирование полномочий, контроль и профессиональная этика отмечены как эффективные лидерские качества [24].

В образовательных организациях ФСИН России личностные черты заместителя командира взвода упоминались в контексте совершенствования профессиональной подготовки А. М. Киселевым [25], формирования речевой культуры у курсантов Л. Н. Лазуткиной [26], обеспечения благоприятной обстановки в коллективе А. И. Дмитриевым, А. В. Максимовым [27]. Профессионально значимые качества заместителей командиров взводов в образовательных организациях ФСИН России рассматривались в совокупности с аналогичными профессионально значимыми качествами курсантов вуза [28]. Таким образом, до настоящего времени личностные черты заместителя командира взвода в образовательной организации ФСИН России не подвергались комплексному целенаправленному исследованию.

Методы исследования

На базе Академии ФСИН России было проведено исследование личностных черт заместителя командира взвода посредством батареи методик, в которую вошли: методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла, методика «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ) И. Г. Сенина, методика исследования акцентуаций ха-

рактера Х. Смишека, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина, анкетирование по шкале успешности в деятельности.

Выбор психологических методик осуществлялся исходя из цели исследования, в связи с этим три методики посвящены интегральной оценке личности (16-факторный опросник Р. Кеттелла, методика исследования акцентуаций характера Х. Смишека, МЛО-АМ А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина), одна – мотивационно-потребностной сфере (ОТеЦ И. Г. Сенина) и анкетирование – для выявления наличия связи личностных характеристик с успешностью в служебной деятельности. Кроме того, указанные методики входят в стандартную программу обследования курсантов при поступлении на учебу, в связи с чем снижаются затраты времени на проведение дополнительных исследований, направленных на выявление потенциала поступающих для успешного исполнения должности заместителя командира взвода.

Были проанализированы анкеты 35 заместителей командиров взводов и 651 курсанта. В результате была выделена совокупность личностных характеристик заместителей командиров взводов, которые связаны с их успешной служебной деятельностью. Показатели по шкалам психологических тестов были исследованы на предмет их корреляции с оценками успешности деятельности, полученными по двум критериям: 1) отстранение от должности / продолжение службы в качестве заместителя командира группы; 2) полученная по результатам анкетирования обобщенная оценка различных аспектов жизнедеятельности группы ее курсантами. Шкала успешности имела размерность от 1 до 8, где, максимальный балл (8 баллов) присуждался наиболее успешному действующему заместителю командира взвода, а минимальный (1 балл) – лицам, не справившимся и освобожденным от должности заместителя командира взвода учебной группы.

Стандартизованность процедуры обследования обеспечивалась компьютерной обработкой данных в электронном виде. Для обработки полученных результатов в процессе диагностики проводился корреляционный и факторный анализ в программе PsychometricExpert (9.0.7).

Результаты исследования

В результате исследования значимые корреляции шкалы успешности были получены со шкалами «F» (0,38), «O» (0,39), «MD» (-0,39) по методике Р. Кеттелла. Значимые корреляции показали шкалы методики исследования акцентуаций характера Х. Смишека «Застревание» (-0,49), «Дистимность» (-0,47), «Экзальтированность» (0,61), «Демонстративность» (0,53). Значимый уровень корреляции был получен со шкалой методики МЛО «Паранояльность» (-0,57) и шкалой методики «Опросник терминальных ценностей» «Духовное удовлетворение» (0,56). Перечень значимых корреляций со шкалой успешности представлен в таблице.

Таблица

Корреляции шкал опросников со шкалой успешности

Шкала методики	Коэффициент корреляции
1	2
«F – сдержанность – экспрессивность» 16-факторного опросника Кеттелла	0,38
«O – спокойствие – тревожность» 16-факторного опросника Кеттелла	0,39
«MD – стремление выглядеть в благоприятном свете» 16-факторного опросника Кеттелла	-0,39

Окончание таблицы

1	2
«Застревание» методики исследования акцентуаций характера Х. Смишека	-0,49
«Дистимность» методики исследования акцентуаций характера Х. Смишека	-0,47
«Экзальтированность» методики исследования акцентуаций характера Х. Смишека	0,61
«Демонстративность» методики исследования акцентуаций характера Х. Смишека	0,53
«Паранояльность» многоуровневого опросника «Адаптивность»	-0,57
«Духовное удовлетворение» опросника терминальных ценностей И. Г. Сенина	0,56

Посредством факторного анализа полученные личностные особенности, коррелирующие с успешностью, сгруппировались в четыре фактора, условно названные «способность к адаптации», «мнительность», «эмоциональность реагирования» и «увлеченность деятельностью». Отрицательные корреляции шкалы успешности со сгруппировавшимися в результате факторизации шкалами «Застревание», «Паранояльность», «Дистимность» позволили обозначить первый фактор успешности как «способность к адаптации». Шкалы «О (Тревожность)» и «MD (Стремление выглядеть в благоприятном свете)» теста Кэттелла сгруппировались во второй фактор, названный «мнительность». Третий фактор «эмоциональность реагирования» составили шкалы «F (Экспрессивность)» теста Кэттелла и «Демонстративность» теста Шмишека. Четвертый фактор «увлеченность деятельностью» образовали шкалы «Экзальтированность» теста Шмишека и «Духовное удовлетворение» теста Сенина.

Сопоставляя выделенные нами индивидуально-психологические факторы пригодности к деятельности заместителей командиров с полученными ранее результатами исследований по изучению личности непосредственных руководителей курсантов (младших командиров, сержантов, командиров подразделения), можно отметить, что некоторые факторы имеют аналоги, а другие не упоминались ранее как значимые для деятельности младших командиров. Иначе говоря, на основе контент-анализа научной литературы были выделены универсальные (для всех младших командиров) и соответственно специфические (для младших командиров образовательных организаций ФСИН России) индивидуально-психологические факторы успешности.

К универсальным индивидуально-психологическим факторам успешности младшего командира на основе данного критерия отнесены «способность к адаптации» и «увлеченность деятельностью», поскольку в ходе анализа литературы были выделены такие группы личных качеств, как:

- адаптационные качества – сила и подвижность нервных процессов [15], быстрота и гибкость мышления [11], идентичность [18], социальная адаптация к военно-профессиональной деятельности как активное приспособление к изменяющейся окружающей среде [17], а также различные факторы социальной адаптации [8];

- лидерские и организаторские способности, которые описываются как умение управлять людьми, быстро и точно принимать решения [15], обладание командирским потенциалом и организаторскими способностями [20], «...у командира должны обязательно присутствовать «черты победителя», «черты лидера» (достижения личности в профессиональной деятельности) и «черты отца», который, по З. Фрейду, не даст в обиду. Он строг, может наказать, но защитит» [21, с. 22], социальная эргичность как от-

крытость, стремление к лидерству [29], дисциплинированность, справедливость, самостоятельность в деятельности [14], авторитет [30], организованность, дисциплинированность [6], способности к руководству подчиненными [10], педагогические способности [12], лидерские способности [31], ответственность, целеустремленность, способность к лидерству, организованность, властность, требовательность, решительность, авторитет, справедливость, инициативность [11], личный авторитет [18], «лидерский потенциал и обеспечивающие его «лидерские качества»... личный авторитет и лидерский статус» [4, с. 89], «командир обязан руководить и командовать» [3, с. 109];

– коммуникативные качества – повышенная коммуникабельность [3], общительность и легкость в установлении социальных связей [29], умение устанавливать контакт с подчиненными и открытость к их просьбам [32], коммуникативные способности [21], горизонтальные, вертикальные, неформальные, обратные коммуникации [6], ролевое общение [7], стремление поддерживать хорошие отношения в группе, общительность, стремление к сотрудничеству [11], коммуникативные умения [18];

– качества эмоционально-волевой сферы: индивидуальное эмоциональное состояние [9], владение собой [32], психологические качества, выражающиеся в высокой степени эмоциональной устойчивости [15], эмоционально-чувственная сфера и повышенный самоконтроль [33], наличие развитых волевых качеств [15], высокий уровень эмоциональной устойчивости [7], психологическая устойчивость к стресс-факторам [18];

– мотивационные характеристики: усиление сознательных мотивов поведения [3], желание и интерес заниматься руководящей работой, умение мотивировать и стимулировать курсантов [4], «доминирование в своей деятельности мотивационной установки на альтруизм, стремление к профессиональному успеху» [29], «профессиональная направленность, заключающаяся в высокой мотивации к службе в органах внутренних дел, развитого чувства долга и дисциплинированности» [15], мотивы достижения, познавательные мотивы [18], личностная направленность [20], мотивы социального сотрудничества [7], профессиональная направленность [11].

Анализ содержания обозначенных характеристик дает основание полагать, что большинство исследователей в перечне личностных черт выделяют следующие элементы, которые относятся к универсальным личностным чертам, присущим младшим командирам: адаптационные качества, лидерские и организаторские способности, коммуникативные качества, качества эмоционально-волевой сферы, мотивационные характеристики. Данные универсальные личностные черты, как видно из анализа научных источников, встречаются во многих трудах, посвященных проблемам отбора и личностным чертам младших командиров, а также в работах, изучающих вопросы лидерства и руководства малым коллективом. Можно сказать, что при анализе личности младшего командира авторы в первую очередь отмечают наиболее характерные личностные черты, присущие военному руководителю среднего звена, имеющие схожие социальные взаимодействия и модель поведения, но не отражающие связь с успешностью в деятельности.

Таким образом, полученный нами фактор «способность к адаптации» практически полностью соответствует выделенному блоку адаптационных качеств, а «увлеченность деятельностью» в целом можно соотнести с блоком мотивационных характеристик, затрагивающих профессиональную направленность. При этом у факторов «мнительность» и «эмоциональность реагирования» не обнаружилось достаточно близких аналогов.

Рассмотрим каждый полученный фактор более подробно.

Способность к адаптации у заместителя командира взвода имеет аналогичную социально-психологическую характеристику в исследовательской работе И. В. Дрюпиной [34].

Аналогом фактора «способность к адаптации» является также личностный адаптационный потенциал, который рассматривался А. Г. Маклаковым [35]. В итоге «способность к адаптации» является не только фактором или чертой личности младшего командира, но и личностным свойством любого человека. В силу этого данные научные исследования подтверждают универсальность фактора «способность к адаптации» как для младшего командира, так и для личности в целом. Ведь после поступления в военизированный вуз происходит отрыв от привычного уклада жизни, смена ближайшего окружения, ограничение некоторых возможностей согласно распорядку дня, нехватка информации, смена привычных моделей и стереотипов поведения – все это сопровождается психологическим напряжением и требует от курсантов и заместителей командиров взводов способности к адаптации. Способность к адаптации у младшего командира к среде военизированного вуза может также выражаться в последовательном разрешении трудностей обучения в связи с выполнением дополнительных обязанностей, о чем упоминалось в научно-исследовательской работе Ю. С. Мигуновой [2].

Следует отметить, что способность к адаптации у успешного заместителя командира взвода в военизированном вузе выражается в быстрой самоадаптации к резко изменяющейся среде, то есть в постоянном приспособлении к меняющимся обстоятельствам, например, в оперативном решении поставленных задач от руководства, разделении их на приоритетные и второстепенные поручения. Главным показателем способности к адаптации, на наш взгляд, является активность заместителя командира взвода в организации служебно-боевой и учебной деятельности, ежедневном воспитании подчиненных курсантов, а также выполнении обширного спектра прямых функциональных обязанностей. Высокой адаптивности требует от младшего командира и его маргинальное положение, предполагающее наличие часто противоречащих друг другу ожиданий от вышестоящего руководства и членов его учебной группы.

Кроме того, способность к адаптации как личностная черта в ведомственном вузе демонстрируется в соблюдении служебной дисциплины, проявлении уставных взаимоотношений, инициативности. Тем не менее только после завершения первой сессии у младшего командира формируется представление об особенностях руководства коллективом, о порядке распределения суточных нарядов, личностных особенностях подчиненных курсантов, об обеспечении организации учебных занятий и о прохождении промежуточных и итоговых аттестаций. Как показывает практика, первопричинами затрудненной способности к адаптации являются сложность привыкания к новым условиям, большие служебные нагрузки, слабый уровень развития навыков самообразования в часы самостоятельной подготовки, неопределенность в интересах и склонностях, недостаточное овладение навыками работы с подчиненными, низкий уровень социализации, недостаточное внимание и методическая помощь со стороны вышестоящего руководства.

Таким образом, фактор «способность к адаптации» проявляется во всех сферах жизнедеятельности младшего командира – бытовой (проживание совместно с подчиненными курсантами), учебной (освоение образовательной программы), служебной (подчинение инструкциям и требованиям службы).

Связь способности к адаптации с успешностью деятельности у заместителя командира взвода, на наш взгляд, является наиболее очевидной по сравнению с другими выявленными факторами, поскольку эффективное приспособление к новой деятельности является предпосылкой ее успешности, а успешность деятельности, в свою очередь, является одним из критериев оценки адаптации личности.

Можно констатировать, что чем сильнее выражена способность к адаптации у младшего командира, тем выше вероятность сохранения работоспособности на протяжении всего периода обучения и достижения успехов в деятельности при воздействии различных внешних стресс-факторов.

Второй фактор – «увлеченность деятельностью» предопределяет уровень психологической отдачи от прилагаемых для решения служебных задач усилий и затрачиваемой энергии заместителя командира взвода.

В ходе анализа и интерпретации нами был обнаружен близкий по значению к увлеченности деятельностью показатель профессиональной пригодности, который в трудах Института психологии РАН указывается как «удовлетворенность работой» [36, 37, 38]. Данный показатель пригодности раскрывается как «психическое состояние, отражающее отношение к профессиональной деятельности, к отдельным ее компонентам, а также как показатель ее успешности, результативности» [37, с. 24]. При этом удовлетворенность работой широко раскрывается как в теоретическом плане, так и в эмпирических результатах. Например, удовлетворенность работой в некоторых зарубежных исследованиях коррелируется с возрастом и наличием опыта [39], жалованием и дополнительными льготами младших командиров [40]. D. S. Romita анализирует удовлетворенность трудом младших командиров Вооруженных сил Военной академии Шри-Ланки. Коммуникационное взаимодействие младшего командира с вышестоящим руководством указывается как статистически значимое для продуктивности военной деятельности [40]. На первый взгляд может показаться, что по своему содержанию удовлетворенность работой является следствием увлеченности деятельностью и одновременно стимулирующим фактором. Однако вначале в деятельности, как правило, имеются определенные ожидания от нее, и минимальный интерес к ней, который затем, по мере отдачи от деятельности, перерастает в увлеченность ей. Удовлетворенность работой формирует дальнейший интерес, поглощенность и увлеченность деятельностью. Таким образом, увлеченность деятельностью формирует, активизирует, стимулирует и развивает удовлетворенность, образуя своего рода преемственность. В силу этого именно интерес как основа развития увлеченности представляется нам первичным в этой взаимосвязи. Удовлетворенность работой проявляется как процесс и одновременно результат труда, увлеченность деятельностью заместителя командира взвода носит первоначально поверхностный характер и лишь в процессе освоения деятельности нарастает ее объем, содержание и как следствие появляется результат. В итоге заместитель командира взвода на первом курсе сначала лишь увлекается деятельностью руководителя, а затем удовлетворение от этой деятельности становится устойчивым мотивационным фактором его активности.

Когда первоначальный интерес к характеру деятельности командира, лежащий в основе увлеченности, отсутствует и нет соответствующих положительных стимулов при наличии отрицательных, которые также существуют в деятельности командира в виде недовольства начальников и одногруппников, сравнительно быстро возникает неудовлетворенность командирской работой и потеря интереса к ней, вдохновения и желания осуществлять руководство подразделением. Это выражается в равнодушии, низкой производительности, что сказывается на учебных и служебных показателях всего подразделения. Обычно за этим следует снятие с должности по согласованию или по инициативе руководства учебно-строевого подразделения. Можно констатировать, что увлеченность деятельностью командира, в основе которой лежит интерес к ней, следует рассматривать как базу поддержания дальнейшей активности.

Схематически связь увлеченности деятельностью с успешностью можно изобразить следующим образом: появление интереса → проявление активности → положительные эмоции от процесса и результатов активности → формирование удовлетворенности → стремление к поддержанию активности и ее совершенствованию → успех.

Что касается таких факторов, как «мнительность» и «эмоциональность реагирования», то они в данном исследовании определяются как специфические, то есть характерные только для заместителей командиров взводов образовательных организаций ФСИН России. Отметим, что до проведения данного исследования в литературных источниках вопрос о наличии специфических личностных черт заместителя командира взвода образовательных организаций ФСИН России, отличающих их от других младших командиров, не ставился.

Фактор, названный в нашем исследовании «мнительность», по содержанию несколько отличается от одноименной личной характеристики, которая в литературе рассматривается как снижающая продуктивность деятельности нервно-психической неустойчивости у личности [41] или как отрицательная черта характера младшего командира [42]. Однако в данном исследовании мнительность подразумевает и определенную тенденцию ее применения.

Фактор «мнительность» содержит характеристики коррелирующей с успешностью шкалы «О (Тревожность)» теста Кеттелла, поэтому он предполагает наличие в личностных чертах младшего командира таких характеристик, как беспокойство, боязливость, склонность к предчувствиям, напряженность в трудных ситуациях, тревожность, сильное чувство долга, скрупулезность, суетливость. Однако в сочетании со шкалой «MD (Стремление выглядеть в благоприятном свете)» теста Кеттелла, отнесенной к тому же фактору, данные качества служат тому, что энергия тревоги реализуется в конструктивных действиях, направленных на получение позитивной оценки руководства и ближайшего окружения. Недовольство собой и излишняя критичность к себе в данном случае мотивируют младшего командира к совершенствованию служебной деятельности, избеганию ошибок, наилучшему исполнению обязанностей.

Таким образом, фактор «мнительность» позволяет младшему командиру достигать хороших результатов в деятельности за счет приложения большего количества усилий, мотивируемых стремлением избежать неудачи и выглядеть в лучшем свете. Беспокойство, склонность к предчувствиям и тревожность, по нашему мнению, нередко являются следствием повышенного уровня ответственности за себя и коллектив, желанием избежать критики, страха ошибки, получения взыскания, понижения по службе или отчисления. Сильное чувство долга и скрупулезность ориентируют четко следовать приказам и ведомственным инструкциям, задавать высокую планку личного примера в плане дисциплинированности и несения службы, в каком-то смысле компенсировать отсутствие опыта руководства. При этом критичность к себе позволяет требовательно относиться и к подчиненным курсантам.

Данные результаты соотносимы с данными, приведенными в работе Ю. С. Мигуновой, посвященной субъективной оценке курсантами межличностных отношений с младшим командиром, где показатель реальной направленности межличностных отношений по шкале «Подозрительный» был выше, чем показатель идеальной направленности [20], то есть в служебной деятельности, и особенно в межличностных отношениях, младший командир проявлял притязательность, критичность, подозрительность и недоверчивое отношение к подчиненным курсантам гораздо больше, чем от него ожидали.

Таким образом, фактор «мнительность» и успешность в служебной деятельности связаны посредством перехода тревожности, самокритичности, скрупулезности, стрем-

ления к избеганию ошибок и получению положительных оценок в дополнительные усилия по достижению наилучших личных и групповых результатов в учебе и служебной деятельности.

Данные результаты, по нашему мнению, играют важную роль при отборе курсанта на должность заместителя командира взвода, так как полученный фактор «мнительность» указывает на специфические личностные черты, которые, как правило, не рассматриваются при назначении на должность.

Фактор «эмоциональность реагирования» содержит характеристики включенных в него шкал «Экспрессивность» и «Демонстративность». Содержание фактора «эмоциональность реагирования» близко также к таким индивидуально-психологическим чертам, как восторженность, импульсивность, харизматичность, стремление произвести впечатление, динамичность в общении, тщеславность, экспрессивность и стремление к эмоциональному лидерству во взаимоотношениях. Эмоциональность реагирования предполагает, что младший командир обладает навыками передачи эмоционального настроения, умением привлечь внимание курсантов к выполнению поставленных задач, навыками эмоционального реагирования на недопустимое поведение курсантов, эмоционального заражения других курсантов состояниями, необходимыми для преодоления трудностей, мотивирования курсантов на достижение поставленных руководством целей в соответствующих возрастной культуре стиле и терминах.

Эмоциональность реагирования у заместителя командира взвода на этапе профессионализации в образовательных организациях проявляется в умении воздействовать на настроение, эмоциональные состояния окружающих, тем самым создавая условия для позитивных переживаний, воодушевляющую мотивацию, вызывая у курсантов готовность к действию.

Успешный младший командир, характеризующийся эмоциональностью реагирования, с одной стороны, способен ярко отразить эмоциональное состояние своего коллектива, а с другой стороны, является генератором эмоционального настроения, душой коллектива и вдохновителем идей, что подкрепляется наличием у него определенных ресурсов для поощрения и наказания курсантов. Уважение, эмоциональная сила влияния, репутация проявляются в процессе воздействия на учебную группу и отражают некоторые аспекты лидерства младшего командира.

Успешный заместитель командира взвода благодаря эмоциональности реагирования умеет приводить в равновесие подчиненный личный состав, так как он доминирует в формировании настроения группы (в том числе конструирует деловые и эмоциональные отношения между ее членами). Следовательно, успешность в деятельности может быть достигнута за счет таких качеств младшего командира, как открытость в общении, позитивный настрой, открытость к сотрудничеству, экспрессивность, сердечность, выраженный эмоциональный стиль деятельности.

За счет эмоциональности реагирования, демонстрирующего его открытость и небезразличие к группе, успешный заместитель командира взвода может создавать атмосферу открытости и эмоционального комфорта. Своими действиями успешный младший командир способен вызывать доверие, вселять уверенность и тем самым снижать психологическую напряженность при возникновении конфликтов или личных проблем у курсантов. Благодаря эмоциональности реагирования успешному младшему командиру как связующему звену между курсантами и руководством удастся повышать продуктивность коммуникации, в том числе доводить до сведения руководства проблемы и реакции курсантов на те или иные указания.

Кроме того, связь эмоциональности реагирования и успешности, на наш взгляд, может объясняться тем, что в среде молодежи проявление эмоционального резонирования (усиления) и экспрессивности является наиболее пропагандируемым и популярным типом поведения. Такой тип эмоционального поведения приводит его обладателя к популярности и признанию в молодежной среде. По нашему мнению, успешный младший командир должен быть эмоциональным лидером в подразделении, тогда эмоциональные переживания успеха усиливаются в коллективе курсантов.

Таким образом, проведенный нами анализ теоретических данных и полученных в исследовании факторов свидетельствует о том, что успешные заместители командиров взводов в образовательных организациях ФСИН России имеют как общие черты, присущие всем успешным младшим командирам, так и специфические, выявленные только у младших командиров курсантских подразделений образовательных организаций ФСИН России.

Обсуждение

Результаты анализа связи выделенных специфических индивидуально-психологических факторов младших командиров с успешностью показали, что указанные выше причины этой успешности связаны скорее с общими, чем со специфическими для вузов ФСИН России организационно-правовыми факторами. Однако ранее данные факторы исследователями не выявлялись, что, на наш взгляд, может быть обусловлено рядом причин.

Во-первых, в диссертационных исследованиях отечественных ученых личностные черты младших командиров изучались в системе МЧС России, МВД России, ВС РФ, рассматривались преимущественно при изучении вопросов индивидуального стиля руководства, управленческой деятельности младшего командира, межличностных отношений в коллективе, психологической совместимости курсантов и младшего командира. Учеными лишь косвенно освещалась тема связи личностных черт младшего командира с общей успешностью в служебной деятельности. В силу этого ряд качеств изначально не охватывался исследователями.

Во-вторых, культура молодежной среды динамично меняется и исследования, проведенные более десяти лет назад, могли утратить свою актуальность.

В-третьих, исследователи могли пренебречь полученными результатами, которые, по их мнению, представлялись малозначительными или сомнительными, например, выделение мнительности как профессионально значимого качества.

Получению качественно новых результатов также могли способствовать применение факторного анализа и авторская интерпретация содержания полученных факторов.

Выводы

Проведенное исследование, с одной стороны, корреспондирует с рядом ранее полученных результатов, с другой стороны, открывает ряд индивидуально-психологических факторов успешности деятельности младших командиров курсантских подразделений, которые ранее не были в поле зрения исследователей.

К корреспондирующим отнесены такие факторы, как:

– способность к адаптации – характеризуется как универсальный, проявляющийся активностью в служебной и учебной деятельности, соблюдении нормативности поведения. Способность к адаптации прямо пропорционально связана с успешностью в деятельности: чем выше уровень адаптации, тем значительнее успехи заместителя командира взвода;

– увлеченность деятельностью – является универсальным фактором, связанным с общением, признанием значимости в среде курсантов, а также одним из условий достижения успеха младшего командира.

К вновь выделенным отнесены:

– мнительность – специализированный фактор, который проявляется в самокритичности и требовательности к курсантам. Связь мнительности и успешной служебной деятельности объясняется тем, что заместитель командира взвода требовательностью к себе в совокупности с собственным примером побуждает курсантов к учебно-профессиональной деятельности;

– эмоциональность реагирования – специализированный фактор, связанный с эмоциональным резонированием (усилением) и экспрессивностью заместителя командира взвода. Связь эмоциональности реагирования с успешной деятельностью можно объяснить тем, что заместитель командира взвода в подразделении является эмоциональным лидером и задает общий настрой в коллективе, поэтому эмоциональные переживания успеха охватывают всю учебную группу.

Перспективы исследования

Можно предположить, что в силу недостаточной разработанности проблемы тема анализа и интерпретации личностных черт младшего командира в вузах ФСИН России имеет множество перспективных направлений.

По нашему мнению, в качестве перспективного направления дальнейших исследований и научных разработок может выступать увеличение количества экспериментальной выборки (респонденты других образовательных организаций ФСИН России), подбор новых методик для диагностики способностей кандидатов, претендующих на должность заместителя командира взвода, разработка профессиограммы младшего командира. В перспективе для уточнения показателей успешности могут потребоваться экспертные оценки деятельности заместителя командира взвода (сотрудниками учебно-строевого подразделения и преподавателями вуза), а также ключевые показатели деятельности учебных групп (количество нарушений, успеваемость и др.). Кроме того, одним из направлений дальнейших исследований может стать сравнительный анализ психологических особенностей курсантов и младших командиров.

С целью развития и совершенствования деятельности образовательных организаций ФСИН России представляется перспективным направлением изучение как комплексных теоретических, так и методико-практических аспектов деятельности заместителя командира взвода в образовательных организациях ФСИН России. В качестве продолжения исследования также представляет интерес разработка программы профессиональной подготовки заместителей командиров взводов на основе изучения их личностных черт, которая включала бы в себя тестирование, создание условий для развития благоприятных для деятельности качеств, начальную-управленческую подготовку, социально-психологическую работу.

Подводя итоги, полагаем, что полученные данные могут использоваться сотрудниками психологических служб образовательных организаций ФСИН России с целью выявления кандидатов на должности заместителей командиров взводов учебных групп, а также для прогнозирования успешности в деятельности действующих младших командиров. Исследовательские материалы могут послужить основой для разработки программ психологического сопровождения младших командиров в пространстве вузов ФСИН России на различных этапах обучения.

Интерпретационные данные могут быть использованы для психологической подготовки младших командиров военизированных вузов с определенной модификацией по профилю профессионального образования.

Библиографический список

1. Справочник младшего командира. М. : Воениздат, 2007. 540 с.
2. Мигунова Ю. С. Социально-психологические аспекты маргинальности статуса сержантского состава учебных подразделений образовательных организаций высшего образования МЧС России // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 3(8). С. 95–98.
3. Иванов С. А. Формирование навыков воспитательной деятельности у курсантов военно-учебных заведений : дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 181 с.
4. Евтихов О. В., Жильцов А. В. Профессионально-управленческая компетентность и проблема лидерства младших командиров учебных групп образовательных организаций МВД России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4(29). С. 87–92.
5. Безушко О. Я. Социально-психологические особенности эффективного стиля руководства командиров учебных подразделений : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 19 с.
6. Веркин В. С. Управленческая деятельность командира курсантского подразделения: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
7. Головачев А. А. Ролевой конфликт в деятельности сержантов курсантских подразделений вуза : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2000. 184 с.
8. Денисенко А. Г. Метаиндивидуальное проявление агрессивности у военнослужащих: на материале исследования курсантов военного института МВД : дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2004. 144 с.
9. Красовская А. Е. Психологическая совместимость младших командиров курсантских подразделений как взаимная удовлетворенность межличностными отношениями : дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 191 с.
10. Колесник А. В. Формирование психолого-педагогической компетенции у сержантов учебных подразделений в военном вузе : дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2016. 167 с.
11. Марьясис И. Б. Психологические условия совершенствования стиля руководства младшего начальствующего состава образовательных учреждений МВД России : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 193 с.
12. Резникова Р. К. Формирование навыков обучения и воспитания личного состава у младших командиров кораблей ВМФ : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 24 с.
13. Токарев Н. А. Профессионально-психологическая подготовка рядового и младшего начальствующего состава милиции подразделений охраны органов внутренних дел : дис. ... канд. психол. наук. М., 1990. 328 с.
14. Трягин М. М. Социально-психологические особенности ролевого поведения младшего командира подразделения : дис. ... канд. психол. наук. Голицыно, 2012. 186 с.
15. Федотов С. Н., Милюкова Ю. Д. Роль психолога в развитии коммуникативной компетентности у младших командиров учебных взводов образовательных организаций МВД России // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов Всерос. симп. психологов / под общ. ред. Д. В. Сочивко. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 748–752.

16. Гацко М. Ф. Профессиональная подготовка унтер-офицеров и сержантов в зарубежных армиях // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 5. С. 21–28.

17. Капустин В. В. Об управлении социальной адаптацией сержантов-профессионалов к будущей военно-профессиональной деятельности на этапе обучения // Проблемы безопасности. 2012. № 2(16). С. 8–9.

18. Караяни А. Г., Гожиков В. Я., Ларин В. Б. Повышение роли сержантского состава военных вузов в реализации социально-психологических функций образовательного процесса, связанных с его подготовкой к служебной деятельности // Военный академический журнал. 2016. № 2(10). С. 151–156.

19. Касавцев М. Ю. Методика подготовки сержанта курсантского подразделения в процессе воинского обучения и воспитания // Инновации в науке и образовании : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 6 мая 2016 г.). Новосибирск : ЦСРНИ, 2016. С. 67–71.

20. Мигунова Ю. С., Назаров В. И. Особенности командно-управленческого взаимодействия младшего командного состава учебных подразделений вузов МЧС России // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 214–217.

21. Ревенко Е. П., Семчук И. В. Роль «Я-концепции» командира в формировании имиджа курсанта // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 2. С. 20–23.

22. Холина Л. И., Татаров И. В. Особенности профессиональной подготовки младших командиров в учебном центре военного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6(67). С. 300–301.

23. Britt T. W., Davison J., Bliese P. D. & Castro C. A. 2004, 'How leaders can influence the impact that stressors have on soldiers', *Military Medicine*, vol. 169, pp. 541–545.

24. Bartone P. T., Snook S. A., Forsythe G. B., Lewis P. & Bullise R. C. 2007, 'Psychosocial development and leader performance of military officer cadets', *The Leadership Quarterly*, vol. 18, iss. 5, pp. 490–504.

25. Киселев А. М. Профессиональная подготовка курсантов (слушателей) образовательных учреждений УИС Минюста России и пути ее совершенствования при изучении специальной тактики : дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2001. 254 с.

26. Лазуткина Л. Н. Педагогическая концепция формирования и развития речевой культуры у курсантов военных командных вузов : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008. 462 с.

27. Дмитриев А. И., Максимов А. В. Роль командира подразделения в выявлении постстрессового состояния у курсантов института ФСИН России // Перспективные направления развития артиллерийского вооружения, методов его эксплуатации и ремонта : сб. тр. XI межвуз. науч.-практ. конф. Пермь : Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. С. 144–147.

28. Литвишков В. М., Кучерявая О. А. К вопросу о методике исследования профессионально значимых качеств личности курсантов вузов ФСИН России // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1(76). С. 125–130.

29. Курганов В. Н. Профпригодность к руководству первичным воинским коллективом // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2009. № 1. С. 133–140.

30. Тюменева Н. П., Кашинцева И. Л. Опыт формирования духовно-нравственных ценностей курсантов и студентов образовательных организаций Федеральной служ-

бы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28 (1–4), № 4. С. 639–645.

31. Сивак А. Н., Беляева О. А. Проблема соотношения лидерства и власти в среде курсантов военного института // Прикладная юридическая психология. 2019. № 4(49). С. 92–98.

32. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Военная психология : учебник. М. : ВУ, 2016. 500 с.

33. Мигунова Ю. С., Сафронов Н. А. Социально-психологические векторы межличностных отношений в курсантских подразделениях // Пожарная и аварийная безопасность : сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной году гражданской обороны. Иваново : Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2017. С. 683–686.

34. Дрюпина И. В. Психолого-эргономические составляющие успешности служебной деятельности младшего командира военно-учебного заведения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 21 с.

35. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. № 1(22). С. 16–24.

36. Бодров В. А. О соотношении категорий «профессиональная пригодность» и «удовлетворенность работой» // Развитие психологии в системе комплексного человекознания : материалы Всерос. науч. конф., посвященной 40-летию Института психологии и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова. М. : Институт психологии РАН, 2012. С. 615–620.

37. Бодров В. А. Удовлетворенность работой как субъективный показатель профессиональной пригодности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2007. № 3(40). С. 24–26.

38. Кузнецова Е. В., Журавлева Н. И. Динамика удовлетворенности менеджеров работой как фактор их «микрочастьеры» // Системогенез учебной и профессиональной деятельности : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 214–217.

39. Locke E. A. 1976, 'The Nature and Causes of Job Satisfaction', *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*, vol. 1, pp. 1297–1343.

40. Romita D. S. 2019, 'Factors affecting job satisfaction of non-commissioned officers in Sri Lanka Military Academy', in *Vavuniya Campus International Research Symposium, November, 2019*, pp. 68–72, Sri Lanka.

41. Справочник офицера-воспитателя. Сер. Право в Вооруженных Силах – консультант. М. : За права военнослужащих, 2003. Вып. 35. 368 с.

42. Боровицкий А. М. Педагогические условия развития коммуникативной культуры курсантов военного института внутренних войск МВД России : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2016. 246 с.

ЮБИЛЕЙ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА БОДЬКО

Для цитирования

Казанцев, В. Н. Юбилей Петра Петровича Бодько / В. Н. Казанцев, М. И. Кузнецов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 145–146.

4 января 2021 г. 70-летний юбилей отмечал член президиума совета Общероссийской общественной организации ветеранов уголовно-исполнительной системы, председатель комитета ветеранов Академии ФСИН России Петр Петрович Бодько. Его жизненный путь является отражением истории академии.

После окончания восьмилетки в родном селе Лесовые Сорочинцы Прилуцкого района Черниговской области Петр Бодько поступил в Прилуцкое педагогическое училище имени И. Я. Франко для обучения по специальности «Учитель труда и физического воспитания». Впоследствии работал в средней школе учителем, выполнил нормативы кандидата в мастера спорта по лыжным гонкам и мастера спорта по зимнему многоборью. В 1972 г. был призван на службу в Вооруженные Силы СССР. Служил в Рaketных войсках стратегического назначения. На армейской службе прошел путь от рядового до старшины. После увольнения в запас вернулся на малую родину, работал на Прилуцком заводе строительных машин инструктором физической культуры.

Затем принял решение о переезде в город Березники Пермской области. Через год работы в северном крае подал документы для поступления в Рязанскую высшую школу МВД СССР. Это был четвертый набор в недавно образованный вуз, созданный для подготовки кадров для исправительно-трудовых учреждений страны.

С первых дней учебы П. Бодько активно вступил в новую жизнь: прилежно учился, был активен в спорте. Незаурядного слушателя заметили и назначили физоргом курса. Затем он стал командиром учебной группы, а потом – старшиной курса. По завершении обучения лейтенант П. Бодько получил дипломом с отличием. В зачетной ведомости всего одна оценка «хорошо».

Как отличник учебы, он мог выбрать для прохождения службы любой регион Советского Союза. Никогда не пасовавший перед трудностями (сказывалось воспитание родителей и спортивная закалка), Петр Бодько выбрал одно из самых дальних лесных учреждений на территории Коми ЛССР – Управление КЛ-400 (поселок Микунь). Как члена партии, его направили на службу в политотдел, а затем в одно из подразделений Микуньского управления на кадровую работу.

В 1982 г. состоялся перевод Петра Бодько для дальнейшего прохождения службы в альма-матер на должность научного сотрудника. С 1983 по 1992 год – работа на руководящих должностях учебно-строевых подразделений (курсов). Сводные батальоны РВШ МВД СССР неоднократно привлекались в 1980-х годах к обеспече-

нию общественного порядка на массово-политических мероприятиях в столице СССР г. Москве. Вместе с подчиненными П. П. Бодько выполнял служебные задачи в 1985 г. на XII Международном фестивале молодежи и студентов, в 1986 г. – на Играх Доброй воли. Более сложные задачи выпали на службе по охране общественного порядка и поддержанию конституционного строя в Закавказье в 1980–1990 гг. За этот период в общей сложности пришлось провести в трех командировках на территории Нагорно-Карабахской автономной области более семи месяцев.

За образцовое выполнение задач в разное время П. П. Бодько награжден двумя медалями «За отличную службу по охране общественного порядка». Он является единственным сотрудником МВД–УИС, дважды отмеченным этой государственной наградой.

Затем шесть лет была служба в должности заместителя начальника впервые образованного в вузе юридического факультета. В 1998 г. П. П. Бодько назначается заместителем начальника учебного заведения по служебно-боевой подготовке. На этом посту в полной мере раскрылись организаторские и творческие способности Петра Петровича.

В 2006 г. после 36 лет службы П. П. Бодько уволился на пенсию. В 2012 г. был приглашен для работы в академию на должность начальника специального курса Института Академии ФСИН России, избран председателем комитета ветеранов Академии ФСИН России. В этой сфере деятельности он раскрыл свои лучшие человеческие и организаторские качества, на новый уровень поставил работу многосотенной ветеранской организации нашего вуза.

Несколько лет назад в одной из публикаций в вузовской многотиражке П. Бодько называли легендой вуза. Однако, на наш взгляд, более уместно назвать Петра Петровича связующим разные поколения сотрудников как УИС, так и учебного заведения, хранителем давних и создателем новых традиций нашего вуза.

Сотрудники, курсанты и студенты академии, ветераны учебного заведения, члены их семей, тысячи выпускников в нашей стране и за рубежом поздравляют П. П. Бодько с юбилеем, желают ему здоровья, долголетия, бодрости и свершения всех планов!

В. Н. Казанцев,
первый заместитель комитета ветеранов
Академии ФСИН России;
М. И. Кузнецов,
член комитета ветеранов
Академии ФСИН России

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

Vitaliy Vladimirovich Geranin, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the department of criminal law and procedure, Branch of the S. Yu. Witte Moscow University in Ryazan, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-0251-2002, e-mail: gvvrzn@mail.ru;

Svetlana Nikolaevna Mal'tseva, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminal law and procedure, Branch of the S. Yu. Witte Moscow University in Ryazan, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-9252-284X, e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru

PROBLEMS OF FUNCTIONING OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AND COLONIES-SETTLEMENTS IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PENALTIES

Recommended citation

Geranin, V. V. & Mal'tseva, S. N. 2021, 'Problems of functioning of correctional institutions and colonies-settlements in the system of criminal penalties', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 10–26, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.10-26.

Abstract. The article substantiates the thesis that the current system of criminal penalties began to function not immediately after the entry into force of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996, but much later – when the punishments that were later called alternative ones actually began to be applied. At the same time, one of its main elements is a punishment in the form of forced labor, the main purpose of which in the system is to be a link between imprisonment and other punishments, has not been able to achieve the required standards so far. And the reason for this is not the lack of material and financial capabilities of the penitentiary system, but rather the lack of organization of this criminal legal measure for the system of criminal penalties. The performance of functions that have long been successfully performed by colonies-settlements was supposed to be replaced by forced labor. These institutions were initially unfairly classified as performing deprivation of liberty due to an error made in the interpretation of the terms "isolation" and "isolation from society". Isolation from society, as an essential attribute of incarceration, is characteristic of only three types of punishments: life imprisonment, imprisonment for a certain period of time and arrest. Since there is no isolation from society in the colonies-settlements, they carry out a different, alternative punishment to imprisonment and therefore must be removed from the jurisdiction of liberty deprivation. The adoption of such a decision will lead not to a formal, but to a normative-legal competition between two identical elements within the same system of penalties. Despite all the made efforts, forced labor for four years of application on average was imposed only in 0.2% of all punishments imposed by the courts, which makes it possible to classify them as unpromising. The colonies-settlements, on the other hand, have established themselves as a stable and effective institution over the nearly sixty-year period of their existence. In this regard, it is more reasonable for the legislator to make his choice on the colonies-settlements. In addition, it will save (redirect) significant resources spent today on the creation of correctional centers. The article makes a number of proposals to amend the current criminal and penal legislation.

Keywords: the system of criminal penalties, forced labor, colonies-settlements, isolation, isolation from society, restriction of freedom, correctional center.

References

- Paliy, V. V. 2015, 'System and types of punishments', in A. I. Chuchaev (ed.), *Criminal Law of the Russian Federation. General and Special parts*, KONTRAKT, INFRA-M, Moscow.
- Volkova, V. N. & Denisov, A. A. 2014, *System theory and systems analysis.*, 2nd edn, Urite, Moscow.
- Karpets, I. I. 1961, *Individualization of punishment in Soviet criminal law*, Moscow.
- Tkachenko, V. 1997, 'General principles of sentencing', *Russian Justice System*, iss. 1, pp. 10–11.
- Rarog, A. I. (ed.) 2011, *Criminal law. General part*, Prospekt, Moscow.
- Kuznetsova, N. F. & Tyazhkova, I. M. (eds) 2011, *The course of the criminal law: General part*, in 5 vols, vol. 2, Zertsalo-M, Moscow.
- Seliverstov, V. 2012, 'Prisons should not be the main form of punishment', *Nezavisimaya Gazeta*, 2 October, viewed 15 November 2020, http://nvo.ng.ru/ng_politics/2012-10-02/9_seliverstov.html.
- Natashev, A. E. 1964, 'About kara and upbringing', *To a new life*, iss. 3.
- Malikov, B. Z. 2001, *Deprivation of liberty in Russia (theoretical and legal problems of nature and purpose of punishment)*, Saratov Law Institute of the MIA of Russia, Saratov.
- Kim, V. V. 2018, 'Problems of the dual nature of the legal expression of isolation of convicts sentenced to deprivation of liberty', *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, iss. 3, pp. 100–104.
- Makovik, R. S. 2009, *Staginess of personality isolation*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
- Bessarab, N. R. 2005, *Personality isolation as a legal category: PhD thesis (Law)*, Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.
- Drozdov, A. I. & Orlov, A. V. 2015, 'Forced labor and deprivation of liberty in colonies-settlements: comparative legal analysis', *Penal law*, iss. 1(19), pp. 40–44.
- Yuzhanin, V. E. 2018, 'Correctional colony-settlement is a type of liberty deprivation', *Penitentiary science*, iss. 1(41), pp. 19–25.
- Kadaneva, E. A. 2018, 'Competition of criminal penalties and other measures of a criminal-legal nature', *Criminal justice*, iss. 11, pp. 131–135.
- Uporov, I. V. 2019, 'Colonies-settlements as a type of penitentiary institution', *Discourse*, iss. 2(28), pp. 261–268.
- Utkin, V. A. 2018, *Problems of criminal penalties theory*, Tomsk State University, Tomsk.
- Zubova, A. O. & Simagin, A. O. 2020, 'Problems of punishment execution in the form of forced labor in the Russian Federation', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 1(37), pp. 44–50.
- Dokukina, D. D. 2015, 'Financial problems of the appointment and implementation of forced labor as a new type of criminal punishment', in *Current issues of legal sciences in modern conditions: collection of scientific works of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 78–79, St. Petersburg.
- Kadaneva, E. A. 2018, 'Competition of criminal penalties and other measures of a criminal-legal nature', *Criminal justice*, iss. 11, pp. 131–135.
- Geranin, V. V. & Mal'tseva, S. N. 2020, 'The goals of punishment: legitimate and latent', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 166–177.
- Parfenenko, I. P. & Antonets, A. S. 2014, 'Colonies-settlements as an alternative to forced labor', in *The activities of law enforcement agencies in modern conditions: materials of the XIX International Scientific and Practical Conference*, pp. 85–87, Irkutsk.
- Sautina, S. A. 2020, 'Correctional centers in the penitentiary system of the Russian Federation', *Journal of the penal system*, iss. 2(213), pp. 37–42.
- Karimov, V. A. 2019, 'Current issues of execution of sentences not related to the isolation of convicts from society', *Law and Politics*, iss. 4, pp. 20–27.

Yuriy Anatol'evich Kashuba, Sc.D (Law), Professor, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: koshianatol@yandex.ru

THE NORMS OF THE PENAL LEGISLATION THAT HAVE BECOME INVALID: SEARCH FOR THEIR NEW REGULATORY OPPORTUNITIES

Recommended citation

Kashuba, Yu. A. 2021, 'The norms of the penal legislation that have become invalid: search for their new regulatory opportunities', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 27–31, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.27-31.

Abstract. This article presents some changes in the criminal and penal legislation. The article analyzes the norms that have become invalid since the adoption of the Criminal and Penal Codes of the Russian Federation. The problematic and controversial points in the regulation of some legal institutions that have undergone changes are indicated. The main positive directions of the norms that have become invalid are analyzed in detail. As a result of the study, it is proposed to «reanimate» a number of norms of criminal and penal legislation for the subsequent effective use of their new regulatory capabilities.

Keywords: arrest, amateur organizations, correction, juvenile convicts, changes in legislation.

References

Denisov, S. V. 2008, *Social adaptation of persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment: criminal-legal, penal and criminological aspects: PhD thesis (Law)*, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, N. Novgorod.

Kashuba, Yu. A. 2006, 'Problems of modern penal policy', in *Criminal and Penal Policy of Russia: problems of formation and implementation: collection of theses of the International Scientific and Practical Conference (Vologda, December 14–15, 2006)*, in 2 vols, vol. 1, pp. 44–50, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda.

Kashuba, Yu. A. & Ponomarev, S. N. 2002, *Basess of the modern penal policy of Russia in relation to minors*, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.

Tarabuev, L. N. 2013, *Legal and organizational bases of amateur organizations activity sentenced to imprisonment*, Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda.

Tat'yana Fedorovna Minyazeva, Sc.D (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the department of criminal law and criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russian Federation; professor of the department of criminal law disciplines, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: minyazeva2008@rambler.ru

PENAL LAW – A SPECIAL BRANCH OF LAW

Recommended citation

Minyazeva, T. F. 2020, 'Penal law – a special branch of law', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 32–39, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.32-39.

Abstract. On the basis of dialectical-materialistic, philosophical, theoretical-applied and statistical methods of cognition, identification of opposites and contradictory unity of significant categories, principles and goals of penal law, the originality of this branch is determined in the article. The article substantiates the position that the main means of correction of convicted persons (regime, educational work, socially useful work, general education, vocational training and social impact) established in Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation cannot be criteria for evaluating their actual correction. These tools guide the convicted person to appropriate behavior in the conditions of being in the society of their own kind when performing deprivation of liberty or in the conditions of execution of criminal measures that are not related to isolation from society. Attention is drawn to the fact that a person, regardless of his behavior during the execution of the responsibility measure assigned to him, is released from serving it, if he does not commit a new crime. The person's failure to commit a new crime is predetermined by the moral and socio-economic conditions in which he found himself, his life position, and depends only on the person himself, in respect of whom any measure of a criminal nature is being implemented or has already been implemented. The author's opinion is justified, according to which it is necessary to develop criteria for the incorrigibility of a person who has already been punished, this is partially reflected in Part 5 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to refuse to fix in the law such a goal of punishment execution as a correction of the convicted person in connection with the inability to establish at the time of release of the person the criteria for achieving it, as well as taking into account data on recidivism after serving the sentence. The objectives of the execution of criminal measures are proposed to be recognized as ensuring the implementation of their content in accordance with the requirements of the law by means of regulating the proper procedure and conditions for the execution and serving of the assigned measure. It is emphasized that the penal law is designed to guarantee the implementation of the principle of the inevitability of criminal responsibility for what has been done.

Keywords: convicted person, responsibility, legal restrictions, law-abiding behavior, penal law, efficiency, regime, deprivation of liberty, inevitability of responsibility.

References

Golik, Yu. V. 2020, 'The future of the penal relations', in *Penitentiary security: National traditions and Foreign Experience: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, in 2 vols, vol. 1, pp. 15–16, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara.

Golovastova, Yu. A. 2019, *Penal law as a Branch of Russian Law: subject, method, sources, system: PhD thesis (Law)*, Moscow.

"Bitter statistics": 85 percent of Russian prisoners are recidivists 2015, *Vesti.Ru*, 25 March, viewed 21 September 2020, <https://www.vesti.ru/article/1764143>.

Drozдов, I. S. 2020, *Recidivism of crimes when convicts sentenced without deprivation of liberty: PhD thesis (Law)*, Tomsk.

Zelinskiy, A. F. 1980, *Recidivism of crimes (structure, connections, forecasting)*, Kharkiv.

Isaev, I. A., Poznyshev, S. V., Foynitskiy, I. Ya, Belyaev, N. A., Zubkov, A. I. & Melent'ev, M. P. 1980, *Functions of the soviet correctional labor law and the mechanism of their implementation*, Research Institute of the MIA of the USSR, Moscow.

Krysin, L. P. 2007, *Explanatory dictionary of Foreign words*, Eksmo, Moscow.

Milyukov, S. F. 2020, 'Criminological foundation of an effective Criminal Code of Russia', in *The effectiveness of criminal law, criminological and penal counteraction to crime: materials of the XII Russian Congress of Criminal Law, held on May 28–29, 2020 (in absentia)*, pp. 154–161, Urlitinform, Moscow.

Seliverstov, V. I. (ed.) 2017, *The general part of the new Penal Code of the Russian Federation. Results of the theoretical modeling justification*, Jurisprudence, Moscow.

The meaning of the saying "Only the grave will straighten out a hunchback" n.d., FB.ru, viewed 21 September 2020, <https://fb.ru/article/284896/smyisl-pogovorki-gorbatogo-mogila-ispravit>.

Anna Valer'evna Serebrennikova, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of criminal law and criminology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1064-4171, e-mail: serebranna@hotmail.com

DIGITALIZATION OF SENTENCES EXECUTION: STATE AND PROSPECTS

Recommended citation

Serebrennikova, A. V. 2021, 'Digitalization of sentences execution: state and prospects', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 40–45, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4). 1.40-45.

Abstract. The article is devoted to analysis of the formation aspect and use of modern information technologies in the field of control over the sentences execution, and also the limits of permissible interference in the field of this control are defined. The article deals with the influence of normative regulation of information security on the institution of citizens' rights and freedoms protection in modern Russia. The author points out the weakness of the use of modern technologies in the execution of criminal penalties. At the same time, the aspect of such cooperation has a completely understandable vector of development and cannot be implemented solely due to the lack of a specific concept on the part of law enforcement agencies.

Keywords: punishments execution, digitalization, human and citizen rights, information technology, criminal law.

References

Roache, R. 2013, 'How Technology Could Make "Life in Prison" a Much Longer, Tougher Sentence', *Slate*, August 12, viewed 15 November 2020, <https://slate.com/technology/2013/08/daniel-pelka-ariel-castro-how-life-extending-technology-could-make-a-life>.

Galkin, A. O. 2018, 'The need to develop a system of information and technical control over convicts in Russia on the example of the US experience', *Academy of Pedagogical ideas and Innovation. Student Scientific Bulletin Series*, iss. 5, pp. 683–689.

Inogamova-Khegay, L. V. 2019, 'Qualification of crimes with the use of computer technologies', in *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: materials of the XVI International Scientific and Practical Conference*, pp. 51–55, RG-Press, Moscow.

Kochkina, O. V. 2020, 'The use of artificial intelligence in the personnel work of the Federal Penitentiary Service and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation', in *Collection of scientific articles on the results of the Week of Russian Science in the Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the MIA of Russia*, pp. 338–340, Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the MIA of Russia, Ryazan.

Ruskevich, E. A. 2020, 'Criminal punishment and digital technologies: a bifurcation point', *State and law*, iss. 7, pp. 77–84.

Savenkov, A. N. 2017, 'Countering cybercrime in the financial and credit sector as a factor in ensuring global security', *State and law*, iss. 10, pp. 5–18.

Sergeeva, G. N. 2019, 'Digital society as a socio-cultural phenomenon', in *Digitalization processes in modern society: trends and prospects of development: collection of reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, pp. 7–10, RNU, Moscow.

Talapina, E. V. 2018, 'Law and digitalization: challenges and prospects', *Journal of Russian Law*, iss. 2, pp. 5–17.

Tikhomirov, Yu. A. 2018, 'The impact of digitalization on the competence of federal executive bodies', *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, iss. 12. pp. 90–94.

Khabrieva, T. Ya. 2018, 'Right before the challenges of digital reality', *Journal of Russian Law*, iss. 9, pp. 5–16.

Nikitin, E. V. 2020, 'Digitalization of criminal punishment', in *Smart Law for Smart Industry: collection of scientific articles*, pp. 201–207, South Ural State University, Moscow.

Cherekhovich, M. M. 2020, 'The development of scientific ideas about the causes of crime and correction of criminals', *Bulletin of the Moscow State Regional University. Jurisprudence Series*, iss 1, pp. 57–66.

Vyacheslav Efimovich Yuzhanin, Sc.D (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, professor of the department of criminal law and criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzhanin@mail.ru;

Dmitriy Vladimirovich Gorban', PhD (Law), associate professor of the department of organization of punishments execution, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pushkino, Russian Federation, e-mail: dimas8807@mail.ru

THE INSTITUTION OF STAY OF CONVICTS OUTSIDE CORRECTIONAL INSTITUTIONS IN THE PENAL LAW OF RUSSIA

Recommended citation

Yuzhanin, V. E. & Gorban', D. V. 2021, 'The Institution of stay of convicts outside correctional institutions in the penal law of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 46–55, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.46-55.

Abstract. Convicts sentenced to imprisonment are placed in strict isolation, which expresses the essence of this type of punishment. However, for some categories of convicts, the legislation provides for cases of restriction of this isolation. We are talking about the application of the institution of staying outside of correctional institutions to convicts. The category "stay outside the correctional facility" includes all cases of residence and stay of convicted persons outside the correctional facility. The period of stay of convicts outside the correctional institution may be long or short, and may also be covered by the application of incentive measures to convicts or other institutions (sub-institutions) that are of an incentive nature and are aimed at their social adaptation. In the presented scientific article, the authors attempt to conduct a comprehensive analysis of the institution of the stay of convicts outside correctional institutions in the penal law of Russia. The authors substantiate the concept, the essence of which is that the main purpose of this legal institution is related to the social adaptation of convicts. The institution of the stay of convicts outside correctional institutions in the penal law of Russia includes separate independent sub-institutes. The feature that unites these sub-institutions is the interruption of isolation in relation to convicts for a short or long time in accordance with the need to achieve the goals and objectives set out in the penal legislation. The authors give a detailed description of each sub-institute of stay of prisoners outside of correctional facilities; they propose legislative solutions to the problems associated with the practical implementation of sub-institute; they provide and analyze data from official departmental statistics, as well as the opinions of leading penitentiary scientists.

Keywords: institute of law, sub-institute of law, isolation of convicts, stay outside the correctional institution, convict, correction, social adaptation, preparation for release.

References

Belyaeva, G. S., Abramova, N. G. & Leshchenko, O. V. 2019, 'The concept and essence of the legal institute', *Theory of state and law*, iss. 2, pp. 39–45.

Azarkhin, A. V. & Drozdov, A. I. 2018, 'Humanization of detention conditions of convicts in correctional institutions as a means of implementing the penal policy', *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia*, iss. 3(43), pp. 113–117.

Avanesov, G. A. 1968, *Changes in the detention conditions of convicts while serving a sentence of imprisonment (progressive system)*, All-Union Research Institute of Public Order Protection, Moscow.

Yakimovich, Yu. K. 1981, *Changes in the detention conditions of convicts within one Correctional labor institution (based on the materials of the Correctional labor colony of the general, reinforced, strict regime of the West Siberian region): PhD thesis (Law)*, Tomsk.

Chigrinets, E. A. 2019, 'Problems of legislative regulation of resocialization and social adaptation of convicts to imprisonment', *Administrative law and process*, iss. 12, pp. 71–74.

Sokolov, A. A. 2010, *Visits of convicts outside correctional institutions: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Seliverstov, V. I. 1997, 'Short-term visits of convicts outside the prison: theoretical and applied issues', in *Problems of punishments execution and activities of the penal system: collection of scientific works*, pp. 4–13, Moscow.

Yuzhanin, V. E. 2018, 'Norms-fictions in the institute of sentences execution in the form of deprivation of liberty', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 2, pp. 124–129.

Latysheva, L. A. 2018, 'Execution of sentences in relation to women sentenced to imprisonment: problems and ways to solve them', in *Legal, organizational and psychological directions of state policy in the law enforcement sphere: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 84–88, VILE of the FPS of Russia, Vologda.

Gadzhieva, D. A. & Kombarov, R. V. 2019, 'On the issue of granting leave to convicts outside the correctional institution', in *Actual problems of modern law and legal consciousness in Russia and abroad: collection of materials of the scientific conference of students*, pp. 58–61, VILE of the FPS of Russia, Vologda.

Zubkov, A. I. (ed.) 2008, *Commentary to the Penal Code of the Russian Federation*, 4th edn, Norma, Moscow.

Minster, M. V. 2016, 'Legal regulation and practice of implementation of the right to visits for women sentenced to imprisonment', *Bulletin of the Siberian University of Consumer Cooperation*, iss. 3.4(18), pp. 46–51.

Ibragimova, N. M. 2018, 'Features of providing short-term and long-term visits to convicts sentenced to imprisonment', in *Tatishchev readings: actual problems of science and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 216–221, Volzhsky University named after V. N. Tatishchev, Tolyatti.

TIME LENS

Viktor Ivanovich Ignatenko, Sc.D (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, e-mail: kioppapu@mail.ru

OTHE CATEGORY OF "ANTI-SOCIAL LIFESTYLE" IN THE LIGHT OF FOREIGN CONCEPTS OF COMBATING CRIME

Recommended citation

Ignatenko, V. I. 2021, 'The category of "anti-social lifestyle" in the light of foreign concepts of combating crime', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 56–70, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.56-70.

Abstract. Each socio-economic formation has not only its own laws, but also its own characteristics, specific forms of management of social processes, forms and methods of influencing the behavior and lifestyle of people. Accordingly, crime in these socio-economic systems has a different nature and direction. Much depends on the forces and means aimed at fighting crime. In real life, the main focus in the fight against crime in any social system is on improving social relations, improving the well-being of the lifestyle, changing the value orientations of those who have committed crimes. Most social control systems and law enforcement agencies in all countries are aimed at combating crime, but using different social and legal means, forms and methods of influence. How successful they are in the fight against crime is reflected in this article.

Keywords: concept, lifestyle, antisocial lifestyle, crime, behavior, communication, content.

References

- Short dictionary of sociology* 1988, Politizdat, Moscow.
- Vermesh, M. 1978, *The main problems of criminology*, N. A. Struchkov (ed.), Progress, Moscow.
- Bafia, E. 1983, *Problems of criminology: dialectics of the criminogenic situation*, N. A. Struchkov (ed.), Juridical literature, Moscow.
- Aristotle 1983, *Essays*, in 4 vols, vol. 4, Mysl, Moscow.
- The book of the ruler of the Shang region* 1968, Nauka, Moscow.
- Foks, V. 1985, *Introduction to criminology*, translated from English, Progress, Moscow.
- Shnayder, G. 1994, *Criminology*, L. O. Ivanov (ed.), Progress, Univers, Moscow.
- Bekkaria, Ch. 1939, *About crimes and punishments*, Yurizdat, Moscow.
- Bentam, I. 1867, *Selected works*, vol. 1, Russian Book Trade, St. Petersburg.
- Ferri, E. 1908, *Criminal sociology*, V. M. Sablin, Moscow.
- Antonyan Yu. M. 2001, 'The problem of the causes of criminal violence in the period of criminology formation', *Criminological Journal*, iss. 1, p. 8.
- Freud, S. 1980, 'About psychoanalysis: five lectures', in P. Ya. Gal'perin, A. N. Zhdan (eds), *Textbook on the history of psychology: the period of open crisis: the beginning of the 10th – the middle of the 30s of the XX century*, Publishing house of Moscow University, Moscow.
- Kuznetsova, N. F. 1974, *Modern bourgeois criminology*, Publishing House of Moscow University, Moscow.

Lekhin, I. V. & Petrov, F. N. (eds) 1949, *Dictionary of foreign words*, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, Moscow.

Fromm, E. 2016, *The anatomy of human destructiveness*, AST, Moscow.

Quetelet, A. 1866, *The social system and the laws governing it*, N. Polyakov and K°, St. Petersburg.

Durkheim, E. 1900, *The division of labor in society (etude on the organization of higher societies)*, Printing house of G. M. Levinson, Odessa.

Merton R. K. 1938, 'Social Structure and Anomie', *Amerikan Sociological Review*, vol 3, iss. 5, pp. 672–682.

Sellin, T. 1966, 'A sociological approach to the study of the causes of crime', in *Sociology of crime. Modern bourgeois theories: a collection of articles*, pp. 27–38, Progress, Moscow.

Inshakov, S. M. 2000, *Criminology*, Jurisprudence, Moscow.

Schneider. 1994, *Criminology*, Progress, Moscow.

Struchkov, N. A. 1965, 'On the complex development of problems of criminal, criminal procedural and correctional labor law', *Legal science*, iss. 1, pp. 127–134.

Struchkov, A. N. (ed.) 1982, *Criminology*, translated from the Czech, Progress, Moscow.

Nikolay Grigor'evich Shurukhnov, Sc.D (Law), Professor, professor of the department of criminal procedure and criminalistics, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation; Chief Researcher of SRC-3, Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID 0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru

PRISONS OF RUSSIA ACCORDING TO THE HANDWRITTEN PROJECT OF THE EMPRESS CATHERINE II IN 1787 (A BRIEF RETROSPECTIVE REVIEW)

Recommended citation

Shurukhnov, N. G. 2021, 'Prisons of Russia according to the handwritten project of the Empress Catherine II in 1787 (a brief retrospective review)', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 71–82, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).171-82.

Abstract. The article reveals the content of the Project on the construction, arrangement, and organization of Russian prisons, prepared by Catherine II in 1787, more than 233 years ago. Access to archival materials, in particular to the publishing house, which was called "Russian Antiquity" (monthly historical magazine) in 1873, allowed us to get acquainted with unique projects. According to the author, they should become the property of specialists of the penitentiary profile, teachers of educational organizations of the Federal Penitentiary Service who study in this profile, human rights defenders and the Russian public. Evaluating the project, we can say with confidence that there is no desire to repay the maximum for what they have done. On the contrary, it is distinguished by humanity (characteristic of Catherine II), humanism, and a focus on returning a person, who has mistaken, into society as a normal citizen. The project included 100 departments, each of which is a logical continuation of the previous one, it provides everything from the architecture of the prison itself to its internal contents, the size of the rooms, the location of tables, benches, doors, stoves, windows, hospital prison wards and their equipment, from the duty of medical personnel to reporting and monitoring the activities of prisons. Considerable attention is paid to the establishment of various types of prisons and categories of prisoners held in them with "humane treatment of them, but at the same time to have a strong and unflagging watch over them at all times, so that they do not harm themselves or anyone".

Keywords: Empress Catherine II, project, charter, order, prison, guard, convict, upper room.

References

Burkov, A. L. 2010, *Convention on the Protection of Human Rights in the Courts of Russia*, Walters Kluwer, Moscow.

Prisons in Russia, a handwritten project of the Empress Catherine II. Co-author M. Filippov 1873, *Russian antiquity*, Monthly historical publication, Year Four, July 1, St. Petersburg, Printing house V. S. Balasheva (Bolshaya Sadovaya, d. No. 49-2).

Melent'ev, M. P. 2000, *The emergence and development of penology and penitentiary science*, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.

The order of torture of the accused 1873, *Russian antiquity*, Monthly historical publication, Year Four, July 1, St. Petersburg, Printing house V. S. Balasheva (Bolshaya Sadovaya, d. No. 49-2).

Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Yu. 2006, *Explanatory dictionary of the Russian language*, 4th edn, TEMP, Moscow.

Shurukhnov, N. G. 2019, 'Instructions to the caretaker of the provincial prison castle of 1831: the main content, essence, relevance', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 4, pp. 465–480.

MANAGEMENT VECTOR

Sergey Vladimirovich Ponikarov, associate professor of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru;

Vladimir Anatol'evich Ponikarov, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of administrative and financial law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru;

Sergey Mikhailovich Smolev, head of the department of fire training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ognpod@yandex.ru;

Sergey Valer'evich Stroilov, deputy head of the department of fire training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ognpod@yandex.ru

THEORETICAL AND APPLIED ISSUES OF THE INTERACTION ORGANIZATION OF SPECIAL PURPOSE DEPARTMENTS OF THE PENITENTIARY SYSTEM WITH OTHER SPECIAL UNITS

Recommended citation

Ponikarov, S. V., Ponikarov, V. A., Smolev, S. M. & Stroilov, S. V. 2021, 'Theoretical and applied issues of the interaction organization of special purpose departments of the penitentiary system with other special units', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 83–89, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.83-89.

Abstract. The article deals with the issues of organization and tactics of interaction of special purpose units of the penal system with special units of other law enforcement agencies (National Guard of Russia, etc.). The main organizational criteria of interaction of the considered divisions are fixed. The characteristic features (peculiarities) of the interaction under consideration, which give it a qualitative peculiar form, are revealed. The integration of these features allowed the authors to formulate their own definition of this type of interaction. In addition, the authors determine the specifics in the content of the tactics of interaction of special purpose units, consider the basic principles of interaction of these units (balance, mobility, preparedness). The results of the study are based on a survey of 224 employees of special purpose departments from the Central Federal District.

Keywords: organization and tactics of interaction, correctional institutions, the penal system, law enforcement, special forces.

References

- Afanas'ev, V. G. 1982, *Scientific management of the society*, Politizdat, Moscow.
- Grishin, D. A. 2011, 'Administrative and legal regulation of the activities of special purpose departments of the Federal Penitentiary Service: current state, problems and prospects', *Administrative law and process*, iss. 4, pp. 19–21.
- Malkov, V. D. 1979, *Planning in the management of internal affairs bodies (theoretical and organizational-methodological problems): PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Ozhegov, S. I. 2009, *Dictionary of the Russian language*, Yu. N. Shvedova (ed.), Russian language, Moscow.
- Chayka, Yu. Ya. (ed.) 2002, *Organization of management in the penal system*, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.

Ponikarov, S. V. 2019, 'Classification of normative acts regulating the law enforcement activities of special purpose units of institutions and bodies performing functions in the field of execution of criminal penalties', *Penitentiary science*, vol. 13, iss. 4, pp. 552–557.

Starostin, S. A. 2000, *Management of internal affairs bodies in emergency situations (legal and organizational aspects): PhD thesis (Law)*, Moscow.

Tomin, V. T. 1978, *Problems of optimization in the functioning sphere of internal affairs bodies*, Gorky Higher School of the MIA of the USSR, Gorky.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Ekaterina Nikolaevna Barkhatova, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal law and criminology, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, Russia, ORCID 0000-0002-0381-5462, ResearcherID ABA-3119-2020, e-mail: solncevelvet@rambler.ru

REGULATORY ISSUES OF THE MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF OTHER MEASURES OF A CRIMINAL LAW NATURE

Recommended citation

Barkhatova, E. N. 2021, 'Regulatory issues of the mechanism for the implementation of other measures of a criminal law nature', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 90–100, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.90-100.

Abstract. The article deals with the issues of fixing the rules on the procedure for applying other measures of a criminal legal nature in the Penal Code of the Russian Federation. The object of the study was the relations in the sphere of other measures implementation of a criminal-legal nature, the mechanism of which is regulated by disparate regulatory documents. The main tasks were to analyze the norms of criminal and penal legislation, as well as industry regulations in the field of application of other measures of a criminal legal nature. In the course of the study, the dialectical method was used as a general scientific method of cognition, methods of analysis and synthesis, as well as a comparative legal method. To support the conclusions, the author also turned to the study of foreign penal legislation in terms of the mechanism for implementing other measures of a criminal legal nature. As part of the study, the sentences of the courts of various instances were studied. The author formulated the norms of the Penal Code of the Russian Federation, dedicated to the mechanism of other measures implementation of a criminal legal nature.

Keywords: medical measures, compulsory educational influence, judicial fine, confiscation of property, implementation of compulsory measures.

References

Osadchaya, O. M. 2015, 'Compulsory measures of educational influence in the Criminal Code of the Russian Federation among the ways of state response to minors' crimes', *Koncept*, iss. 3, pp. 1–8.

Mikaelyan, A. A. n.d., *Organization of individual educational work*, viewed 3 November 2020, <https://urok.1sept.ru/articles/413989>.

Stanislav Stanislavovich Epifanov, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of organization of operational and investigative activities, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-4560-260, e-mail: ess-rzn@mail.ru

SYSTEM FOR THE PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY CONVICTS THROUGH THE ILLEGAL USE OF MOBILE COMMUNICATIONS (CRIMINOLOGICAL AND PENAL ASPECTS)

Recommended citation

Epifanov, S. S. 2021, 'System for the prevention of crimes committed by convicts through the illegal use of mobile communications (criminological and penal aspects)', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 101–106, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.101-106.

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the need to improve the effectiveness of the system of special criminological and other measures to prevent crimes committed by convicts in correctional institutions through the illegal use of mobile cellular communication. The results of the research, conducted by the author, indicate the existing criminal activity of convicts in the preparation and implementation of illegal acts that pose threats to criminological security in correctional institutions. The illegal use of mobile communications for criminal purposes is developing in parallel with the scientific and technical progress of the society, developing into an interdepartmental problem, requiring adequate response measures to prevent the commission of crimes using information and telecommunications technologies, neutralizing the causes and conditions that contribute to these acts in correctional institutions. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that on the basis of the norms of Articles 83 and 84 of the Penal Code of the Russian Federation, it is legal and permissible to openly use special technical means in correctional institutions to obtain information about SIM card numbers, IMEI numbers of cell phones illegally used in the restricted territory. Obtaining information about SIM card numbers and mobile phone identification numbers by using radio search equipment within the territory of the correctional institution has a socially significant goal and task: ensuring law and order and security, identifying and suppressing the illegal operation of mobile information and telecommunications equipment.

Keywords: correctional institutions, mobile communication facilities, crime prevention system, special criminological measures, crime prevention tools.

References

Goryainov, K. K. 1991, *Theory and practice of cognition of a criminological situation: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Igor' Vladimirovich Ovsyannikov, Sc.D (Law), Associate Professor, chief researcher of the research department at the scientific center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-4226-5958, e-mail: iuver@mail.ru

THE CIRCUMSTANCES NECESSARY FOR THE DETENTION OF A CONVICTED PERSON AND TRANSFER TO A COLONY-SETTLEMENT UNDER THE CONVOY

Recommended citation

Ovsyannikov, I. V. 2021, 'The circumstances necessary for the detention of a convicted person and transfer to a colony-settlement under the convoy', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 107–111, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.107-111.

Abstract. The article is devoted to circumstances provided for by the penal law, the presence of which allows the court to make a decision on detention of a convicted person to deprivation of liberty with serving a sentence in a colony-settlement under custody and sending a convicted person to a colony-settlement under convoy: evasion of the convicted person from the investigation or the court, violation of a preventive measure. The author states the vagueness and conciseness of the law in this part; formulates and analyzes the resulting problem of understanding in what period of time or at what stage of criminal proceedings the specified circumstances should exist, so that they can entail a legal consequence in the form of a court decision to send a convicted person to a colony-settlement under convoy. It is noted that the accused is not yet a convicted person before the court decides on the verdict. In this regard, the author substantiates the possibility and necessity in the case under consideration of a broad interpretation of the law and its understanding, according to which it is necessary to take into account the negative behavior of the convicted person (evasion from the investigation or trial, violation of a preventive measure) not at the stage of execution of the sentence, but during the period of criminal proceedings before the court. The presence or absence of the circumstances necessary for the conclusion of the convicted person in custody and his transfer to a colony-settlement under convoy, the court ruling the guilty verdict may establish on the basis of the study of documents and other evidence that are available in the materials of the criminal case. Examples from modern judicial practice are given. Proposals are formulated to improve the penal law.

Keywords: convicted person, detention, transfer to a colony-settlement under convoy, evasion from the investigation or court, violation of a preventive measure.

References

Belyaeva, O. M. 2012, 'The concept and essence of the interpretation of law', *Russian justice*, iss. 10, pp. 35–37.

Nikolyuk, V. V. 2015, 'Features of the court's consideration of the issue of detention of a convicted person who evades arrival in a colony-settlement', *Criminal law*, iss. 4, pp. 93–99.

Arshba, O. I., Vasil'ev, V. A. & Rozuvan, A. M. n.d., *Passport of the draft Federal Law No. 489055-4 "On Amendments to the Penal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding the procedure for sending convicts to a colony-settlement)"*, Legal reference system "ConsultantPlus".

Aleksandr Alekseevich Ildzhev, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the departments of administrative law, administrative activity and management of Internal Affairs, Kazan Law Institute of the MIA of Russia, Kazan, Russian Federation, e-mail: ilidsasha@yandex.ru

THE CRIMES OF AN ACCOMPLICE AND THEIR REFLECTION IN THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Ildzhev, A. A. 2021, 'The crimes of an accomplice and their reflection in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 112–122, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.112-122.

Abstract. The article examines the legal nature of complicity. A comparative legal analysis of the provisions of the General part of the Criminal code of the Russian Federation governing the institution of complicity and of the offences specified in the Special part of the Criminal Code, which may constitute the crime of the accomplice, are conducted. The aim of the study is to develop various elements of the theoretical and legal model of complicity in criminal law and proposals for improving the practice of their implementation. The object of the study is the institute of complicity as a criminal-legal structure. The research methodology is based on the dialectical method of cognition. When solving certain problems, other research methods are also used, in particular, comparative legal, system-structural, legal modeling, and linguistic. It is stated that the place of reflection of the crimes of the accomplice is not only the General, but also the Special part of the criminal law. The author critically evaluates the classification of complicity existing in the theory of criminal law into intellectual and physical. In this case, only aiding and abetting the commission of a crime is distinguished, but not aiding and abetting promise. When determining the limits within which assistance is permissible, it is emphasized that assistance to the commission of a crime, as well as aiding and abetting promises, are possible only until its actual end. Based on the analysis of the provisions of the General and Special Parts of the Criminal Code, and explanations on issues of judicial practice; in this field, we study aiding promises as a kind of exclusively intellectual aiding, taking into account their differences in the nature of the action and the subject of the application. When determining the legal nature of aiding and abetting, the author notes that the list of aiding and abetting actions contained in Part 5 of Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation is exhaustive. At the same time, it is emphasized that assistance and making promises in some cases (Articles 110.1, 230.1, 233, 275, 276 of the Criminal Code of the Russian Federation) are criminalized as independent crimes committed without complicity. In determining the dialectical relationship between the provisions of the General part, revealing aiding and abetting actions, and the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation noted that in the case of reflection in the latter from a legal point of view, they should be recognized as crimes of the perpetrator, but in fact they are crimes of the accomplice and have nothing to do with the actual crimes of the accomplice. Taking into account the different views in the theory of criminal law, the author's definition of the actual crime of the accomplice is given. When deciding on the attribution of the act to the actual crime of the accomplice, it is proposed to use the method of mentally excluding the relevant prescriptions from the criminal law. The author demonstrated

the application of this method on the example of the following offences: part 1 of Article 173.2, part 1 and 2 of Article 185.6, part 1, 1.1 and 3 of Article 205.1, part 1 of Article 234, part 1 of Article 238 of the Criminal Code, which in his view represent an exhaustive list of options reflect the actual crimes of the accomplice in the Special part of the Criminal Code.

Keywords: accomplice, accomplice in crime, assistance, actual crime, offender.

References

- Arutyunov, A. A. 2013, *Complicity in a crime*, Statut, Moscow.
- Bezborodov, D. A. 2013, *Types of crime accomplices*, St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, St. Petersburg.
- Blagov, E. V. 2017, *Thirty-five years of service to Athena: a collection of articles and theses*, Prospekt, Moscow.
- Blagov, E. V. 2021, *Complicity in a crime and criminal liability*, Uritinform, Moscow.
- Blagov, E. V. 2004, *Application of criminal law (theory and practice)*, Law Center Press, St. Petersburg.
- Gorelik, I. S. 1998, *Competition of criminal law norms*, 2nd edn, Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk.
- Ershov, S. A. 2014, *Complicity in the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation: PhD thesis (Law)*, Yaroslavl.
- Zatsepin, A. M. 2016, *Additional qualification of the crime: general and special questions*, Prospekt, Moscow.
- Kozlov, A. P. 2001, *Complicity: tradition and reality*, Law Center Press, St. Petersburg.
- Kosareva, T. A. 2004, *Aiding and abetting the commission of a crime PhD thesis (Law)*, Ryazan.
- Kuznetsova, N. F. & Tyazhkova, I. M. 2002, *The course of the criminal law*, in 5 vols, vol. 1, *The general part. The Doctrine of crime*, Zertsalo-M, Moscow.
- Lipezin, A. V. 2018, 'The actions of an accomplice as an independent crime', in *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference*, pp. 315–317, RG-Press, Moscow.
- Molchanov, D. V. 2015, *Actual problems of criminal law. General part*, A. I. Rarog (ed.), Prospekt, Moscow.
- Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Yu. 2006, *Explanatory dictionary of the Russian language*, 4th edn, TEMP, Moscow.
- Pavluhkin, A. N., Ryzhov, R. S. & Eriashvili, N. D. 2007, *Types and responsibilities of accomplices to the crime*, UNITY-DANA, Moscow.
- Sablina, M. A. 2016, *The perpetrator of the crime in the institute of complicity: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Pudovochkin, Yu. E. (ed.) 2019, *Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing*, RGUP, Moscow.
- Shatov, S. A. 2012, *Complicity in a crime*, Law Center Press, St. Petersburg.
- Shubina, V. Yu. 2012, *The institution of complicity in the commission of a crime: criminal-legal and criminological aspects: PhD thesis (Law)*, Krasnodar.
- Encyclopedia of Criminal Law* 2007, vol. 6, SPB GKL, St. Petersburg.

Aleksey Andreevich Mishin, PhD (Psychology), associate professor of the department of penitentiary psychology and penitentiary pedagogy, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, e-mail: mishin87@mail.ru;

Sergey Mikhaylovich Vorob'ev, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of theory of state and law, international and European law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-0734-7456, Researcher ID 735221, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF CONVICTS SENTENCED FOR EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES

Recommended citation

Mishin, A. A. & Vorob'ev, S. M. 2021, 'Socio-demographic characteristics of convicts sentenced for extremist and terrorist crimes', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 123–128, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.123-128.

Abstract. The article is devoted to the study of convicts' personality characteristics sentenced for extremist and terrorist orientation crimes in the period from 2017 to 2019. Changes in the political and economic situation in modern Russia inevitably lead to a change in the portrait of modern convicts serving sentences in correctional institutions. In order to organize the process of convicts' correction who have committed crimes of extremist and terrorist orientation, employees of the penitentiary system must have the necessary knowledge, including knowledge of the main socio-demographic characteristics of persons in this category. Effective convicts' correction is impossible to imagine without the organization of an individual approach to the convict's personality. In this regard, the identification of typical personality traits of convicts is a problem that requires the attention of researchers. The article contains the results of studying the socio-demographic characteristics of convicts sentenced for extremist and terrorist orientation crimes. The analysis made it possible to create a generalized portrait of a convict sentenced for extremist and terrorist orientation crimes. These are men, the age group from 18 years to 24 years or from 30 years to 49 years, who have a secondary general, secondary vocational education, are able-bodied, but do not have a certain type of occupation at the time of committing crime.

Keywords: convict, terrorism, extremism, portrait of a convicted person, penal system.

References

Bocharov, A. V., Meshcheryakova, E. I. & Larionova, A. V. 2015, 'Typology of psychological factors of students' attitude to extremism (based on the results of questionnaires and psychodiagnostics)', *Applied legal psychology*, iss. 1, pp. 21–33.

Kazberov, P. N. 2013, 'Features of psychological work with convicts sentenced for terrorist and extremist activities', *Applied legal psychology*, iss. 4, pp. 61–66.

Kazberov, P. N. 2013, 'Methodological features of psychocorrective work with convicts sentenced for terrorist and extremist activities', *Penal system: right, economy, management*, iss. 3, pp. 19–21.

Kazberov, P. N. & Novikov, V. V. 2015, 'Socio-psychological profile of convicts sentenced for extremist and terrorist activities', *Journal of the penal system*, iss. 4(155), pp. 6–9.

Kazberov, P. N. 2015, 'Typology of penal, psychological and socio-demographic characteristics of persons convicted for terrorist crimes', *Bulletin of the Udmurt University*, vol. 25, iss. 5, pp. 115–120.

Oganesyan, S. S. 2019, 'Extremism in the Russian penal system: methods and techniques of counteraction', *Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*, iss. 2(20), pp. 102–107.

Polyanin, N. A. & Markov, A. Yu. 2014, 'Some features of the personality of a convicted foreigner', *Applied legal psychology*, iss. 4, pp. 101–106.

Slavinskaya, Yu. V. 2018, 'Approaches to the diagnosis of the personality structure among convicts serving life imprisonment', *Applied legal psychology*, iss 1(42), pp. 123–134.

Sochivko, D. V. & Gavrina, E. E. 2012, *The subconscious of the terrorist*, PER SE, Moscow.

Sochivko, O. I. 2019, 'Psychological support for those convicted for extremist and terrorist crimes', *Applied legal psychology*, iss. 3(48), pp. 99–103.

Filipov, R. A. 2012, 'Features of accounting for the personality of a person sentenced to deprivation of liberty in the penal law', *Applied legal psychology*, iss. 4, pp. 131–136.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Yuliya Sergeevna Lisnik, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-1159-9883, e-mail: julia.lis93@mail.ru;

Stanislav Viktorovich Gornostaev, PhD (Psychology), Associate Professor, associate professor of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-5259-0258, e-mail: stanislavrz@yandex.ru

ANALYSIS AND INTERPRETATION OF PERSONAL TRAITS OF THE DEPUTY PLATOON COMMANDER OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Recommended citation

Lisnik, Yu. S. & Gornostaev, S. V. 2021, 'Analysis and interpretation of personal traits of the deputy platoon commander of the educational organization of the Federal Penitentiary Service of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 129–144, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).1.129-144.

Abstract. The achievement of high results in the activities of cadets in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia directly depends on the management of their groups. The first direct leader of each cadet group is the deputy platoon commander from among the cadets. The peculiarities of his personal traits and their manifestation in the management of the training group have an impact on all spheres of life of cadets: official activities, studies, social work, and interpersonal communication. The object of the study is the personal traits of deputy platoon commanders. The purpose of the study is to identify the personal characteristics of deputy platoon commanders that are important for the successful management of training groups. An empirical study was conducted at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. It was attended by cadets and deputy platoon commanders, male and female. The used methods and materials were: questionnaire survey, method of multifactorial personality research by R. Kettell (16-factor questionnaire), method "Questionnaire of terminal values" by I. G. Senin, method of character accentuation research by H. Smishek, multilevel personality questionnaire "Adaptability" (MLO-AM) by A. G. Maklakov, S. V. Chermyanin. Correlation and factor analysis was performed in the program Psychometric Expert (version 9.0.7). Statistically significant associations with success rates were found in ten scales of these tests. By factorizing these scales, four enlarged factors were obtained. Two of these factors "Adaptability" and "Passion for activity" were previously identified by researchers as significant for other categories of junior commanders. The other two "Emotionality of reaction" and "Suspiciousness" were interpreted as specific personality traits inherent in successful deputy platoon commanders of educational organizations of the FPS of Russia. The obtained results are of practical significance in the context of their use by psychologists of educational organizations of the FPS of Russia to determine cadets who will be able to successfully cope with the activities of the deputy platoon commander. A promising area of further research is to increase the number of respondents in the sample population and to develop a profессиogram of the deputy platoon commander.

Keywords: personal traits, deputy platoon commander, junior commanders, educational organizations, Federal Penitentiary Service of Russia, professional aptitude.

References

- Junior Commander's Handbook* 2007, Voenizdat, Moscow.
- Migunova, Yu. S. 2019, 'Socio-psychological marginality aspects of non-commissioned officers status of training units at educational organizations of higher education of the Ministry of Emergency Situations of Russia', *Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops*, iss. 3(8), pp. 95–98.
- Ivanov, S. A. 2015, *Formation of skills of educational activity among cadets of military educational institutions: PhD thesis (Pedagogy)*, Moscow.
- Evtikhov, O. V. & Zhil'tsov, A. V. 2017, 'Professional and managerial competence and the problem of leadership of junior commanders of training groups of educational organizations of the MIA of Russia', *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(29), pp. 87–92.
- Bezushko, O. Ya. 2000, *Socio-psychological features of the effective leadership style of the commanders of training units: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
- Verkin, V. S. 2004, *Managerial activity of the cadet unit commander: a sociological analysis: PhD thesis (Sociology)*, Rostov-on-Don.
- Golovachev, A. A. 2000, *Role conflict in the activities of sergeants of the university cadet units: PhD thesis (Psychology)*, Yaroslavl.
- Denisenko, A. G. 2004, *Metaindividual manifestation of aggressiveness in military personnel: based on a study of cadets in the Military Institute of the Ministry of Internal Affairs: PhD thesis (Psychology)*, Perm.
- Krasovskaya, A. E. 2009, *Psychological compatibility of junior commanders of cadet units as mutual satisfaction with interpersonal relationships: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
- Kolesnik, A. V. 2016, *Formation of psychological and pedagogical competence of sergeants of training units in a military university: PhD thesis (Pedagogy)*, Yelets.
- Mar'yasis, I. B. 2004, *Psychological conditions for improving the leadership style of the junior senior staff of educational institutions of the MIA of Russia: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
- Reznikova, R. K. 2011, *Formation of training and educational skills of personnel in junior commanders of the Navy ships: PhD thesis (Pedagogy)*, Moscow.
- Tokarev, N. A. 1990, *Professional and psychological training of enlisted personnel and junior commanding officers of the police of the security units of the internal affairs bodies: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.
- Tryagin, M. M. 2012, *Socio-psychological features of the role behavior of the junior commander of the unit: PhD thesis (Psychology)*, Golitsyno.
- Fedotov, S. N. & Milyukova, Yu. D. 2019, 'The role of a psychologist in the development of communicative competence in junior commanders of training platoons of educational organizations of the MIA of Russia', in D. V. Sochivko (ed.), *Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development: collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists*, pp. 748–752, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
- Gatsko, M. F. 2009, 'Professional training of non-commissioned officers and sergeants in foreign armies', *Foreign Military Review*, iss. 5, pp. 21–28.
- Kapustin, V. V. 2012, 'On managing the social adaptation of professional sergeants to future military professional activities at the training stage', *Security problems*, iss. 2(16), pp. 8–9.

Karayani, A. G., Gozhikov, V. Ya. & Larin, V. B. 2016, 'Increasing the role of non-commissioned officers of military universities in the implementation of socio-psychological functions of the educational process related to its preparation for service activities', *Military Academic Journal*, iss. 2(10), pp. 151–156.

Kasavtsev, M. Yu. 2016, 'Methods of training a cadet unit sergeant in the process of military training and education', in *Innovations in Science and Education: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, May 6, 2016)*, pp. 67–71, CSRNI, Novosibirsk.

Migunova, Yu. S. & Nazarov, V. I. 2018, 'Features of command and management interaction of junior command staff of educational divisions of higher education institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia', in Yu. P. Povarenkov (ed.), *Systemogenesis of educational and professional activity: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 214–217, EPD YSPU, Yaroslavl.

Revenko, E. P. & Semchuk, I. V. 2018, 'The role of the commander's "I-concept" in the formation of the cadet's image', *International Journal of Psychology and Pedagogy in Service Activities*, iss. 2, pp. 20–23.

Kholina, L. I. & Tatarov, I. V. 2017, 'Features of professional training of junior commanders in the training center of a military university', *The world of science, culture, and education*, iss. 6(67), pp. 300–301.

Britt, T. W., Davison J., Bliese P. D. & Castro C. A. 2004, 'How leaders can influence the impact that stressors have on soldiers', *Military Medicine*, vol. 169, pp. 541–545.

Bartone, P. T., Snook, S. A., Forsythe, G. B., Lewis, P. & Bullise R. C. 2007, 'Psychosocial development and leader performance of military officer cadets', *The Leadership Quarterly*, vol. 18, iss. 5, pp. 490–504.

Kiselev, A. M. 2001, *Professional training of cadets (students) of educational institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and ways to improve it in the study of special tactics: PhD thesis (Pedagogy)*, Ryazan.

Lazutkina, L. N. 2008, *Pedagogical concept of formation and development of speech culture among cadets of military command universities: PhD thesis (Pedagogy)*, Moscow.

Dmitriev, A. I. & Maksimov, A. V. 2017, 'The role of the unit commander in identifying the post-stress state among cadets of the Institute of the FPS of Russia', in *Perspective directions of development of artillery armament, methods of its operation and repair: proceedings of the XI Interuniversity Scientific and Practical Conference*, pp. 144–147, Perm Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, Perm.

Litvishkov, V. M. & Kucheryavaya, O. A. 2012, 'To the question of the research methodology of professionally significant personality qualities among cadets of Higher Education Institutions of the FPS of Russia', *Man: crime and punishment*, iss. 1(76), pp. 125–130.

Kurganov, V. N. 2009, 'Professional aptitude for the leadership of the primary military team', *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series of Psychological Science*, iss. 1, pp. 133–140.

Tyumeneva, N. P. & Kashintseva, I. L. 2020, 'Experience in the formation of spiritual and moral values of cadets and students of educational organizations of the Federal Penitentiary Service', *Man: crime and punishment*, vol. 28, iss. 4, pp. 639–645.

Sivak, A. N. & Belyaeva, O. A. 2019, 'The problem of the relation of leadership and power among the cadets of the Military Institute', *Applied legal psychology*, iss. 4(49), pp. 92–98.

Karayani, A. G. & Syromyatnikov, I. V. 2016, *Military psychology*, MU, Moscow.

Migunova, Yu. S. & Safronov, N. A. 2017, 'Socio-psychological vectors of interpersonal relations in cadet units', in *Fire and Emergency Safety: collection of materials of the XII*

International Scientific and Practical Conference dedicated to the Year of Civil Defense, pp. 683–686, Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Ivanovo.

Dryupina, I. V. 2007, *Psychological and ergonomic components of the service activity success of a junior commander of a military educational institution: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.

Maklakov, A. G. 2001, 'Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions', *Psychological Journal*, iss. 1(22), pp. 16–24.

Bodrov, V. A. 2012, 'About the ratio of the categories "professional aptitude" and "job satisfaction"', in *Development of psychology in the system of complex Human Knowledge: materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 40th anniversary of the Institute of Psychology and the 85th anniversary of its founder B. F. Lomov*, pp. 615–620, Institute of Psychology of the RAS, Moscow.

Bodrov, V. A. 2007, 'Job satisfaction as a subjective indicator of professional aptitude', *The human factor: problems of psychology and ergonomics*, iss. 3(40), pp. 24–26.

Kuznetsova, E. V. & Zhuravleva, N. I. 2018, 'Dynamics of managers' job satisfaction as a factor of their "micro-career"', in Yu. P. Povarenkov (ed.), *Systemogenesis of educational and professional activity: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 214–217, EPD YSPU, Yaroslavl.

Locke, E. A. 1976, 'The Nature and Causes of Job Satisfaction', *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*, vol. 1, pp. 1297–1343.

Romita, D. S. 2019, 'Factors affecting job satisfaction of non-commissioned officers in Sri Lanka Military Academy', in *Vavuniya Campus International Research Symposium, November, 2019*, pp. 68–72, Sri Lanka.

Handbook of the officer-educator. Series "Law in the Armed forces – consultant" 2003, vol. 35, For the rights of military personnel, Moscow.

Borovitskiy, A. M. 2016, *Pedagogical conditions for the development of the communicative culture of cadets of the Military Institute of Internal Troops of the MIA of Russia: PhD thesis (Pedagogy)*, St. Petersburg.

PERSONALIA

P. P. BOD'KO'S ANNIVERSARY

Recommended citation

Kazansev V. N. & Kuznetsov, M. I. 2020, 'P. P. Bod'ko's anniversary', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 145–146.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 31.03.2021. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 10,88. Усл. печ. л. 10,12. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917

21291

